

ПЛЫВЕТ В ОКЕАНЕ ЗАВОД

Борис Эскин

Часть первая

ЗА ПЯТЬ МИНУТ ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА

Поезда ходят по расписанию, пароходы - вопреки ему. Задача диспетчера - поскорее вытолкнуть судно на рейд, дабы оградить команду от соблазнов берега, а значит, ускорить отход.

"Мария Поливанова", двухтрубная белоснежная махина, покачивается на волнах в ожидании последнего катера. Сегодня нужно отчалить, хоть пересохни море!

Между рейсами было восемнадцать суток. Это: освободить трюмы от тяжелых паков и тут же набить их картонными коробами с пустыми консервными банками; завезти бочки с маслом и мешки с мукой; поднять на корму золотисто-молочные бухты канатов, белесые коконы тралов, жирные, как чернозем, стальные тросы; успеть пройти медкомиссию, потому как прививки от холеры, желтой лихорадки и прочих гриппов, согласно твоей санитарной книжке, уже обессилели; отчитаться перед, высоким начальством, включая жену и тещу; представить уйму актов в бухгалтерию, службу мореплавания и дегустационную комиссию, экономистам и пожарникам; принять на судне с десятков экскурсий, в том числе работников передового ЖЭКа и пионеров-рекордистов по сбору металлических кроватей и наковален; проследить, чтоб механики пообходительнее вели себя с Регистром, а то еще заставит приподнять пароход - проверить, на месте ли винт. Вот, собственно, и все восемнадцать суток стоянки. Ах, да: надо ведь день-другой побыть дома, сделать внушение сыну: "Так ты того... смотри мне... давай... чтоб это... Понял?!"

Последний катер везет самых главных: капитан-директора; самого главного механика (по морскому - "деда"); наиглавнейшего зама по рыбалке - старшего трал-мастера; а также самых недисциплинированных и самых прочих. К последним отношусь я.

Капитана зовут Виктор Прокофьевич Горбачев. Ему тридцать пять. Невысокий 7-худощавый, с воспаленными от бессонницы глазами. Стоять на месте не умеет, пальцы упорно пытаются поломать дужки темных очков, но пока безуспешно. Его разлили уже на берегу: заказал катер на восемь - отошли в девять. Земля - синоним беспорядка!

В кукольный салон катера протиснулись две женщины - провожающие. Одна - само олицетворение разлуки: трагически подпиливает сиреневые перламутровые ноготочки. Другая воспитывает грузного "деда":

- Оглянись ты на берег - твоя машет!

- То не моя, то - соседа.

Глаза у механика - две узенькие хитрые щелочки.

Подходим к судну. Наискось по высокому борту поднимается тонкий и длинный, как пожарная лестница, трап. Там, на верхней площадке, вахтенный фильтрует прибывших: - Корабль на отходе - никаких провожающих! Вы куда, куда?!

Поздно. Прорвалась к мужу. Надобно зарубить ему напоследок, что жена, хоть и на берегу, но все видит и все знает, и ежели он только посмеет!..

"Мария Поливанова" идет в десятый промысловый рейс ловить рыбу в океане. Ловить и делать из нее консервы. У этого стотридцатиметрового тела, что согласно закону Архимеда своей погруженной частью выталкивает десять тысяч тонн соленой жидкости, именуемой морской водой, - у этой начиненной людьми и механизмами громадины мудреные и загадочные инициалы: ПДПКЗ. А расшифровываются они так: плавучий добывающий перерабатывающий консервный завод. Короче: траулер, который привозит на землю уже готовую закуску!

Работа нелегкая, тонкая, стерильная. Как заметил старожил корабля старший механик завода Никитенко, "мужикам на конвейере не справиться - не выдерживают темпа по причине слабости к перекурам, и вообще..." "Вообще" - основной риф. Нужны на потоке особое терпение и сноровка, внимательность, точность, мягкость. Нужны женские руки.

Женщина -: главная ударная мощь "Поливановой". Главная сила, главная слабость.

Едва отошел, раздувая усы по воде, последний рейдовый катер, как в каюту помполита тайфуном ворвалась женщина.

- Вот так надо на берег, вот так!

Ладонь клинком рубит воздух у горла, лицо - с мооровского плаката "Помогите голодающим Поволжья!"

- Дорогая, уже - никак. Пойми, последний катер. Все. Берег закрыт. Сейчас подойдут власти.

Глаза женщины заряжены суперрешимостью. Хоть вплавь!

- Ну что там у тебя стряслось?

- Сашке, охламону, забыла сказать чтоб он отцу дневник показывал.

Пароход в ожидании карантинных властей и таможенников. Это последний абзац и ДПОНСС под названием "Отход".

На траловой палубе, заваленной снастями, чугунными шарами-углубителями да всевозможными ящиками, зачалась походная морская "травля", которая продлится - с перерывами на авралы - ровно полгода.

В ногах у членов "ассамблеи", что пристроились, как на жердочке, на низеньком оградительном бортике, крутится, погавкивая и цапая за штаны, круглая собачонка. Малявку принес на судно матрос-тралец Володя, симпатичный молодой усатик.

- Ты не гляди, что Кухтылю месяц, он сообразительный.

"Кухтыль" - и есть темно-коричневая с бежевыми лапками дворняга. Над кличкой долго не раздумывали: раз щенок приписан к траловой команде, то и окрестить его следует соответственно. Кухтыль - важнейшая деталь трала: поплавок размером с футбольный мяч.

- А ежели сообразительный, - вступает в разговор плотный морячина в шлепанцах на босу ногу, - то нехай помалкивает, когда карантинная мадам появится. Услышит - враз вышвырнет.

- То-то и оно, - чирикает тощий матросик в кепочке велосипедиста. - Слышь, а через полгода пес-то запаха земли спужается!

- Кошку взяли бы, кошку!

- Кэп тебе взял бы!

- Нет, кошенья нельзя - не выдержит плавания. На кошенья, сообщу я вам, электромагнитные облучения влияют,

- с учнейшим видом заявляет морячина в шлепанцах.

- Меланхолия на кошенья нападает.

В диспут вступает единственная на "ассамблее" женщина - ее все зовут Степановой. Пожилая, грузная, с увесистыми руками, она сидит на приступке, широко, по-мужицки, расставив ноги. А говорит неожиданно для такой суровой наружности ласковым бархатным голосом:

- Был однажды случай. Взяли барбоса...

И дальше медовым своим меццо-сопрано про то, как пес три года переходил с корабля на корабль в океане, так и не ступив ни разу на берег.

Резкий протяжный звонок. По трансляции голос: "Общесудовая тревога!".

Учебная тревога - дело серьезное. Портнадзор, пока не убедится, что обязанности по тревоге знают все, - в море не выпускает.

Коридоры затопотали, загалдели.

В оранжевых пробковых жилетах все выглядят мандаринами с ножками из веселой итальянской сказки.

Старший по левому борту - товарищ не худенький и без оранжевых доспехов - проверяет боеготовность вверенной ему женгруппы. Вышагивает вдоль пестрого строя, важно выпятив грудь. Останавливается у новенькой.

- Ответьте, что будете делать по сигналу "Шлюпочная тревога"?

- Иду... бегу... сажусь. (Отдаленный хохоток.)

- Куда?

- В лодку.

("О ужас! - написано на лице бывалого моремана. - Не в шлюпку, а в лодку!")

- Я спрашиваю, куда бежите? (Многозначительное похихикивание "старичков".)

- Бегу...

Кто-то подначивает:

- ...в каюту к Васе...

Старшего не так-то просто сбить на трали-вали. Он почти уверен, что подсказала Лида Шевченко, старший матрос завода, симпатичная чернобровая, женщина. (Как легенду передают из рейса в рейс рассказ про то, как она за минуту укладывала вручную целую дюжину банок - скорость в два раза выше машины-автомата!).

- Лида, ты того... брось сбивать молодежь!

- Слушаюсь, гражданин начальник!

- Из-за нее, понимаешь,

- командир кивает на новенькую,

- еще возьмут и задержат до ночи. А это значит...

О, Лида претолочно понимает, что это значит! Это - больше, чем ужасно.

Экзамен продолжается.

Запаздывают власти. Семь вечера. Восемь. Восемь тридцать. Никому не сидится в каютах. Успеем или не успеем?!

Нервничает капитан, хоть и не подает виду. Только выскакивает то и дело к трапу,

- мол, просто проверить, все ли в порядке.

Он склоняется над фальшбортом, вглядывается вдаль, за мол, прикрывающий вход в бухту. Горбачев при полном параде: в форменной тужурке с золотыми зебрами шевронов, на груди витиеватый знак капитана дальнего плавания. В темном профиле капитана есть что-то соколиное: резко торчат нос и подбородок.

- Это все чепуха. Я не суверен. Понедельник, не понедельник - какое имеет значение!

А я его и не тянул за язык. Сам заговорил.

Кстати, в прошлом рейсе, когда натерпелись страхов во время урагана, когда с палубы срывало привинченные стопудовые вьюшки, а рулевого носило по мостику, словно шайбу по льду,

- в том самом репсе план по добыче не выполнили, потому что из-за штормов полмесяца не ловили. Рейс, как ни старались, вышел похуже предыдущих. Между прочим, вышли тогда в море именно в понедельник, а промысел начали тринадцатого.

Помполит, уже не таясь, поглядывает на часы. Все пропало. Если через пять-десять минут не появятся...

И вдруг из-за Мола показался катер таможенников.

- Всем разойтись по своим каютам! Приготовить к проверке паспорта!

Я вынул новенькое, только вчера полученное удостоверение личности и положил на стол. Темно-красная ледериновая книжца. На развороте под словами "Паспорт моряка" такая непривычно-торжественная приписка: "Гражданин Союза Советских Социалистических Республик". Рядом - то же самое по-английски.

Стук в дверь. Таможенники. Одета по форме стройная миловидная женщина. Два-три вопроса. Нет, не брал. Нет, не имеется.

- Счастливого плавания. До встречи через полгода! Еще спускались по трапу таможенники, а корабль уже густо и могуче затрясся. Заработали главные двигатели. Запахло гарью на палубе. Капитан, что до последней минуты чинно сопровождал проверяющих, вихрем сорвался с места и подскочил к телефону.

- В рубке, приготовиться к выборке якоря!

Все пришло в движение. Пронесся наверх, в ходовую, старпом. Заурчала лебедка, поднимая трап. Он прижался к фальшборту, как штык к винтовке. В океане он не понадобится нам.

- Вира якорь!

Сдвинулись. Медленно стал отходить к корме берег. Заколебались огоньки бухты Камышовой, начали наползать друг на друга.

Капитан взглянул на стрелки часов. Все в порядке. До понедельника оставалось пять минут.

БОСФОР, ШЕЙК И ГАРИБАЛЬДИ

- Ну что там, подошли?

Это капитан. По спикеру (переговорное устройство). Капитан отсыпался двести девяносто девять миль от Севастополя до Стамбула.

- Ничего не попишешь - ход отличный. Ждем вас.

Старший помощник щелкает выключателем. Старший помощник страшно доволен своим "ничего не попишешь". Это все равно, что с грустной миной изречь: "Опять, в десятый раз, становлюсь олимпийским чемпионом, ох!".

В темноте рубки поблескивают его молодые глаза. Самый что ни на есть главный штурман. Самый что ни на есть худенький и малюсенький - на голову короче всех на мостике. Но это - детали. Он - старший штурман, старпом, или "чиф" (по-английски), а следовательно, начальник всей судоводительской службы, хранитель уставных норм и ключей от любого закоулка, наиважнейший ответственный за непотопляемость корабля и калорийность флотского борща, за приемы на уровне загранправительств, за ржавчину на борту и неглаженные простыни, за точность движения планет, за воздух в надувных спасательных плотиках, за кляксы в вахтенном журнале, за... за что только он не ответственный! А потому новоиспеченный старпом Женя... простите, Евгений Васильевич ("Васильич"), выросший на "Поливановой", старается упрятать чирикающие нотки в голосе, а взгляду придать глобальное выражение.

На мостике торжественная и выжидательная тишина. Выстроились в ряд: крупнолицый главный механик Ивасюк - руки "деда" застыли на рычагах пульта управления машиной; взлохмаченный рулевой за стойкой; пожилой приземистый гидроакустик и молоденький вахтенный штурман - эти колдуют у локаторов. За спинами изготовившихся к ночному действию важно расхаживает старпом Васильич - командующий парадом в ожидании принимающего парад.

Подмигивают лунные, изумрудные, багровые огоньки на щитах и панелях. Хрипит радиостанция, пытаюсь распутать разноплеменный клубок голосов. Шипят, пощелкивают, попискивают приборы.

В рубку быстрой развалочкой вошел капитан. Принимающий парад прибыл.

Молча взял бинокль, вышел на крыло. Так же молча вернулся, на ощупь нашел на селекторе держалку микрофона, похожую на запятовую.

- Боцманской команде приготовить штормтрап с правого борта!

Это для лоцмана.

Корабль чуть убыстрил ход. Поплыл навстречу заикающийся маяк Анадолу.

Горбачев на радиосвязи. Он передает по-английски:

- Вниманию судов! Советский корабль "Мария Поливанова" следует Босфором из Черного моря.

Из темноты один за другим появляются береговые огни - вначале порознь, потом целой цепочкой, взявшись за руки и пританцовывая.

Кэп:

- Сколько на рубке?

- Двести двадцать.

- Влево десять!

- Есть десять влево!

Мы идем, раздвигая перед собой световое ограждение. Золотой муравейник расступается по сторонам.

Справа показался паром, расцвеченный ярко, по-карнавальному. Отвернули на пять градусов. Земля приблизилась до того, что посреди крутолобого мыска, освещенного случайным фонарем, разглядел я парочку на скамейке. Целуются. Им дела нет до кораблей, самолетов, машин.

Взглянул вниз, на палубу. Оказывается, никто из команды не спит: одни разглядывают Европу, другие - Азию. Наша знакомая, что не успела дать последние наставления сыну насчет дневника, живо обсуждает со Степановной увиденное на берегу.

Повыше, на вертолетной площадке, - иная парочка: вовсе девчушки, укутались в один плащ - как будто стоит человек с двумя головами.

Заметив, что я их разглядываю, "чиф" таинственно зашептал:

- Практиканточки из Белгород-Днестровского техникума. Вон те кудрявые волосики зовутся Галочкой...

- И уточнил, поблескивая зрачками: - Галочкой-отличницей!

До меня тогда еще не долетел рассказик-перекати-поле о знакомстве помполита с новенькими. Когда очередь дошла до этих кудрявых волосиков, девчушка вскочила и четко, как на уроке, продекламировала: "Галочка-отличница. Курс третий. Семейное положение-холостячка". Говорят, каюта помполита после секундной паузы разразилась гомерическим хохотом.

Красивым баритоном прогудел пароход. Второй раз, третий. Справа по носу показался лоцманский катер. Луч прожектора поймал его и мягко повел к нам.

Полетел за борт штормтрап. И тут же под ним оказался юркий катерок. Усатый крепыш на баке - он-то и был лоцман - прокричал скороговоркой:

- Майна, майна! Харашё...

Последние ступеньки гибкой лестницы коснулись подпрыгивающей палубы, и по штормтрапу спустился на турецкий катер четвертый штурман. Поздоровался с лоцманом, произнес по-английски весь день репетированную фразу и пригласил "босфорского экскурсовода" подняться к нам на борт.

Тот легко вбегает в рубку, в темноте безошибочно определяет капитана - подходит к Горбачеву. На мгновение освещается столик с картой пролива. Гость все так же быстро проговаривает "харашё-харашё" и занимает место у локатора. На круглом экране, будто на черном небесном планшете, серебрятся берега Стамбула, движутся черточки встречных судов, а главное: мы сами плывем в этой сказочной контурной Вселенной!

- Ха-ра-шё! - нараспев произносит лоцман и тут же: - На румбэ?

Рулевой отвечает, подчеркнуто четко выговаривая слова. И это, похоже, обижает проводника.

- Хорошё, я понимэ, моряк... Сдэлай двэсти двэ.

- Есть двести два!

- Право нэ ходы. Ворочаемся влево.

Над темной громадой крепости поднимается вверх ниточка светящихся бусинок. Это та самая крепость, к воротам которой, по преданию, приколотил свой щит киевский князь Олег.

Проходим предельно близко у берега. Кажется, сейчас крылом зацепим гостиницу, что выступила прямо-таки к парапету набережной. По улице промчалась полицейская машина с синим проблеском на крыше. По длинному зданию, уходящему в гору, лихо расписалась неоновая реклама.

Остался позади первый поворот. Горбачев пригласил лоцмана на кофе. Тот привычно деловито взял с подноса чашку и бутерброд. Жуя, выслушал комплимент по поводу отменного знания русского языка. Ответил без тени хвастовства: "Я - старый лоцман".

За вторым поворотом показался мост через Босфор - тонкая, неуловимо выгнутая струна огоньков. Помню, как строилось это уникальное сооружение: сначала на берегах появились две величественные буквы "П" - опоры; потом между ними начали подвешивать полотно моста. Несколько раз, возвращаясь из океана, любовался конструкциями, выраставшими между мысом Азия и мысом Европа. Но и предположить не мог, что зрелище окажется настолько впечатляющим. Да, Европа отныне через улицу переходит в Азию.

- Чудеса! - шепчет кто-то рядом. Оборачиваюсь: гидроакустик. Зовут его Нохрин Герман Александрович. В темноте за стеклами очков просияли два огромных глаза.

Едва погасло золотое отражение моста в воде, как справа показалась иллюминация: многокупольная мечеть с пиками минаретов. Знаменитая Аи-София. Рядом - храм поменьше, освещенный зеленым. Вниз от него уходит оранжевая зубчатая стена.

Лоцман включил на полную громкость радиотелефон - турецкая речь заполнила рубку. Вызывает свой катер. Проводка окончена.

Узость прошли. Из-за горы выглянул мандаринового свечения маяк. За ним - Мраморное море.

Вот так всегда: суматоха отхода, последний гудок, последний всплеск крымского маяка - и все равно ты еще не чувствуешь, что уходишь от родных берегов надолго - не на день, не на два; потом сутки по Черному морю, в заботах о расселении, в знакомствах, в бесцельных снованиях по кораблю - но и тогда до конца не осознаешь расставания с домом; и только сейчас, когда захлопнулся за тобой Босфор, когда за оранжевым лучом маяка показалось Мраморное море, чужое и чопорное, - только сейчас больно укалывает мысль: "А ведь впереди - полгода иных звезд, иного воздуха, иной жизни". И становится сиротливо в этом гудящем, вибрирующем, гомонящем стальном улье. И спускаться в каюту тоже не хочется - все равно сон не придет до утра.

Я впервые плыву в океан в неуютной должности "пассажира". Раньше ходил мотористом, механиком, инженером, а теперь вот - в качестве журналиста. В голове беспомощно барахтаются фразы первой радиограммы в газету: "Едва остался за кормой крымский берег..." Нет, стандарт. А что если начать с "интригующего" вопроса: "Вы думаете, отчет дням ведут с команды "Отдать швартовы"?.." Тоже не то... Впрочем, довольно муко-творчества: всю эту "лирику" редактор так или иначе зарубит. И на первой полосе появится информация: "Экипаж рыбоконсервного траулера "Мария Поливанова", выйдя в десятый промысловый рейс, прилагает все силы..." Н-да.

Утро ослепило синевой. Море - как подкрашенное густым ультрамарином. Вода настолько насыщенная и тяжелая, что почти не колыхается.

Длинная корма похожа на улицу без тротуаров: по обеим сторонам - крылья жилых помещений. Корма нынешним утром неузнаваема: словно в белой пене акаций - сети, сети, сети. Они повсюду: цирковым куполом над головой; снежными шарами скатаны у борта; брошены под ноги, будто шкуры полярных медведей; стрелами нацелены на заносчивую башню ходовой рубки. Тут и там копошатся матросы траловой команды, разматывая, распутывая, кромсая, связывая, стыкуя, сплетая, подгоняя необозримые сетные полотнища, тугие капроновые канаты, шелковистые шнуры-фалы.

Готовится, а вернее, монтируется первое орудие лова - трал с размахом крыльев черт его знает сколько метров. Я впервые вижу воочию, как собирается такая громадная "авоська". Рыбная ловушка действительно похожа на хозяйственную сетку. Плышет она в воде, заглубленная при помощи специальных чугунных шаров. Корабль буксирует ее за собой на крепких стальных тросах - ваерах.

Лет сто вот эдак тащили снасть по дну, пока не пришла в голову простая мысль: что, разве в толще воды нельзя тралить - ведь там сколько угодно рыбы! И тогда на верхней кромке орудия лова (на верхней подборе) появилась гирлянда поплавок - пустотелых шаров-мячиков, железных, стеклянных или пластмассовых. Кухтыли. Они приподняли "авоську" от грунта, а углубители не дали ей всплыть на поверхность. И пошла новая снасть бороздить по разным глубинам - в зависимости от числа кухтылей или скорости траления.

Разноглубинный лов (его еще называют "пелагический" - от слова "пелагиаль", то есть "толща воды") - революция в промысловом деле. Во-первых, начали добывать в океане такие виды рыб, о которых в эпоху донных тралов знать не знали. Во-вторых, сети перестали без конца рваться на корявых грунтах. Но главное, уловы оказались куда богаче: ведь снасть теперь легче, а значит, можно увеличить ее размеры до тридцати- сорока метров!

И тут произошло нечто подобное звуковому барьеру в авиации. Дальнейший рост трала застыл: великанские сетные полотнища создавали в воде такое сопротивление, что корабль почти застыл на месте - тихохода мерлузу и то не мог догнать!

Тупик? Нет! Выход из этого "гидробарьера" вновь оказался до гениальности простым.

Скажите, зачем нужна огромная сетная часть? Вроде ясно: захватить стаю и погнать ее в "капкан" - в траловый мешок, откуда хвостатикам уже не выбраться по причине мелкой ячеи. Ну, а если рыба "догадается" улизнуть раньше - сквозь крупную решетку сетной части? Улизнет? Всего несколько лет назад казалось, что да - улизнет. Новейшие исследования наших и зарубежных ученых показали: сам след от нити в воде отпугивающе действует на рыбу - он ей кажется сплошной стеной! Очувтившись в устье трала, косяк сбивается к центру и неизбежно идет в мешок. Вывод: размер ячеи в сетной, передней, части можно сколько угодно увеличивать. Основное, чтоб эффект отпугивания сохранился.

В мире появились первые крупнейшие орудия лова. Убрал лишние нити, убрал и лишнее сопротивление. И вновь поползли вверх масштабы снасти: пятьдесят, семьдесят, девяносто метров. Самый-пресамый - вот этот, что красовался в Москве на ВДНХ, где был удостоен золотой медали. Так свершилась вторая революция в траловом хозяйстве.

Один из тех, кто приложил руку к этому перевороту (а если точнее, то руку и голову!), присел сейчас на корточки перед чертежом и что-то объясняет своему помощнику. У Ивана Павловича Мельникова, заместителя капитана по добыче, тонкое, запоминающееся лицо, легкие усики, длинные, слегка волнистые, песочного цвета волосы и хлесткий, словно от шпаги, шрам на узком подбородке. Портрет скорее века девятнадцатого, скорее томного и храброго кавалера-француза, нежели обветренного морехода, старшего тралмастера. Вот он встал, разогнулся - стройненький, гибкий, свободный, в широкой рубаше апаш,

- и схожесть с франтоватым французом еще более усилилась.

Мельников многие годы плавал мастером, наставником по добыче, конструировал тралы, ввел кучу новшеств в промысловое дело, написал даже книжку про пелагические орудия лова. Прослыл среди добытчиков "академиком".

Спускаюсь на кормовой "проспект". Не выдерживаю, удивляюсь вслух: "И как только в этой неразберихе ниток и кусков дели ребята все-таки разбираются - о вяжут, кроят, сшивают точно по чертежу!" Мельников улыбается, обнажая красивые матовые зубы:

- Далеко не все: новички пока что тычутся, как подслепыши. Но ничего: притрутся, сообразят.

Вступает в разговор мастер, мой старый знакомый, помню его еще матросом:

- Для такой махины сообразительность нужна особая. Гляньте, какая ячея!

Он пытается продемонстрировать размер сетной "клеточки": вытягивает вверх руки, приподнимается на носки, и его картинный торс штангиста взбухает мышцами.

Да, зрелище, прямо скажу, необычное: сетка с ячеей, в которую не то что рыба - кит свободно проскочит!

Возле нас на горке делей показался шоколадный твякающий колобок - Кухтыль. Ого, уже освоился! Со всех сторон понеслось: "Кухтыль, ко мне, ко мне!" Щенок растерянно заворочал головкой. Но однолюбие в крови у дворняг: пес скатился с сетей и засеменял прямехонько к Володе-усатику.

По трансляции раздался голос "чифа":

- Удалить посторонних с палубы!

Корма заулыбалась. "Посторонний" - это Кухтыль. Началась веселая погоня за собачонкой. Володя припер ее, наконец, к оградительному бортику - взять в высоту сорок сантиметров Кухтылю пока что не под силу. Лоснящийся, как каштан, живой комочек застыл в безбрежных ладонях матроса.

Парень поднялся на шлюпочную палубу. Здесь стайка девчат в синих робах наблюдала с "балкона" за звонким переполохом на траловой. Володя бережно передал щенка практикантке Галочке, К ней тут же потянулись руки других рыбообработчиц. После стремительного выяснения правомочий Кухтыль оказался в руках у чернявой Лиды Шевченко и блаженно заснул.

Внизу, в чреве корабля, начиненном механизмами, будто пирожок фаршем, сейчас сущее светопреставление. Девчата выскочили оттуда минут на десять передохнуть, подышать морем. Завод, как и траловая, готовится к промыслу: разворочены набивочные машины, похожие на маленькие кузнечные прессы; на стальных пайолах лежат снятые с резиновой ленты игрушечные ковшики из нержавеющей стали; свисают сверху прямо-таки велосипедные цепи - нужно просмотреть и очистить каждое звено; на свободные места укладываются тюки с бумажными этикетками, паки с круглыми и продолговатыми жестяными крышками; кое-где уже приступили к уборке, мойке, покраске. А параллельно со всем этим продолжается обучение новичков.

К последним отношение крайне серьезное и на самую малость ироническое. Начальник смены проводит инструктаж:

- По сторонам не заглядываться - оборудования много, а лоб один. При грузовых операциях под открытым люком не ходить: ладно, если пустой пак свалится, хуже, когда с банками томатной пасты,
- может прическу память...

"Мария Поливанова" идет Средиземноморьем, прокладывая курс в неразберихе греческих островов. Лида Шевченко, многоопытный мореход, ориентируется в них ничуть не хуже, чем у себя в заводе. Вижу, как впитывает каждое ее словечко юная Галочка-отличница.

- Справа остался Эвбеи. Движемся проливом Кеос прямехонько на остров Китира. К сведению девочек: там находится мужской монастырь. Не верите? А вот тот низкий мысок - начинается полуостров Пелопоннес...

У Шевченко на берегу дитя ненамного младше Галочки. Но черноглазая, круглолицая морячка смотрится дивчиной на выданье. Магическая сила верховоидицы у этой мягкой и одновременно озорной женщины.

Перерыв кончился. Лида относит щенка на плетенный мат, и шумная компания в брюках и юбках направляется вниз, в завод.

...Мы сидим с Мельниковым на бухте каната, старший тралмастер изливает душу:

- Получается, все шишки - на добытчиков, на тральцев. А мы что, баклуши били?!

Разговор этот очистительный, понимаю, хотелось ему давненько затеять. Я на собрании тоже был, и то, что единственный показатель, по которому план в прошлом рейсе не выполнили,

- добыча, знаю. Умышленно спрашиваю про совершенно понятное мне, дабы легче было Ивану Павловичу выговориться:

- А как же тогда задание по консервам перекрыли - откуда рыба?

- Брала мороженую у других судов. Выкручивались. Чуть-чуть на прибыли отразилось, но и с ней - порядок. А вот по добыче... Такие штормы были, неделями не тралили - откуда ж вылов!

На общесудовом собрании он не бил себя в грудь и на болтанку ничего не списывал. Но затаенную боль я тогда почуял. Как же: экипаж взял такие высокие обязательства по пятилетке, и только один пункт вызывал сомнение - добыча!

- Много еще работы?

- С утра вооружать начнем.

"Вооружать" - значит оснащать сеть, словно рыцаря, доспехами: подвязывать легкие гирлянды кухтылей; закрепить цепи и мранные углубители, похожие на подводные шаровые мины; подсоединить к капроновой "авоське" стальные "ручки",,, подобные парашютным стропавам, уцепившись за которые, ваера тащат из глубины трал. В общем, дел еще немало.

Собеседник мой потирает шрам на подбородке, неожиданно вскакивает и, странно застеснявшись, просит извинения: нужно срочно спуститься в сетевую.

Он уходит по корме, перешагивая через клубки ниток и похожие на змей обрезки черных тросов,

- легкий, изящный, с палочкой-метром, которым поигрывает, словно шпагой...

К вечеру море ни с того, ни с сего надулось, в ласковом шуршании у бортов послышались вызывающие всплески. Солнце домучивало свою дневную вахту. А на палубе творилось нечто непонятное: свернули сети и все веревочные причиндалы, тщательно отдраивали дощатый настил кормы. Для меня, идущего на консервном траулере впервые, удивительно это было: обычно ничего с кормы не убирают до тех пор, пока снасть не будет полностью готова.

Палуба, уже слегка покачивающаяся, опустела. Лишь посреди ее моряк, оголенный по пояс, орудовал длинным скребком, да так ювелирно, будто затирал призрачные пятнышки на дворцовом паркете.

Стоящий рядом со мной Коля Субботин - тот самый мастер с красивым торсом штангиста - поясняет ситуацию:

- После ужина танцы на палубе. Танцы?!

Вот чудеса так чудеса! Сколько ни ходил в океан, но танцев в страдную пору подготовки к промыслу не видывал. Специфика: ничего не попишешь, на плавучем заводе полным-полно молодых - подавай им танцы!

А море ворочается все сильнее и сильнее. Палуба начинает потихоньку совершать колебательные движения попеременно с резким вздрагиванием: бр-рр!

Неужели состоятся?

- При любой погоде! Это л: хорошее дело,

- размахивая длинными, как мельничные крылья, руками, утверждает помполит Иван Фомич Кулинич.

На свернутые сети установлен колокол громкоговорителя. Вспыхнули кормовые прожекторы. Заходили по сверкающему сосновому настилу причудливые тени от стрел, шлюпбалок, антенн.

И грянули танцы!

Солидно вальсирует помощник капитана по пожарной части. В нем под два метра росту и весу прилично. Парни с гордостью сообщают, что по флотским законам нашему пожарнику положено двойное камбузное довольствие. За мощной его фигурой совсем не видать напарницы - малюсенькой практикантки из рыбтехникума... Кружит со своим начальником

производства немолодая кокетливая мастерица. Отчаянно носится по корме старший механик завода Никитенко. При всей солидности чина ветеран "Поливановой" выглядит семнадцатилетним петушком.

На "балконе" среди почтенных наблюдателей появился "чиф" Василийч. Но вниз не спустился - подошел к стайке стеснительных дам. К удивлению моему, тут оказалась и Лида Шевченко - уверен был, что она первой ринется в пляски! Верховоидица кутается в платок и с полузавистью, полунасмешкой поглядывает на веселье.

На корму спустился помполит. К нему тут же решительно направилась женщина в пестрых брюках-юбке. Э, да это та самая, что оставила на берегу сына-шалопая и не сказала ему про дневник! Кулинич почему-то засуетился, попытался изобразить страшную занятость. Но женщина твердо перехватила его и потащила на танец. И, разумеется, именно в этом месте музыка закончилась.

Громкоговорительному горлу нужно прокашляться, перевести дыхание. Короткая передышка. И вот из колокола вырывается шейк!

Оживление среди молодых. Подергивая плечами, парни и девчата с упоением утаптывают просоленную палубу. Вышла на круг высокая худенькая девушка - секретарь местной комсомолки, движется чуть угловато, скромничает. Мягко и вкрадчиво, с особым шиком семени миниатюрная Галочка-отличница. С ней - молодой хлопец, кажется, наладчик Федя.

А корма все сильнее подпрыгивает и ухаёт на крутой волне, и трясется, и взвизгивает. То ли от джаза, от разухабистого шейка, то ли от заштормившего моря...

Солнечно. Жарко. Духота. Подходим к берегам Италии. Ночью далеко-далеко, как арбузный ломоть луны, светился раскаленный кратер Этны. Слева приближается Сицилия. Мессинский пролив. Приятная неожиданность: прежде как-то не везло - проплывал южнее острова, просторным мальтийским путем.

Южный курс длиннее, зато куда безопаснее: берега далеко - не видать. А в Мессине узость до полуторы мили, да плюс течение четыре узла, да плюс напряженное движение. Так что ни экономия времени, ни красоты этих мест не очень-то прельщают капитанов. Горбачева - прельщают. По-моему, и то и другое.

На баке, на вертолетной площадке, на прогулочных палубах, под шлюпками и на пеленгаторной - где только можно пристроиться - обитатели нашего многолюдного корабля. С фотоаппаратами, кинокамерами, успешно совмещая туристские интересы с приемом ультрафиолетовых ванн.

Я пристраиваюсь возле иллюминатора кают-компании. Вблизи расположилась группа девчат и парней в пляжной амуниции. Главкомандует наладчик Федя. С вдохновением прирожденного гида дает он пояснения новичкам. Очень старается. С чего бы? Галочка изображает на лице полнейшее равнодушие к сенсационным сообщениям бывалого моремана.

А мы проходим Мессинской! Остался позади город со звучным названием Реджо-ди-Калабрия, уходящий за призрачные, как облака, холмы. Навстречу движется огромный и неуклюжий пассажирский лайнер. Пронесется один за другим два глиссера, скрываются за мыском, куда переброшены через пролив высоковольтные линии.

Вот и сама Мессина. Черный собор в глубине города, маячная вышка у входа в порт. Правее - корпуса заводского типа - одно из отделений "Фиата".

Слышу, Федя перешел на интригующий торжественно-замедленный тон. Даже Галочка, не выдержав, повернула к нему свое личико.

- Сейчас мы приближаемся к развалинам замка Гарибальди!

Выплыли сплошной стеной скалистые берега Калабрии. Пробиваясь сквозь рыжий гранит, иногда влетая в него, иногда повисая над глубокими расщелинами, несется по горам пустынное шоссе. И вдруг - резко выступающий над проливом мыс, словно нос корабля. На нем - усеченная круглая каменная башня, в сторону и чуть вниз от нее уходит стена. Отрывистыми уступами спуск к морю. Глядя на эти бесчисленные, пробитые в скале марши, только и начинаешь понимать, как высоко над водой повис замок. Замок Джузеппе Гарибальди.

- А знаете, что Гарибальди по происхождению наш коллега - сын моряка, и начинал юнгой?!

Федя явно производит фурор.

- ...И что именно тут,

- он взмахивает рукой в сторону Сицилии,

- высадился революционный отряд гарибальдийцев "Тысяча"! И что в этом замке он был схвачен, и что побег ему готовила любимая девушка (зырк в сторону Галочки). А пока суд да дело, Джузеппе распропагандировал самого кардинала - обратил того в безбожника...

Галочка-отличница не выдерживает - обрывает оратора:

- Это все с Оводом было.

Федя и виду не подает, что попался с поличным. Он завирается: все беспросветнее, и оттого Галочке почему-то становится грустно...

НЕПТУН В ПОМОЩЬ!

Кухтыль носится по палубе, безбожно лает, набрасывается на каждого, кто посмеет ступить в его владения. И бедный Герман Александрович Нохрин, инженер-гидроакустик, что спустился сейчас на корму, с трудом отбивается от неугомонного охранника.

Во всю длину палубы - от слипа, наклонного сталь ного туннеля, уходящего в воду, до главных надстроек-распласталась готовая к ловитве пушистая, праздничная, непорочной белизны снасть. Нохрин тщательно укрепляет на ее

верхней подборе желтоватый пластмассовый блин. Отныне этот "медальон" станет путешествовать вместе с тралом в глубины Атлантики по три, четыре, пять раз в сутки. Внутри блина - умнейший прибор, как принято говорить, "глаза и уши промысловиков",

- вибратор, который будет докладывать, заходит рыба в сети или нет.

Герман Александрович работает неторопливо, аккуратно разложив рядом с собой никелированные ключи, отвертки, плоскогубцы. Старый, мудрый работяга эфира - тысячи миль в океанах планеты, в глубине и над водой, прослушали его аппараты: локаторы, эхолоты, датчики, приемники.

Неторопливо работает гидроакустик - тут спешить нельзя. И пускай нервно вышагивает вокруг него Иван Павлович Мельников, и нетерпеливо поглядывает сверху, из рубки, вахтенный штурман - понятно, всем хочется поскорее окунуть "авоську" в Атлантику. Вчера почти подошли к району лова, поисковый прибор давал кой-какие намеки на рыбу. Но - лишь намеки, да и потом вчера

- Сегодня - совсем другое дело. Сегодня -- четырнадцатое. Четырнадцатое июня. Температура забортной воды тоже четырнадцать градусов. Поблизости появились рыболовецкие суда. Немного севернее промышляет "Анатолий Халин", наш побратим, такой же консервный траулер.

В рубке не выдержали. В голосе капитана - взрывоопасные нотки:

- Ну что там, Герман Александрович? Нохрин снимает очки, не спеша оборачивается, показывает на пальцах: "Еще пять минут". Добродушное лицо его сосредоточено, и оттого нижняя губа немного топырится. Вибратор, который, словно котлета в тесте, запечен в пластмассовом блине, должен быть установлен и соединен с кабелем идеально точно. Радиотехника - дама строгих правил.

По корме промчалась возбужденная ватага тральцов. Впереди Володя-усатик. Из капитанского фонда выданы три бутылки. Святая традиция: в куток, в самый конец тралового мешка, завязывается дар Нептуну. Пей на здоровье, владыка морей и океанов, глуши, дружище, наш крымский рислинг и лучшее из лучших новосветское шампанское - только будь пощеднее, помоги нам в рыбалке!

- Поехали!

Совсем тихо и неприметно, совсем не по-уставному прозвучала команда. Начало промысла!

Хлюпнули за борт первые сети, бурун за винтом подхватил их и стал утаскивать в океан. Загрохотали по слипу цепочки кухтылей. Натянулись над кормовыми дугами стальные тросы. Очнулась от спячки лебедка, недовольная, что разбудили, - заворчала, разматывая с барабанов скрипучие ваера. Упали в воду две железные распорные доски весом по тонне - они, как крылья, поплывут впереди трала, раздвигая, раскрывая его в стороны. Пушинками соскользнули вниз полуметровые чугунные шары-углубители.

И - вдруг стало тихо на палубе. Только два ваера, словно канаты на ринге, заколыхались над кормой.

Трал в океане.

Вся рубка - у экрана гидролокатора: прибор должен показать, раскрылись сети или нет.

Раскрылись! Все в порядке. Мельников, хмурый оттого, что из-за новичков немного затянули постановку снасти, оттаял, заулыбался, пошел искать по закоулкам мостика сигареты самой соблазнительной марки - "Чужие".

Посапывает у поискового агрегата Герман Александрович - может, надо что отрегулировать, где-то проверить контакты. Тонкая, как рапира, отвертка неизменно при нем. Нохрин как-то сказал: "В радиотехнике бывает всего две неисправности: когда нужен контакт - а его нет, и когда не нужен контакт - а он есть". Афоризм, достойный быть запатентованным в охране авторских прав!

К молчаливому, работящему гидроакустику у молодых хозяев рубки чуть-чуть ироническое отношение. Молодость насмешлива, чаще без злого умысла, и доброту свою от жестокости порой не отличает. Нохрин замотал шею серым кашне, и штурман не преминул по этому поводу блеснуть остроумием. Ах, вахтенный, вахтенный, не ты ли вчера рассказывал мне про фронтовые дела Германа Александровича, про его искореженное тело, про то, как всякий раз этот коренастый польсевший мужчина плачет за рюмкой, поминая парашютный десант над Днпром, да как замерзал в карельских снегах, да как грел болотную жижу в Прибалтике.

"Марию Поливанову" вызывают на связь по радиотелефону. Это ближайший "сосед", вон он появился на горизонте - одесский траулер "Эхолот". Поздравляют с прибытием на промысел. Сообщают, что выбрали сейчас трал. Спрашивают, чем мы занимаемся "в данный исторический момент".

- Да вот идем по первопутку, только поставили,

- отвечает вахтенный штурман.

- Дайте курс и точку выборки.

Горбачев подсказывает:

- Узнай характер показаний.

Кэп страшется на случай, коль ни рыбешки не поднимем:

- Это так - пробное траление: обтянуть сети - и все.

Бросил мне мимоходом, но вижу: сам-то готов выложиться до конца. Только бы поймать! Ведь первый! Как хочется чтоб он был удачным - первый наш трал. В рубке появился старпом Васильич. Сообщил, что отсыпался до своей вахты. (Сочиняет или пет? Нужно обладать олимпийским спокойствием, чтоб дрыхнуть сейчас, когда все свободные от работ стоят на ветру, дабы не пропустить первый трал!) Подходит к карте, внимательно рассматривает прокладку курса, рисунки самописца на ленте поискового прибора. Не говоря ни слова, исчезает. Возвращается с толстой амбарной книгой.

Посмотрите,

- раскрывает он свой "конduit",

- в этом квадрате ни при каких условиях нельзя сажать трал на грунт. Видите, сколько зацепов в прошлом году, в позапрошлом.

Амбарная книга - личный архив нашего старпома.

Все набрасываются на записи. Никто не укоряет: где же ты был раньше, что ж ты?! Он ведь сказал: спал. А вы не разбудили. (Едва-едва различимый привкус обиды: что из того, что начало выпало не на мою вахту, могли бы и пригласить!)

Переполох.

- Вира трал!

Захрипели барабаны лебедки. Вздрогнув, потащили из воды ваера. Сначала медленно, потом быстрее и быстрее выживая из опасной зоны огромную, неповоротливую "авоську".

Есть, по прибору отчетливо видно: оторвалась от грунта!

Только будет ли что в ней?

Горбачев, теперь почти веря своим словам, твердит:

- Обтянули сети -о и то хорошо.

Но где-то в уголке сердца еще теплится надежда: а вдруг есть рыба?

Увы, пусто. В бинокль видно -о пусто. С полтонны Для нас это не улов.

Ладно. Траление было учебным.

Но все-таки первое! Капитан застегивается на все пуговицы и направляется к тральцам - поздравить с началом промысла.

- Маловато Старику три бутылки: ему ведь поделиться с чертями надо, да и с русалкой...- изощряется матрос-лебедчик.

- Не то. Просто хмель пока не прошиб, - подбадривает капитана, а заодно и себя мастер Коля Субботин - ладный, темноволосый, с улыбкой киноактера. Я писал о нем - тогда еще о матросе - в своей рыбацкой газете. Теперь встретились в море словно старые и добрые знакомые. И мне даже взгрустнулось сегодня, когда Иван Павлович Мельников сказал, что у новоиспеченного командира вышел конфликт с тральцами - уж больно строго повел себя их вчерашний брат.

- Ну что - потренировались?! - резко, словно щелкает затвором, произносит капитан. - Теперь - в наступление!

Горбачев - как натянутая струна. Шея - торчком, на скулы то и дело впрыгивают желваки.

Вновь уточнены координаты одесского траулера. Вышли на вторую постановку.

Затрещал селектор. Голос "деда" из машины:

- Гребной винт перегружен. Сбавьте немного! Вахтенный разводит руками:

- Вот так вечно! Только рыба начинает заходить, механики не дают скорости. А как ее догнать, проклятую?

Горбачев примиренчески бросает:

- Ладно, скинь десятку...

Говорят, моряки привыкают к штормам, к долгой разлуке. А вот к большущим уловам не привыкают - сколько бы они ни повторялись! К каждому удачному тралу изо всех "щелей" вылезает корабельная братия.

И когда по пароходу разнесся слух, что лебедка тянет еле-еле и, кажется, будет добыча что надо, к корме стали стекаться поливановцы - из цеха, машины, камбуза, кают. Вахтенный штурман в который раз повторял: "Всем удалиться из опасной зоны, всем удалиться..."

А трал выползал на палубу, отдуваясь, как морж, отделяясь от воды, что стекала с него ливнем. Он был тугим, серебристым и мохнатым. Сетка мешка напряглась кольчугой, - казалось, вот-вот лопнет.

Спасибо, Нептуннице! Сознательный ты товарищ, Владыка!

С портала, с нашей кормовой "триумфальной арки", спустили грузовой крюк, трал слегка приподняли, открыли крышку бункера. И в него хлынул кипящий водопад рыбы.

Я поднял отскочившую в сторону полуметровую скумбрию - вздрагивающую, с налитыми жиром боками, темной спинкой, по которой стекают сине-зеленые разводы. Удивительно красивые формы: остроносая вытянутая торпеда со стреловидным хвостом. Такое чудо пропорции могло народиться только в царстве нептоуновом! Старые рыбаки советуют: на счастье выбрось за борт хоть одну живую рыбешку из улова. Лети, красавица! Привет старику с трезубцем!

...Диспетчерская расположена посреди завода. Лишь когда в нее открывается дверь, понимаешь, что этот остекленный островок - оазис тишины в сплошном перестуке машин, завывании транспортеров, гуле, цокоте, скрипах и звонах - в том, что называется рыбоконсервным производством нашего траулера.

Над столом, где сидит сейчас главный технолог, - световая схема плавучего завода: голубые, оранжевые линии, прерываемые красными и зелеными кружочками, которые означают те или иные агрегаты или рабочие места. Они протянулись почти от винта до носа. Иллюминаторы завода - едва не у ватерлинии, в них застыла бескрайняя синь Атлантики. Ниже - только машинное отделение: царство "духов" - механиков и мотористов.

На первую сортировку стала поступать рыба. Замкапитана по производству в микрофон спрашивает у мастера участка, не нужна ли помощь. Та отвечает, что не нужна, рыба "чистая" о- скумбрия почти без примеси да и по размеру одинаковая - как из-под пресса!

- Не забудь, через барабан пропусти обязательно. А то нам лаборатория всыплет.

Он поворачивается ко мне и поясняет:

Полежать должна рыба несколько часов в бункере, "помариноваться". Но, я гляжу, штурманы сразу взяли быка за рога: что если вскорости поднимут такой же большой трал, а емкость забита?

Технолог сел на своего конька:

- Для нас тушки со слишком упругими мышцами не годятся - консервы выходят невкусные...

Однако довести рыбное мясо до нужной кондиции можно и не выжидая: пропустить через специальные барабаны, где тушки как бы "отбиваются". Технолог страшно доволен своим сравнением: "Отбивная из скумбрии"!

На сортировке - самое начало конвейерной линии. Сиреневые ленты транспортеров, молочные цепочки элеваторов, изогнутые дорожки жестяных течек переkreщаются над головой.

Увесисто стоит у истоков серебряной реки Степановна. Глаза полуприкрыты тяжелыми створками век. Мурлычет под нос песенку, поглядывает влево-вправо, ухмыляется. Картинка в самом деле забавная: грузная тетушка, крупнолицая и надушенная, а с двух сторон --хрупкие пестрые бабочки: молоденькие девчата-рыбообработчицы, которые так стараются, так стараются - рябыми стали от чешуи!

Большими ладонями в коричневых резиновых перчатках Степановна перелопачивает плывущие мимо груды скумбрии - и вроде несуетно, а так быстро, что диву даешься. "Ничего, доченьки, как бы говорит морячка, посматривая за подопечными,

- это только поначалу трудновато кажется. Работа - она везде работа: на земле, на море или по домашности - терпение надобно и гордыни поменьше".

Степановна показывает мне на плывущую по конвейеру рыбу: "Пять баллов!". Кричит на ухо:

- Ловись такая дней десять - первый миллион закатаем!

Интересная штука: только начали промысел, еще и тысячу банок не отправили в трюм, а все - и мастер, и рыбообработчицы - только и говорят о первом миллионе: "Вот бы так пошло... вот если б..." Мечтатели или реалисты?

Поживем - увидим.

Я смотрю на сортировщиц и невольно думаю: нет, тут шибко не размечтаешься. Хоть рыбка и "чистая", однако руки девчат мелькают, как спицы в колесе: нужно успеть отбросить побитую или рваную скумбрию, выбрать примесь, не пропустить слишком мелкую - словом, реакция требуется здесь фехтовальная!

Святая святых первого участка - рыбразделка. Три агрегата, каждый из которых за доли секунды проделывает тьму операций: вскрывает брюшко, очищает внутренности, срезает плавники, обрубают хвост и голову. На бесконечную цепь пластмассовых лоточков нужно набрасывать рыбешку с пулеметной скоростью: на каждый лоток по одной, да так, чтобы хвост к хвосту, голова к голове. Притом надо следить за внешним видом кандидатов в деликатесы. Но и это не все: краем глаза следует поглядывать на выход - чисто ли режут ножи, не рвут ли шкуру, не оставляют ли плавников?

За одним из агрегатов - старший матрос Шура Казарская. Возраст? Гм... О таких обыкновенно говорят: неопределенный. На спине за белой косынкой вырывается рыжее пламя волос, сверкают зеленые глаза, а на карминовых губах застыла азартная улыбка.

"Главное - рвануть со старта. Догонять всегда труднее. В прошлом рейсе обставили нас. Но ничего: у второй смены на этот раз новичков побольше - так что хлебнут соленой водички! Таких, как Лида Шевченко, у них не густо... Интересно, сколько с утра нашлепали баночек?"

И на машинах набивочных, что тарахтят, как тракторы, - матросы в белых косынках. И рядом, на главном контроле, - тоже женщины. Наполненные банки торопятся проскочить на закатку. Но им не миновать очаровательных контролерш: на весы! Ага, легковата, нужно добавить кусочек; а как укладка? Что-то не очень красиво - поправить. А в запасе мгновенья. И потому у стола инспекции - девчата с особой хваткостью и зорким глазом. Исключение - Галочка, она сидит в конце ряда, напряженная, даже чуть-чуть испуганная. Испытание боем!

За иллюминаторами завода сменилась декорация: исчез черный задник - появился чернильный. В заводе никто этого не заметил. А если бы и заметили, только огорчились бы, а не порадовались рассвету.

Как быстро бежит смена! Сейчас 4 часа 36 минут. Ужасно обидно, если останется сделать каких-нибудь пятьсот штук консервов, а вся слава отправить в трюм миллионную банку выпадет другой смене! А ведь выпадет: три с половиной минуты как конвейер стоит! Что-то случилось на закатке, туда бросились все наладчики, дежурный механик, слесари - в мгновенье разобрали забастовавший узел, а в чем дело, никак не могут понять.

Как из-под земли, появился у машины Никитенко - главный механик завода. Он, когда волнуется, особенно сильно картавит, губы его по-детски обидчиво надуваются, и трудно тогда узнать в Эдуарде Петровиче главаря всех розыгрышей на корабле.

Прискакал сюда и Федя. Стоит за спинами "зубров" и что-то прикидывает в уме. Затем срывается с места, несется в мастерскую. Прибегает оттуда, когда узел вновь собран и вновь артачится.

- Вот!! - Федя протягивает круглую прокладку. - Та, внизу, стерлась - другого не может быть!

Узел снова разобран по косточкам. Из динамика рассерженный и молящий голос начальника смены:

- На закатке, ну скоро вы там?! Семь минут стоим. Никто даже не огрызнулся. Некогда.

Снова запустили. Работает!

- Включайте линию, готово!

Затарахтели автоматы, завывли транспортеры, потянулись гуськом поблескивающие баночки.

Но еще быстрее ленты конвейера докатились до стола контролеров, что никто иной как Федя - хоть закатка и не его заведование - нашел неисправность. И все женщины выразительно стали подмигивать Галочке. А та бледнела-краснела, опускала долу ресницы и не заметила, когда сам герой медленно-премедленно профланировал мимо.

Давайте, девочки, немножко осталось, поднажали! - почуввав победный финиш, заметалась хозяйка участка.

- Жмем, начальница!

Качнулась стрелка весов, банка мягко скользнула на ленту и поплыла по ней, словно по речке, к повороту. Тут пересадка. Жестяной, наполненный рыбой цилиндрок нехотя взобрался на цепкую дорожку, и та понесла его кверху над проходом, к противоположному борту, где автоматы бросят в банку щепотку соли, прыснут капельку масла, добавят специй и благословят на закатку.

После закатки важнейшая операция - варка. Отделение, где стоят большие молочного цвета чаны, называется автоклавным. А у матроса, что командует этой кухней, приставка "стерилизаторщик". Рыбе, запрессованной в банке, необходимо отменно прокипятиться в солидных чанах. С соблюдением точнейшего режима - тут все рассчитано по секундам: подогрев до нужной температуры, выдержка, охлаждение.

Банки вываливаются из автоклава еще парными, дымящимися и, толкаясь, спешат на мойку.

Погодите! Ну что за непорядок, куда вы так скопом?! А ну-ка в шеренгу по две, крышками вверх - становись! Армией, направляющей в банку, командует Лида Шевченко. У нее помимо официальных титулов - "старший матрос", "ударник коммунистического труда" и т. п. - есть неофициальный: "мать" - так величают Лидию Алексеевну и молодые, и старые.

Смуглое, нежное лицо рыбообработчицы покраснелось. Не мудрено - здесь, как в предбаннике: с непостижимой скоростью успевает Шевченко построить, перевернуть напирющие со всех сторон банки, направить их в наклонный туннель-шпаритель, да так ловко, что неиспользованного местечка на эскалаторе не остается!

Быстрее, быстрее, быстрее! Где-то сзади к забивочным машинам уже подошла та самая банка, которая по счету - миллионная.

Очищенными, сверкающими вplyвают потяжелевшие цилиндрики на последний участок - готовой продукции, во владения комсорга "Поливановой", высокой худенькой девушки. Замысловатые машинки приклеивают тут к банкам красочные этикетки. Потом щупальца агрегата, похожие на присоски осьминога, хватают консервы и укладывают их в паки. Обвязка, и - в трюм.

Девушка впервые командует участком. После техникума работала на судне матросом - так что для подчиненных она своя, тутошняя. И слушаются ее легко и естественно. Особых ЧП пока не было. Вот разве что машинки для наклейки этикеток стали капризничать. Только бы сегодня не подвели!

На выходе - автоматический счетчик. Пошла последняя тысяча. Остается сотня. Полсотни. Дюжина.

Вот она - миллионная! Такая же, как другие, на околышке надпись: "Скумбрия натуральная с добавлением масла". Только для молодого мастера эта надпись звучит сейчас, как стихи:

Скумбрия натуральная с добавлением масла!

Она врывается в диспетчерскую:

- Есть! Наша взяла!

Два уголька пылают под тонкими бровями.

Начальник смены поднимается степенно, но не выдерживает: выхватывает баночку и, как ребенка, подбрасывает ее на ладонях.

- Товарищи, есть первый миллион консервов! - гремит на все судно по трансляции.

Лента транспортера уносит в трюм консервы второго миллиона. И на каждой баночке красуется все тот же кудлатый, бородатый старец с трезубцем - Нептун Атлантический.

КАКИЕ БЫВАЮТ ТОСТЫ

Идет заседание женсовета. Чудеса в решете: женсовет на корабле!

В кают-компании за длинным столом, на местах капитанском и "дедовом", "чифа" и помполита - женщины. Вопросы обсуждаются крутые и душещипательные: честь женщины на судне, работа санпостов и проблема модных причесок, причины ссор и беспричинное нытье. Но главное:

- На наших, бабоньки, плечах - судьба пятилетки! (Вот так: ни больше ни меньше!) Каждая поливановка должна это крепко уяснить.

Командует женсоветом Шура Казарская. Старший матрос Александра Николаевна, - та, что работает на рыбообработочной машине, с рыжим пламенем волос за спиной и совершенно неопределимым возрастом. Мать двоих детей и... молодая бабушка о двух внуках. Едва перевалило за сорок. Был муж. Умер. Бросила свой частный затишный домик - пошла плавать. На "Поливановой" с самого первого, с экспериментального рейса. И как-то вышло, что ни одного похода не пропустила: судно - в ремонт, она в отпуск, судно - в океан, и ей выходить на работу. Стал корабль вторым домом. Утешил, закалил, открыл незнанные радости общения с людьми и счастливой усталости после победных авралов. Увидела десятки городов в Африке, Испании, Франции.

Александра Николаевна восседает в центре стола, огненные волосы успокоены приколками, искрятся большие зеленые глаза.

В кают-компанию вошел помполит. Попросил разрешения присесть. Он - приглашенный. Немного опоздал, приносит извинения: разговаривал с "Анатолием Халиным", брал у них данные по работе за сутки.

Ну как?!

А вот как:

- Мы отстали от халинцев. Они сделали... Пауза. Нежданно-негаданно - нокдаун.

Слышали, девочки, отстали! Что же это такое получается? Да мы... Нет, так не годится. Подналечь надо!

Кулинич вздыхает:

- Подналечь-то подналечь, но ближайшая база... И все понимающе опускают головы.

Связь между ближайшей базой и желанием "подналечь" для них для всех - как азбука. Только грустная азбука. (Ну, поднажмем. Забьем всю наличную банку, и - в дрейф? Ближайший транспорт, который везет нам тару, подойдет не скоро.)

Что предпримут капитан и его заместитель по производству? Три радиogramмы посланы на берег, но от этого у транспорта скорости почему-то не прибавилось.

Меняется вся стратегия промысла. Первые миллионы, форсируй не форсируй, рекордов не принесут: пристройка, раскачка, к тому же - немало новеньких. Йотом придется перейти на бланшировку (консервы в масле - вид трудоемкий, баночки потребуются меньше), на худой конец заняться фаршем - его упаковывают в целлофановые мешки, дефицитные жестянки вообще не нужны. Наконец, нужно постоянно часть вылова замораживать впрок: если рыба вдруг "откажет", из трюма пойдет мороженный запас - и завод не будет простаивать.

- Что ж, фарш - так фарш. Нужно втолковать девочкам, что сейчас - это задача номер один! Даем сражение халинцам!

После полудня на пароходе исчезли женщины - ни в коридорах, ни на палубе, ни в красном уголке. Впервые за время промысла опустел завод - после тщательной мойки конвейер остановили.

Главный механик Ивасюк дал исчерпывающее объяснение феномену:

о- Прихорашиваются.

Сегодня праздник - День рыбака. Сегодня с двенадцати ноль-ноль объявлен отбой всем судовым работам. Женщины кинулись приводить в порядок выходные наряды, конструировать из волос архимедовы спирали. Сегодня главнейшая фигура на корабле - одна из членов женсовета, которая во дни океанских торжеств вспоминает свою земную профессию дамского парикмахера. Она священнодействует в специально выделенном помещении, из-под рук ее выходят такие вдохновенные создания из лака, волос и шпилек, что ахают даже ничего не смыслящие в этом деле мужчины.

С утра не умолкает трансляция:

- Получить радиogramмы следующим товарищам... Зачитываются поздравления от других экипажей, от отделов и служб объединения, от пионеров подшефного класса, почему-то от хорового общества, и так далее и так далее. Получена телеграмма Министерства рыбного хозяйства СССР, где в числе отличившихся судов названа и "Мария Поливанова".

Торжественно объявили смену и ходовую вахту, которые победили в социалистическом соревновании. Названы и лучшие по службам - накануне три часа заседал расширенный судком.

Но главным сообщением, которое левитановским тоном произнес по радио помполит, конечно же, было следующее:

- Дорогие мои хорошие люди "Марии Поливановой"! В итоге предпраздничного социалистического соревнования мы победили халинцев!

"Ура" добавлять не понадобилось - оно, как по сигналу, взорвалось одновременно во всех каютах.

С вечера молодежь вывесила "Комсомольский прожектор" с кучей смешных шаржей, появилась в столовой огромная стенгазета. И вообще, просторный кубрик стал неузнаваем: переборки задрапированы сетями, с подволока свисают цветные фонарики, картонные рыбки. Трогательно украшен портрет круглолицей тоненькой девочки в солдатской гимнастерке, перетянутой португесей, - Героя Советского Союза снайпера Машеньки Поливановой.

В шестнадцать часов в столовой личного состава - концерт. С важным видом выкатился на сцену ведущий. Пока произносил положенные по случаю остроты, за ним долго задерживали занавес, а когда он кончил и собрался уходить, оказалось, что ретивые помощники перестарались и закрепили половинки наглухо.

Конферансье стал рваться за кулисы, зацепил микрофон, едва успел его подхватить, запутался в проводах, растерялся.

Хохот, аплодисменты, советы.

Великая тайна самодеятельности в ее обезоруживающей самонадеятельности!

На фоне березок, густо населивших бумажный задник, восседает оркестр. Лица серьезные, как при вручении верительных грамот. Серьезнее всех капитан с гитарой - умопомрачительной черной красавицей. Усилители работают честно, с полной отдачей сил: ни одного поющего под оркестр не слышно.

Неуклюже, прямо из зала, поднимается на сцену машинист и под гармошку затягивает "Коробейников". Первые две фразы звучат безлико и доморощенно, потом... Это же голос, настоящий тенор - нежный, шелковистый, раздольный! "Лемешев!" - довольный сюрпризом, жарко шепчет мне на ухо помполит. "Хороший человек Лева, назван сегодня лучшим по профессии". Знаю. И то, что прекрасные фотографии делает, - тоже знаю, но что такой голос - как гром с ясного неба!

Маленький, немолодых лет, насуспенные брови, кривятся губы, как от кислинки. Но добряк, бывалый мореман, общительный, милый каждому на пароходе человек. Нет, пению никогда не учился. Нет, теперь поздно. А жаль.

Машиниста вызывают на бис. Столовая раскалывается от могучих аплодисментов.

Появилась на подмостках Галочка-отличница. Она, оказывается, специально сочинила стихи по случаю праздника. Волнуясь, запинаясь, декламирует:

Как вести укладку Сардины и ставриды, всем учиться надо у Шевченко Лиды Алексеевны...

Под самый конец забыла строчку, стала повторять предыдущую, вдрызг заплуталась в рифмических дебрях, разревелась и убежала.

А зрители смеялись и от души били в ладоши.

Концерт закатали на два часа.

А в двадцать ноль-ноль - праздничный ужин.

Помполит просит внимания.

Тост за рыбацкую удачу, за полные тралы, за очередной миллион консервов, за успех в пятилетке.

Торжественно и светло в большущем кубрике. Головы повернуты к оратору. И самые привычные и стертые слова в этой возвышенной, патетической атмосфере трогают необъяснимо.

Глаза, глаза, глаза...

Вот эти я различу среди тысяч - глаза Германа Александровича Нохрина, инженера-гидроакустика. Проходя в радиорубку, всякий раз застаю его в неизменной позе: сидит на зеленом ящике из-под запчастей, рядом разложена схема, в одной руке - паяльник, в другой - миниатюрный блок с черточками сопротивлений и паутинкой проводов. И всякий раз думаю: странное дело, когда же он спит?

Заведование гидроакустика - от килы до клотика: в самой нижней точке, под днищем, выглядывает труба вибратора; метелка локаторной установки крутится на макушке судна, на фок-мачте. В его обширном хозяйстве - десятки приборов, прощупывающих глубины океана и воздушные дали, сообщающих о приближении рыбного стада и помогающих определить место корабля.

С чего она началась, его непроходящая любовь - радио? Давно-давно это было, в раннем детстве, чуть не полсотни лет назад. Первый детектор, первые призы на состязаниях юных радистов. Потом война... Училище связи. В сорок третьем старшина Нохрин с походным передатчиком на спине под шквальным огнем противника форсирует Днепр.

Под Ленинградом, на Свири, их было семьсот человек в батальоне. Их осталось одиннадцать: десять пехотинцев и один радист - Герман Нохрин.

Он прошел с боями Карелию, освобождал Венгрию, сражался под Прагой. В сорок восьмом демобилизовался. И тогда же впервые ушел в море на маленьком траулере МРТ-24. Так началась его жизнь рыбака, так продолжалась его жизнь связиста. Продолжается двадцать седьмой год...

А эти глаза - смоляные, лучистые, нетерпеливые. Николай Субботин, новоиспеченный тралмастер. Иван Павлович Мельников с трудом отстоял его назначение: без диплома, да на таком большом корабле! Главный добытчик поклялся за своего матроса: будет учиться заочно. Увы, со школьной скамьи прошло ох как много времени, все позабыто напрочь. Что ж, Николай, еще одно одоление. Еще одно.

...Впервые за последние семь лет он возвращался с промысла... в лазарете. Боль в раздробленной ноге то подступала, то уходила. Давно уже Субботин вел счет прожитым годам по рейсам - удачным и неудачным, обычным и исключительным. Штормы, тропические ливни - все это уйдет из памяти. А тот пожар посреди океана, то сражение с огнем и с собой не забудется. И час, когда впервые доверили ему рычаги траловой лебедки, тоже не затеряется в воспоминаниях. Так же, как синее утро в школе военных водолазов, когда впервые пошел по дну, волоча за собой тяжелые шланги.

И вот теперь с морем все кончено: перелом оказался сложным, медкомиссию ему не пройти. Ковылял ежедневно на процедуры в поликлинику моряков. А возвращаясь домой, отбрасывал ненавистную палку и принимался тренировать ногу: прыгал, приседал, белел от боли, но снова прыгал, снова гибал и разгибал неподатливый сустав. Через год опять пришел на медкомиссию. Едва взглянув на матроса, хирург проворчал:

- Вам же сказано: нужно менять профессию.

- Да что вы, товарищи врачи, да я...

Ну как им доказать... гопака сплясать, что ли?!

И - сплясал!

Он ушел в океан все на той же "Поливановой". Мало кто догадывался, как нелегко давался ему каждый аврал, каждая смена погоды... А потом случилось на корабле ЧП: на винт намотались остатки чьих-то сетей, стальных тросов и канатов. Буксировать плавучий завод в ближайший порт - это потеря недели, долой полмиллиона банок консервов. И тогда к Горбачеву пришел бывший военный водолаз Николай Субботин:

- Я готов идти под воду.

А температура океана - тринадцать градусов, и единственным аквалангом давно никто не пользовался.

Весь день длилось подводное сражение. Винт был очищен. Старший матрос-лебедчик Николай Субботин получил в награду шесть часов отдыха...

Еще одна пара глаз - темно-серых, больших, с мешками под веками. Матрос Наталья Степановна Сергеева - крупная, с крепкой поступью, большими работающими руками. Я привык ее видеть в заводе - в мокром фартуке, широких резиновых сапогах, в белой косынке, низко натянутой на лоб. Впечатление угрюмости и замкнутости. А она - может, самая жизнерадостная, самая непривередливая, необидчивая из всех на судне.

Семнадцать лет проработала она водителем троллейбуса. Были крепкие руки, острое зрение, безошибочная реакция. Была семья - любимая, дружная, уютная. И вдруг целая лавина горя: умирают муж, мать, единственный, уже взрослый сын. Все в один год. А она продолжала жить, каждое утро приходила в машинный парк, ставить штанги на провода, залезать в кабину и вести свой троллейбус по Большой Морской и Нахимова. Но что-то случилось необратимое: она, одна из лучших водителей, стала бояться руля, стали дрожать руки, начало казаться, что вот-вот заедет на тротуар, ушла былая реакция. Знакомый врач сказал: "Лучше бросай руль".

Пришлось бросить.

"Может, вам покажется странным, но в море я сбежала от соболезнований, от утешителей, - однажды рассказала мне Наталья Степановна. Все, все считали своим долгом... а меня нечего утешать! Они сами по любому поводу нюни распускают. А в океане - гордый народ, я здесь - дома. Мне все нравится на корабле, не жалуюсь ни на что: ни на режим, ни на кормежку. Качки не боюсь, а на конвейере управляюсь не хуже молодых".

И - ни тени бахвальства, только неистовая потребность жить, жить напряженно, ярко, молодо. Она поднимает бокал с крымским рислингом, и теплый веер лучей ударяет в зрачки.

Какие бывают тосты? За дружбу, за здоровье присутствующих, за исполнение желаний. Традиционный: за тех, кто в море. Но вдруг поднимается капитан и негромко произносит:

- За тех, кто на земле!

Стало тихо на судне. Тихо, тихо.

Земля... В океане это особое слово, особое понятие. Земля - то место, откуда приходят радиogramмы от жены: "Дома все хорошо, люблю, целую. Твоя Маша". (И не дай бог Маше пропустить "твоя" - в Атлантике разыграется трагедия!) Земля - это депеши от начальства: "Категорически требую принять меры выполнения квартального плана..." Земля - это откуда придет база с новыми кинофильмами, это куда уплывут паки с миллионами баночек консервов. Земля - это где не был полгода, где существует весна, где пахнет акацией, где можно сходить в театр или к знакомым.

Лас-Пальмас, Дакар, Сеута - это берег, суша, инпорты. Земля - это иное, это - Родина.

На земле у второго электромеханика вот уже сутки кричит сын. В честь новорожденного "Мария Поливанова" три раза прогудела на весь океан. Вот он сидит, счастливый молодой папаша, рядом со старшим электромехаником и друзьями по машинной команде. Для многих из них земля - тоже воспоминание о своих мальчишках и девчонках, фотографии которых над каждой койкой, над каждым столиком. (Я заметил: у моряков в дальних плаваниях - культ детей. На "Анатолии Халине", например, выпустили фотогазету "Наши дети": из всех кают собрали снимки детворы и выставили на всеобщую радость!)

- За тех, кто на земле!..

Когда со столов исчезли шедевры кулинарии, когда перепели все песни, когда иссякли тосты от имени и по поручению, - по столовой разлились звуки танго, и между столами полусвещенного кубрика поплыли пары.

В пять минут первого в столовую ввалилась вахта "третьего". Ребятам предусмотрительно оставили праздничные угощения, и они яростно набросились на блюда. А все вокруг сочувствовали: ничего не поделаешь - такова судьба этой вахты на флоте. Не случайно смену с восьми вечера до нуля моряки окрестили так: "Прощай, молодость!" И впрямь: ни тебе танцев, ни свиданий...

Океан - это работа. Праздники - счастливая случайность.

В четыре утра над кормовой палубой раздалась привычная команда:

- Вира трал!

ВАМ ЗВОНЯТ ИЗ АТЛАНТИКИ

Моя каюта - две койки, одна над другой: нижнюю занимаю я, верхнюю - мои настроения. Корабль большущий - на журналистское счастье, оказался резерв жилья: так что стучи себе на машинке - никому не мешаешь.

В каюте моей все условия: небольшой пластмассовый столик, он выполняет роль редактора - при малейшей качке с его гладкой поверхности слетают на палубу именно те страницы, которым и следовало оказаться в корзине; диванчик типа "не ленись" - если составить два таких вместе, то можно даже поместиться на боку; лунного никеля кран, из которого хлещет кипяток, когда нужна холодная вода, и наоборот; зеркало - каждое утро напоминает, что находишься на особом, "женском" корабле, и бриться нужно не только по приказанию помполита.

Но самая важная деталь, как и в любой каюте, - конечно, иллюминатор. Обычный круглый иллюминатор, который незримо управляет твоей жизнью. Однажды он вдруг становится огромным, во всю переборку. Кажется, вообще переборки нет - вместо нее стена золотого, стронциевого света. Ты с утра радуешься всякому пустяку: вкусному компоту в бачке и знакомой песне по радио, выстиранной робе и просто тому, что узнал, какой нынче день недели... Когда ночью из тихого круга льется густой синий свет, а звезды поочередно заглядывают к тебе в каюту, ласковая грусть опьяняет каждую клеточку, заставляет сердце ошалело мчаться куда-то и долго-долго не дает уснуть.

Но вот открыл дверь в каюту, и сразу - к иллюминатору! В хриплую дыру влетают серо-зеленые брызги, на столе, на диване, на палубе - вода. Захлопываю отверстие, затягиваю до скрипа в резьбе медные барашки и наблюдаю, как бессильно бьется в стекло колючий соленый поток. К черту его! Сбрасываю цепочку с глухой чугунной крышки, прижимаю эту круглую ставню к иллюминатору. Ну вот, теперь задрался, как в подлодке... Включаю свет.

Настроение сегодня паршивое. Ничего не клеится. Из машинки укоряюще глядит белый лист. Информация в газету застряла на первой строчке. О чем писать? О том, что третьи сутки нет рыбы, что тральцы ходят злые и наэлектризованные? Что один за другим на потоке сломались два транспортера? Что завод работает на мороженных припасах, а их в трюме не так уж много?

На днях получили почту, газеты. Я, конечно, кинулся искать свою рыбацкую. Номера месячной давности, в них мои первые радиogramмы с борта "Поливановой". Все пошло, до единой строчки. Казалось бы, радуйся, но на душе невесело. Потому что из самой редакции за все время ни ответа, ни привета. В этом глухом молчании - явное неодобрение моего похода в океан. Трудно представить себе сельскохозяйственную газету, корреспонденты которой ни разу не выезжали в поле, не видели, как пахут землю или убирают хлеб. Мой же редактор абсолютно убежден, что писать о рыбацком деле можно, ни разу не видев промысла!

Может, от этих раздумий такое неуютное сегодня состояние. А может, от недавнего разговора с маленькой, симпатичной рыбацкой, очень женственной, в меру кокетливой, в меру строгой.

Она разоткровенничалась, "как интеллигентный человек с интеллигентным человеком". "Зачем плаваю столько лет? Деньги нужны. Мне дочь нужно вывести в люди - девочке пятнадцатый год". Ей все не нравится на корабле, решительно все. Мужчины только и норовят набиться в ухажеры, женщины считают ее гордячкой, и подруг среди них, понятное дело, не имеется.

- Неужели никто из морячек не нравится? Ну, Шура Казарская, например?

- Энтузиастка!

- А Лида Шевченко?

- Ничего. Но тоже не блеск.

Взгляд круглых невинных глаз усталый и печальный. Красивые пухленькие руки (и как только умудряется следить за ними, работая на трудном участке завода, и притом хорошо работая!), всегда тонко и выразительно одета. Умна, говорит свободно, мягким альтернативным голосом.

- А среди комсостава... Горбачев?

- Ему далеко до Негруцы. О, то был капитан! Во всех отношениях...

Негруца командовал судном до Горбачева. Все, что связано с этим человеком, со временем обращается в легенду - поливановские старожилы сами запутались, что в этих воспоминаниях вымысел, а что так и было. Особенно когда речь заходит о романтической и нелегкой любви Негруцы к одной из морячек корабля-любви, которая, судя по всему, стоила ему капитанского звания...

- Ну, а сама работа... сама работа? Какую-нибудь радость доставляет?

- Какая радость? Беспросветно банки, банки, банки. То холод, то жара. Мокро, шумно, противно. Только и думаю о том, как поскорее добраться до своего "ящика" и уснуть.

И вдруг резкий взмах головой.

- Вот о ком напишите в свою газету - о таких, как я! Но ведь не напишете, не напишете!

Не напишу. Не хочется. Нет.

Раздался стук в дверь. Вошел радист - полный круглощечный парень с маленькими, глубоко упрятанными глазами.

- Михайлыч, хочешь поговорить с домом?

- То есть... с каким домом?

- Гм... С самым обыкновенным...

Фу ты, черт, уразумел наконец: на наших судах новинка - радиотелефонная связь прямо с берегом. Мне уж связисты хвастились восторженно: поднимай трубку, и пожалуйста тебе - Севастополь, Новосибирск, Жмеринка!

Я смотрю на румяного хозяина эфира, на его подозрительно искрящиеся глаза, и уже готовое сорваться "конечно, хочу, что за разговоры!" отступает перед сомнением: "Не разыгрыв ли это?"

Основание опасаться подвоха у меня есть. Только на днях друзья-механики рассказали, как несколько лет назад вместе с радиослужбой "купили" святую в простоте своей морячку - сотрудницу судовой лаборатории. Та с упоением пять минут разговаривала по телефону... с машинным отделением, где роль мамы исполнял один из механиков.

Окончилось все слезами потерпевшей, когда на следующий день к ней просочился слух о коварстве "благодетелей". Шутники давно покалялись в своем грехе и, по их словам, больше таких экспериментов не ставят, но кто его знает!..

- Так что, будете разговаривать? Сейчас отличная проходимость в эфире.

Еще две-три секунды боролись во мне сомнения, но-- прозвучал гонг.

- Пойдем!

Мы привыкаем к чудесам техники. По-моему, это порок века. В человеке должно жить удивление чуду - особенно рукотворному. Двухтысячный спутник - двухтысячное удивление! Если когда-нибудь и создадут робот со всеми людскими качествами, единственное, что его все-таки будет отличать от человека, - это неумение удивляться.

Нас разделяет полпланеты - океан, острова, материки. Здесь холодно, мы ходим в ватниках - а там, в Крыму, жаркое лето. Здесь темно еще - а над севастопольскими бухтами давно светит солнце. И вот так запросто - поднять трубку, и...

- Алло, алло!

- Кто у телефона?

- Это я.

- Ничего не понимаю... Ты что, уже вернулся? Что-то случилось? Ты из порта, из Камышовой?

- Да нет, я звоню из Атлантики.

Эфир проглотил хрипы, писки и голоса - наступило космическое молчание. Я испугался: о- Погоди, погоди, не бросай трубку! Я не шучу, я в океане, на "Поливановой"...

- Борька!.. Это же потрясающе...

- Ну как там - в Севастополе?

- Теплынь. Только что прошел слепой дождик. Полно цветов... Ладно, не буду тебя дразнить... Лучше расскажи, как дела, как работаете, и, вообще, как у вас.

- Все в порядке. Тишь - не качает. Рыба? Есть рыба - навалом! Что? Настроение? Боевое. Пять баллов!

ТРИ ЧАШКИ КОФЕ

Последний пак замороженной рыбы ушел из трюма. Все. Через час завод станет. Не ловится - бункер пуст.

В рубке раздается хлесткий звонок. Никто не сдвигается с места, даже не взглядывает на телефонную трубку. Только "молодой" невольно дергается от карты, но, увидев неподвижные согнутые спины, осекается и вновь разводит колючки циркуля.

- Ответьте ему, - отрешенно говорит Горбачев. Рулевой подходит к пульта и срывает трубку со стопора.

- ...пусть занимается своим делом! - по-прежнему не поворачивая головы, бросает вдогонку капитан.

Все понимают, кто и откуда может сейчас звонить.

"Хорошо, что кэп не слышит",

- думает про себя рулевой. В голосе начальника смены - и вызов, и досада, и подковырка:

- Ну что вы там, когда будет рыба?

Видать, дверь в диспетчерскую открыта - телефон доносит снизу гул и позвякивание конвейера.

- Все выбрал, все запасы. Ни пака больше нет! Рулевой - старожил рубки, а значит, ее доверенное лицо, хранитель ее разговоров "не для всех". По собственному разумению он исполняет еще и внеустановленные обязанности "дипломатического буфера" между добытчиками, взвинченными от неудач, и не менее огорченными безрыбьем обработчиками.

- Капитан в курсе дела. Идем с тралом. Пауза.

Похоже, начальник смены не ожидал нарваться на кэпа. Однако остановиться не в силах - досада и раздражение захлестывают его:

- Может, начнем мойку завода?

- Сейчас узнаю.

"Они там, внизу, уверены, что и на этот трал никаких надежд". Рулевой поворачивается передать предложение, но Горбачев (он ведь точно не мог слышать разговор!) резко выпаливает:

- Никаких моек! Будут убираться по графику. Старпом - сейчас его вахта, Васильича,

- стрельнул зрчками в капитана: не хочет сдаваться!

Тут штука вот в чем. С утра два траулера - керченский и новороссийский - попросили взять у них мороженую рыбу. С одной стороны, дело вроде полезное, когда у тебя самого не ловится: и консервный завод спасешь от простоя, и соседям поможешь - у тех трюмы полны. Но с другой: потеря времени на швартовку - раз, удорожание сырья (не тобой ведь поймано!) - два, в план по вылову эти тонны, естественно, не идут - три. А кроме того, имеется грозная радиограмма с берега, чтоб "чужую" рыбу ни под каким соусом не принимали. Но только коллеги по океану видят, что ты третьи сутки в пролове, да и вообще это не по-товарищески - в такой ситуации... Черт возьми, неужели просчет?! Должна ведь она появиться наконец - эта распроклятая скумбрия!

Ох, тяжкие заботы раздрают душу директора Виктора Прокофьевича Горбачева! Ох, самолюбивые и горячие волны захлестывают сердце капитана Виктора Прокофьевича Горбачева!

Туман. "Мария Поливанова" вминается в парное молоко полудня. Работают все приборы, и рубка заполнена звуками под завязку: в нее, как в чемодан, понатолкали хриплые голоса штурманов ближних судов, тонкое шипение гирокомпы, упрытанного в цилиндрическом кожухе, электронное пощелкивание грозных елочек на экране рыболокатора, отдаленное рокотанье воды за винтом, одинокие команды рулевому.

Капитан водрузился на длинном стуле, коршуном навис над щитками поискового агрегата.

У "Прокопыча" сонные глаза - старпом разбудил его минут десять назад, чтоб решить твердо и бесповоротно: или уходим в другие квадраты, или принимаем чужую добычу.

Горбачев на исходе третьих, бесплодных и бессонных суток, не раздеваясь, прикорнул в штурманской на затертом кожухе. Он лежал, свернувшись колечком и тихонько посапывая. "Чиф" долго не отваживался оборвать это такое блаженство. Но надо было что-то предпринимать.

- Ну как?

Услышь Горбачев в ответ "есть косячки", он не вскочил бы с лежанки, нет - перевернулся бы на бок и заснул теперь уже счастливым сном победителя: он свое дело сделал - нашел рыбу, пускай дальше штурманы ловят; его анализ карт погоды, температур океана, промысловых данных за прошлые годы, в конце концов его рыбацье чутье - сработали! Увы:

- о Пусто.

И потому он снова на длинном жестком стуле перед поющими, посвистывающими, шелестящими, цокающими приборами. Бесстрастными, холодными регистраторами глубин.

Слева на переборке - коробка эхолота. В его окне движется широкая светло-сизая лента, на которой самописец рисует все, что прощупывает вибратор под килем: изгибы дна, рыбы стайки в толще воды. Впрочем, сейчас на ленте лишь унылый профиль скалистого склона, а над ним - ни черточки, ни закорючки: даже намек нет на косячок.

- Кто у нас по носу?

Четвертый штурман подскакивает к капитану.

- В двух с половиной милях по курсу - "Лимоза". Идет с тралом. Глубина сто пятьдесят.

"Молодой" (а четвертый помощник втайне злится, когда его так кличут) отвечает четко, с особым "морским" шиком.

- Спроси, есть ли показания, - подсказывает старпом.

"Четвертый", вспорхнув, подлетает к радиотелефону. Его румяное личико с изящными дужками смоляных усов вмиг становится серьезным. Он - подопечный старпома, Васильич натаскивает его в промысловых и судоводительских премудростях.

- "Лимоза" - "Поливановой"!.. "Лимоза" - "Поливановой"!

Болгарский траулер "прибежал" в наш квадрат - как и одесский "Лиман", - услышав на совете прогнозы Горбачева.

"Лимоза" ответила. У них тоже не было никаких показаний, но последние минуты три эхолот стал вычерчивать какую-то "муру". Пока еще трудно сказать, что это.

Горбачев акробатически, пружиной выгибается над креслом. Васильич тут же отправляет рулевого вниз - тот без слов понимает зачем. "Четвертый" становится на руль.

- Пять вправо!

- Есть пять вправо! - упиваясь своей значимостью, выкрикивает "молодой".

В двух с половиной милях по носу блеснула крохотная надежда.

Несколько дней назад, заглянув на мостик; я увидел такую картину. В рубке, по всей палубе, лежали рулоны, планшеты с зонами циклонов и антициклонов, только что принятые гидрологические карты - чуть влажные листки в причудливых лиловых разводах. На палубе на коленях ползал капитан, бормоча под нос и делая пометки в блокноте. Это называлось, как любезно-хитрюще шепнул мне старпом, "текущим анализом и прогнозированием промысловой обстановки".

С огромным тралом, что буксирует за кормой плавучий завод, не так-то легко ворочаться. Ваера медленно отползла влево, не подчиняясь поначалу движению судна. Машина сетей в глубине океана сопротивлялась тупо и упрямо, потом все-таки смирилась перед мощью трехметрового винта, вырулила на новый курс.

Под килем сто пятьдесят метров. "Чиф" подсел у подножия поискового агрегата к прибору, похожему на толстую смотровую трубу (ее называют "фишлупой"), вжался в резиновый раструб. Там, в темноте, по круглому экранчику сверху вниз пробегает, вспыхивая, голубая струна. Луч рыболокатора натывается, к сожалению, только на грунт.

Вошел рулевой. Кофе - капитану, старпому. Горбачев, не глядя, хватает напиток, делает пару глотков и отставляет чашку в сторону.

Сжаты губы, воспаленные, чуть на выкате глаза пожирают пустынную ленту в стальном четырехугольнике эхолота. Вышли на место, где у "Лимозы" были показания... Они?! Возможно.

- Ну-ка возьми точку.

Это капитан "четвертому". Тот спешит в штурманскую - нужно быстро определить координаты. Возвращается к планшету, наносит на мелованный ватман точку нахождения корабля.

- Все правильно. Вышли.

Над волнистой линией грунта появились одинокие риски, редкие серые галочки. "Мура". Или все-таки рыба?

- Что там, Васильич?

"Чиф" выдерживает томительную паузу и, не вылезая из резинового раструба, начинает спокойно (чего ему стоит - спокойно!) докладывать:

- Есть... Есть еще раз... Еще...

Голубую струну фишлупы пронзают горизонтальные ветви, набухая у ствола. Сигнал, посланный вибратором, уткнулся в нечто более плотное, чем соленая вода.

Рыба?

' Может быть, просто планктон или малек, или того хуже - армада медуз?

Нет, характер показаний рыбный.

На ленте эхолота появилась маленькая темная тучка - косячок.

У нас под килем.

Знать бы, куда эти хвостатики плывут: влево, вправо, на нас, убегают от судна?

Продолжаем идти прямым курсом.

Сейчас все внимание - на окошке в левом нижнем углу поискового агрегата, похожего на большую конторку. Сюда вибратор, подвязанный к верхней подборе трала (помните, светло-желтый пластмассовый блин, что так аккуратно прилаживал Герман Александрович?), посылает сигналы: глубинный разведчик сообщает, заходит рыба в сети или нет.

- Сколько у нас ваеров?

Васильич называет длину вытравленных ваеров и тут же прикидывает на логарифмической линейке, через сколько минут желанный косяк приблизится к устью трала, то есть когда нохринский "блин" просигналит о заходе стаи в ловушку.

"Тучка" на ленте эхолота прижалась к самому дну. Выходит, чтоб подсечь ее, нужно почти вжать нижнюю подбору сетей в грунт. Опасно, ничего не стоит порвать орудие лова. Но что делать: не рискнешь - не поймашь!

- Сбавь десятку.

Команда рулевому уменьшить скорость. Отчего буксируемая "авоська" немедленно присядет.

На экране поискового агрегата - две линии: одна пожирнее - дно, вторая, над ней, - путь нижней подборы. Эта вторая резко пошла вниз, кажется, совсем слилась с жирной чертой. Честно говоря, у меня екнуло сердце: грунт здесь корявый, враз зацепишься. Но кэп и старпом - само спокойствие. Их наметанный глаз различает микроскопический просвет между линиями - значит, трал цел.

Горбачев с секундомером в руке. Через пять с половиной минут, по подсчетам старпома, черная "тучка" должна подойти к сетям.

Четыре минуты.,

Щелк, щелк, щелк - пробегает по сизой бумаге перышко самописца, выжигая все ту же бесконечную махровую тесемку скалы.

Четыре с половиной.

Непрошено в мозгу у капитана всплывает: "Вчера вечером балтийцы (те работают миль на двести южнее) отмечали скумбрию в северных квадратах - выходит, я прав: скопление неизбежно должно сместиться сюда, в температурный заток! Должно..."

Пять минут.

Пять с половиной минут.

Старпом, "четвертый", Иван Павлович (он, как всегда, молча отсиживался на порожке мостика) обступили кэпа. Я тоже пытаюсь из-за спины "Прокопыча" не упустить момент, пусть маленького, но торжества.

Щелк, щелк, щелк...

Пять минут сорок секунд. (Положим, Васильич просчитался на полминуты.) Шесть. (Ну пусть - на минуту!) Шесть с половиной. Семь.

Пусто. Долгожданная "тучка" не соизволила забрести в наш современнейший, в наш огромнейший трал.

- Про-ма-зали!!

Нескрываемое мальчишеское отчаяние выплеснулось в этом вздохе азартного и порывистого нашего капитана.

Наверно, он прав: косяк проскочил где-то сбоку.

Где?

Как по команде "чиф" и Горбачев допивают остывший кофе и отдают чашки рулевому. Тот понимающе удаляется - готовить вторую порцию бодрости.

"Четвертый" опять у радиотелефона: разузнать, как дела у соседей. "Лиман" тоже имел показания, а заходов нет. "Лимоза" цепнула несколько "рыбных черточек" - вряд ли приличная концентрация, скорее "кончик хвоста", как выразился болгарский вахтенный штурман.

Ясно. Так и предполагалось: стадо не нагульное, быстро смещается - рыщет в поисках планктона. В лоб его не возьмешь.

Запел гидролокатор горизонтального поиска. Переключателем "чиф" направляет умное эхо то вправо, то влево. Как ни печально, но стая нас обхитрила: вовремя вильнула в сторону!

Удивительно красивый голос у прибора: вначале звонкое падение капли с весенней сосульки, потом медовое таяние этого взрывного звука, растекание его до тонкой скрипичной ноты, затем кантилена начинает густеть, затем почти без набора дыхания обрастает металлическим оттенком, и - очередной яркий удар капли.

Только теперь понимаю, что к безмерному множеству судоводительских талантов надобно иметь еще один дар: идеальный музыкальный слух. Да, да, иначе как уловить в пении горизонтального эхолуча то тончайшее изменение тембра, которое и есть встреча с рыбой ватагой?

Все застыли. Прислушиваются.

- Справа?

- Ага. Давай проверим.

В каком-то месте однообразной, назойливо повторяющейся мелодии гидролокатора появился сбой. Нет, я так и не уловил его, и боюсь, что "четвертый", хоть и закивал с видом знатока, тоже не различил новой окраски звука (пройдет не один рейс, пока "молодой" научится безошибочно это делать), - но капитан и старший помощник, наш симпатичный "чиф", почуяли: косяк проходит под килем в южном направлении. Если продолжать двигаться прямо, то - судя по скорости рыбы - добыча опять ускользнет от нас.

Рассеялся туман, да и волна поутихла. Мористее разглядели в бинокль одного из соседей: по силуэту - "одессит". "Болгарин" идет восточнее. Что ж, коллективный поиск по разным глубинам - это хорошо: кто-нибудь обязательно нарвется на рыбу.

Если Горбачев прав.

Глоток, еще глоток. Веселый выкрик:

- Ну, Васильич, если этот не загоним...

На экране эхолота появились густые вертикальные мазки о- косячище!

Вторая чашка кофе допита в два приема. В бой!

- Двадцать вправо!

Эк как резко! С нашей-то великанской "авоськой": запутаемся - в три часа не расхлебаем. А повернуть медленней - рыба уйдет. о

- Есть двадцать вправо!

Рулевой улыбается про себя: кэп ожил, началось таяние льда.

Кэп не просто ожил: его подхлестнуло, понесло, заморозило предчувствие удачи. Метнулся к "спикеру".

- "Лиман" о- "Поливановой"! Проходим приличные плюшки. Даю точку. Пристраивайтесь за нами.

Выпалил на едином дыхании. До предела "натянул вожжи", дабы брызжащая радость не слишком вырвалась в эфир - не солидно!

Как часто на капитанских советах в разных районах промысла доводилось мне слышать призывы флагманов давать честную и своевременную информацию по рыбалке, угрозы в адрес тех, кто хитрит, не делится с коллегами находкой, из слона делает муху, а промысловую сводку превращает в дипломатическую шараду. В Горбачеве никогда не возникало даже мысли что-либо утаить от собратьев по океану. И дело не в высоких материях - сознательности, понимании важности задачи, у него это такое же естественное состояние, как у птицы - парение в воздухе. Это неистребимая -

мальчишеская! - потребность немедленно поведать миру о своей радости, перелить в него свое удивительное счастье, просто похвастаться! Это от щедрости.

Появилась в окошке еще одна жирная мета.

Только бы догнать!

Куда девалось натянутое спокойствие рубки! "Прокопыч" мечется от крыла к крылу с секундомером, заглядывает вниз, на корму, высматривая, куда уходят ваера: течение, как на грех, сносит трал, нужна постоянная поправка. Старпом "дегустирует" непойманное: "На подходе пятьсот сорок три килограмма сельди и восемьсот пятьдесят скумбрии". "Молодой" включается в насмешливое прогнозирование: "По уточненным данным - восемьсот пятьдесят пять!" Иван Павлович, неярко улыбаясь, произносит лукавое: "Так что, мне идти натягивать сапоги?" Толстый намек: лишь когда в мешке оказывается рыбы столько, что лебедка не в силах вытянуть и выборка становится делом и сложным, и опасным, замкапитана по добыче облачается в робу и самолично руководит подъемом трала.

Нижняя подборка приблизилась к скоплению. Остаются секунды. Вот-вот первые черточки появятся на ленте. Давай, самописец, даруй!

Есть! Скрипнуло, прожигая бумагу, перо. Еще раз скрипнуло, еще раз. Пожалуйста, пожирней! Ведь показания эхолота были необыкновенны - вон целый плетень чернеет в его окошке. Согласны: пусть хоть половина пойдет!

Еще несколько несильных мазков.

И все.

Н-да, не густо... То, конечно, не косяк - его жалкие крохи... Что же случилось? Опять промазали?.. Течение. Сильный снос... Куда сильнее, чем заверяет лодия. Не подрастали.

В рубке - полярное молчание.

- Проклятье - сносит! Такая огромная дубина... Ругать наше большущее, прекраснейшее судно - да к тому же вслух, прилюдно - дозволено одному нэпу. Надо ведь на чем-нибудь отвести душу.

Захрипел радиотелефон. С "Лимана" восторженно сообщили: "Загнали! Мощнейший заход! Спасибо, "Поливанова"! Да...

Каждый из присутствующих в сердцах подумал: "Им легче - парусность у "Атлантика" намного меньше - значит, меньше сносит, да и маневренней он. Сейчас бы развернуться и успеть догнать косяк! Дудки..."

А я-то знаю - бывал на "Лимане" - усатик-капитан этого траулера завидует Горбачеву: "Мне бы такую скорость и мощь, и такие тралы!"

Спрашивает "Лимоза", что у нас слышно. Собирается вскорости выбрать трал - кое-что черпнули.

К "спикеру" подходит Васильич.

- Ворочаемся вправо-влево. Загоняли косяк - не загнали. В общем, другари, работаем пастухами: гоняем стадо.

Голос болгарина:

- Цлохим курсом шли.

- Эт-точно!

Моряки улыбаются: так наивно и мило выглядит попытка друзей смягчить неприятность: "Плохим курсом..."

- Ладно, "чиф", пойдём на сей раз хорошим! - напористо, с вызовом скорее себе, чем несчастливой планиде, бросает капитан и прямо-таки впрыгивает на высоченный* стул у поискового агрегата.

- Лево на борт! Этот - наш!

Горбачев тычет пальцем в вырастающее на эхограмме густое пятно. С упрямой решимостью, смешанной со злостью и азартом, начинает вращать вибратор-певун.

"Четвертый" по собственной инициативе "несет точку" той злосчастной непойманной стайки. Обратным заходом возьмем, черт ее подери!

Разумеется, несколько тонн рыбы зашло за минувшие часы, но мало, до обидного мало...

Неожиданно оборвалась бумага в окошке гидроразведчика. "Молодой" заметался по рубке: "Где Нохрин, где же он?"

А Герман Александрович, как будто знал, что случится, уже стоит у агрегата с новым рулончиком. Поставили его - и сразу бегущее перо самописца черкнуло по матовой поверхности резко, со вкусом. Раз, другой, третий. Целый "плетень" вырос над линией нижней подборы. Заход!

- Давно нужно было ленту сменить! - весело говорит Иван Павлович, отбрасывая со лба длинную волнистую прядь волос.

- Так-с, полагаю, получите благодарность.

"Чиф" расслаился до ушей. Начало сделано. Васильич оттесняет рулевого:

- Поди поработай.

Понял. Отправился выуживать остатки со дна банки для очередного кофепития.

И вновь пульсируют, шелкают, вызванивают, поют минуты ожидания, азарта, радости, огорчения.

Прошло полчаса. Но второго такого весомого захода все нет и нет. Ладно, не стоит жадничать. Васильич - заканчивается его вахта - настроен на выборку снасти: что поймали, то поймали. Лучше пусть "третий" до захода солнца успеет вернуться на наши точки - авось еще что захватит.

- Согласен. Пять минут и - подъем. Иван Павлович уныло бурчит:

- Пойду спать. Если что - разбудите. Последнее - так, для профформы: все понимают, что будить не придется.

Минуло пять минут. Старпом берет в руки микрофон, переключается на траловую.

- Приготовились. Будем поднимать. На корме матросы разбежались по своим местам. Остался посреди палубы один Кухтыль. Володя-усатик шуганул его, и пес, легко перепрыгнув через оградительный бортик, спрятался в укрытие. Вымахал за время промысла - ничего не скажешь!

Старпом только собрался произнести "вира!", как раздалось громкое капитанское:

- Отставить! Иди сюда, "чиф"... Полный вперед! Широкими, могучими мазками самописец рисовал косяк.

Набрали самый полный. Есть, заходит, за-хо-дит!

Мы все обступили облаканный и обруганный поисковый агрегатище. Огромная черная блямба расплывалась на новенькой ленте.

- А ведь еще минута, и стали бы поднимать, - блаженно философствует "четвертый".

Кэп спрыгивает со стула и нежно дергает "молодого" за ус. Сдетонировали традиционные остроты по поводу выдающейся детали на молоденьком личике штурмана. И все внимание переключилось на корму.

- Предупреди завод, - спохватился старпом. Рулевой с радостью исполняет приказание:

- Диспетчерская - мостику!

Поднимает трубку начальник смены - как ждал.

- Берем трал. Готовьте бункер.

В рулевую врывается натужный вой траловой лебедки. Иван Павлович уже на переходном мостике над слипом - командует подъемом.

Вышли на связь соседи. У них отменные тралы. Довольны.

Натянуты, как струна, ваера. Огромная мохнатая гусеница - многометровый и многотонный мешок, полный рыбы, выползает на палубу. Он "серебрится на солнце, он пытит, отдувается, с него стекают потоки розоватой воды.

Словно по команде допивается давным-давно заолодевший кофе, и рулевой торжественно принимает пустые чашки.

Подошла к концу старпомовская смена. Васильич собирается на подвахту. Я тоже иду переодеться: в заводе, особенно на сортировке, явно понадобится подмога. Готовится к авралу и рулевой.

Мы выходим с ним из рубки, и он, опуская посуду в умывальник, облегченно вздыхает:

- Вот и все. Обошлось тремя чашками.

- А что, бывает и больше?

- О!

"ЯЗЫЧНИК" ПРОГНОЗИРУЕТ БУДУЩЕЕ

Такое случается редко, но - случается! Однажды трал оказался настолько тяжелым, что могучая лебедка Поперхнулась, опасно и дико затряслась ваера - огромный мешок с рыбой повис за кормой, готовый вот-вот оторваться от сетей и уйти на дно.

- Жадность нищего сгубила! - мрачно бормочет главный механик ("дед") Ивасюк. Он выскочил на мостик, услышав, что лебедка орет благим матом, - ясное дело, испугался, как бы добытчики не сожгли моторы.

Словно в ответ на его чертыханья, по трансляции раскатилось тревожное:

- Всем посторонним немедленно покинуть опасную зону! Повторяю: немедленно...

Да, трудно унять азарт охотника, страсть добытчика, Когда в каждом из нас это сидит с времен первобытных и языческих! Жажда охоты - в генах человечества, и поэтому неистребима. Океанская рыбалка пробуждает историческую наследственность, дает как бы питательную среду шальным микробам, особенно в горожанине, в ком цивилизация веками гасила добытчика. Не в том ли одна из подсознательных причин ностальгии по морю - чувства, которое довольно приблизительно определяется словом "романтика"?!

Мельников потуже напялил оранжевую каску, скривился и кисло произнес:

- Я пошел.

Остальное можно не объяснять. Капитан, словно они все согласовали с добытчиком, берет микрофон, включает корму:

- К вам спускается Иван Павлович. Делаем последнюю попытку. Все по местам!

И снова взревели моторы. На мостике, что переброшен над слипом, изогнулся Мельников. Под ним желанный и злополучный трал, как обессилевший скалолаз, борется с собственной тяжестью. Старший тралмастер дирижирует надсадным воем лебедки: рука совершает плавные круги, ввинчиваясь вверх и вверх, и звук моторов, и без того исступленный, достигает предела. Рука резко останавливается, сжимается в кулак: "Стоп!" Треск. стальных ваеров стал угрожающим - с этим шутить нельзя.

Все. Надежды спасти весь улов не осталось.

И тогда на моих глазах разыгралось поразительное, незабываемое действие! Мельников спустился к слипу, снял куртку и сапоги, взял крепкий капроновый фал, обвязался им вокруг пояса, а другой конец передал Коле Субботину и еще одному дюжему парню. Потом вытащил из чехла широченный рыбацкий нож, зажал его в зубах, и... босой, гибкий, как пантера, стал сбегать по крутой железной горке в воду, к винту, туда, где бурлил и вздувался трал.

Почти у самой кромки слипа добытчик, взмахнув руками, перескочил на тугой, полный рыбы мешок и побежал по нему, по волнам, что перекатывались через горбатую, сверкающую гусеницу. Он перехватил в ладонь рукоятку ножа, и лезвие вызывающе блеснуло на солнце. Что-то завораживающее, ярое, языческое было в этом беге полуобнаженного человека по океану!

"Язычник", словно пикой, взмахнул кинжалом, наклонился и полоснул по жирному брюху рыбьего "мамонта". Из вспоротой сети хлынула кипящая ртуть и понеслась по волнам. Траловый мешок в этом месте стал стремительно таять, и Мельников едва успел выскочить на твердый "пригорок".

Когда его, мокрого, разгоряченного, вытащили за капроновый фал на палубу, он оглянулся: за кормой возник длинный искристый шлейф рыбы.

- Ушла...

Он сказал это тихо-тихо. Трал на глазах стал вполтину меньше, теперь уже улов можно было поднимать на палубу.

А Мельников, сбросив с пояса страховочный канат и еще раз взглянув, как весело и испуганно уплывает от нас добыча, облегченно выдохнул:

- Жи-ва-я!

И это "жи-ва-я" поразило меня, может, больше, чем все происшедшее. Живая! Не задохнулась, не станет добычей алчных чаек! Будет плавать, будет продолжать свой рыбий род! Это "живая" в устах добытчика прозвучало неожиданно: а мне-то казалось, что он спасает свой знаменитый, дорогостоящий трал!..

За ужином я специально задержался в кают-компании хотел дождаться Мельникова - он приходит в столовую чуть не последним.

Иван Павлович появился в элегантном шерстяном пуловере, белоснежной рубашке с большим модным воротником, весь утонченный, приглаженный, расчесанный. Поразительное дело: Мельников является на люди или в рабочей, обшарпанной робе, или вот так - светло и празднично. Среднего не бывает.

Когда главный добытчик отужинал, проиграл традиционную партию в шахматы с Никитенко, стрельнул у буфетчицы сигарету, мы отправились с ним на "Бродвей" - прогулочную палубу под ходовой рубкой. Задувал встречный ветерок, и искорки мельниковской сигарки резко неслись к дымовой трубе, сливаясь там с горячим натруженным потоком из цилиндров двигателя.

Я сам толком не понимал, зачем потянуло в этот вечер к "язычнику", о чем хотел с ним поговорить, но что-то подталкивало к нему.

Мы чинно вышагивали "Бродвеем" и беседовали о всякой всячине: о чехлах для его новенькой "Волги"; о последних проделках рыжего Кухтыля; о левых ботинках, которых у шкипера оказалось в два раза больше, чем правых; о моей книжке, что, может, в эти мгновенья выползает из печатной машины; о флюсе, почтившем хитрую физиономию "деда" Ивасюка. Но и я, и, похоже, Иван Павлович чувствовали: в конце концов заговорим о чем-то ином, что невысказанно томит нас обоих.

И вдруг резкое переключение - как на другую шкалу в приемнике:

- Совсем недавно считали, что океан - прорва: бери без счета. А он исчерпаем! Особенно в смысле рыбы...

Я даже оторопел от неожиданности: с такой безжалостно математической точностью сформулировал собеседник то, что во мне еще было зыбким и тревожным клубком.

- Надолго ли хватит океана? Вот сколько желающих! - добытчик обвел рукой горизонт, и от огонька его сигареты зажглись вдали крошечные костры. - Кого только не собрал тут промысел: английские, японские, греческие, испанские, аргентинские, шведские траулеры. У каждого - орудия лова одно совершенней другого, суда мощнее и хитроумнее, поисковые приборы такие, что куда только бедной рыбке от них деваться!

- Самый дешевый пищевой белок в мире! Ни пасти рыбу не надо, ни подкармливать - лови себе и лови! Сейчас еще, как утверждает наука, все, что забирается у океана, рыбий род восстанавливает: смена успевает подрасти. Хотя и не во всех районах.

- Но так ведь не может продолжаться долго. Вы сами говорите...

- Не может. И все это понимают. Осталась "малость", - он грустно улыбнулся,

- договориться людям.

- О чем?

- Управлять океанским пастбищем, как это делается в прудовом хозяйстве. Выращивать рыбу в океане. Да, да, пасти, если хотите, как барашек!

Мне немало доводилось читать об опытах морского фермерства. Я видел такие рыбопроизводные заводы на Черном море и на Дальнем Востоке, на Курилах. Воспроизводством осетровых, красной и других ценных пород морских рыб у нас в стране занимаются сейчас повсюду. У берегов Крыма и Кавказа все чаще появляются красавицы белуги и стерляди, а с острова Кунашир уплывают в Тихий океан доморощенные мальки кеты и горбуши. СССР давно уже решает острейшую проблему воспроизводства рыбных запасов. Но, увы, проблема эта выходит за рамки одного государства. Выращенная на нашем заводе молодежь спешит в свой вековечный миграционный путь, который пройдет по далеким водам, у чужих берегов.

- Так что это скорее дело политиков, а специалисты-рыбники полны идей...

Все так. Нужны совместные усилия человечества. К сожалению, договориться тут не так-то просто. К примеру, вопрос о рыболовных зонах специальные комиссии ООН обсуждают уже третье десятилетие и никак не придут к договоренности. А это - лишь малюсенькая часть проблемы управления биологическими ресурсами океана, которую предстоит - хочешь не хочешь - решать людям, вне зависимости от их политических убеждений.

Стало прохладно. Мы спрятались с Мельниковым в его каюте, по дороге прихватив на камбузе кипятка. И сидим теперь вот, попивая растворимый кофе, а заодно проводя научный эксперимент: сколько дыма может вместить жилое помещение объемом в двадцать кубических метров. Я - на диванчике, заваленном книгами и папками с чертежами. Иван Павлович забрался с ногами на койку, и вот сидит сейчас передо мной не знаменитый тралмастер-"академик", а юноша,

который впервые побрился, оставив для форса усики, а сам стесняется этого. Я усмехнулся про себя, вспомнив, что окрестил добытчика крутым и зычным словом "язычник".

Речь его лилась негромко, задумчиво и мечтательно. Он говорил о будущем океана - о богатом и щедром будущем. Из сизого дыма вырастали сотканые воображением картины - одна удивительнее другой...

Была на исходе ночь, когда в иллюминатор застучала продрогшая звезда. Мы впустили ее в каюту погреться. Повеяло предутренним бризом.

ПРОКОПЫЧ

Девять утра. Он влетает в радиорубку, подсаживается к приемнику, раскрывает тетрадь. Ежедневно в девять утра - совет капитанов.

Голос в эфире:

- Обменяемся промысловой информацией.

Прокопыч (почему-то именно так перекрестили капитана его ближайшие помощники!) приготовился записывать и докладывать.

Совет капитанов - необычная планерка. Сообщения о работе: тонны, глубины, вылов, ассортимент. Цифры, планы, прогнозы, недовольства, претензии. В эфире легче прятать глаза, чем за столом у директора завода. В эфире эмоции не в чести, и вместо того, чтобы застонать: "Братцы! Вторую неделю на простое, план полетел в трубу, команда вот-вот взорвется - ничего не заработали! СОС!", - вместо этого произносится резкое, как автоматная очередь: "В ожидании базы. Слушаю следующего. Прием".

В эфире - капитан-директор "Анатолия Халина". К его сообщению Горбачев прислушивается с особым вниманием. Рыбоконсервный собрат работает в последние дни отменно. Правда, ситуация у кораблей сейчас различная: "Халину" нужна сельдь, "Поливановой" - скумбрия, ставрида. Там поднажали на консервы в масле, а Горбачев, заполучив вдоволь банки, взял курс на продукцию натуральную. Но как бы там ни было, халинский "огород" надобно нанести на планшет - о пригодится

На промысле обстановка в эти дни неплохая. Отменно морозят "соседи" - одесский "Кировоград", рижский "Саадьярв", новороссийский "Федор Гладков". Появились новички: пришли в наш район траулер "Карпогоры" архангельской прописки, "Келлерман" из ГДР, "Билон" из Польши.

Горбачев тут - так уж повелось не первый рейс - "штатный прорицатель". Кроме доклада по своей рыбалке, капитаны ждут от него прогнозов, и обстоятельные анализы Прокопыча частенько оказываются пророческими.

Сегодня, заканчивая свое выступление, он говорит:

- Гидрология такова: скачок температур медленно размывается. Полагаю, дня через два-три рыба из наших квадратов уйдет.

Дня через два-три. Что ж, это не так мало времени. Нужно постараться выжать из него все: делать побольше тралений, отказаться от всяких ходел, бросить в цех всех свободных от вахт и работ. Кто знает, сколько часов или суток придется потом гоняться за добычей, пока не нарвешься на приличное скопление.

Прокопыч выключает приемник; захлопывает толстую тетрадь, на которой вместо надписи "Совет капитанов" четко выведены три буквы: "КВН" - клуб веселых и находчивых!

- Пошли ко мне! Пошли.

Спускаемся к Горбачеву в каюту. Сегодня у нэпа "курортный" день. Ловитва идет, как по маслу: тралы - один лучше другого, можно не заглядывать в рубку, к чему лишняя опека? Прокопыч вообще придерживается теории: капитан нужен, когда у штурманов рыбалка не клеится; нашел рыбу, тактика облова определилась - уходи, не мешай вахтенным работать, займись хозяйством - ты ведь к тому же директор!

Но сегодня и директорским заботам решено дать отгул: в заводе все идет ладно. Сегодня можно заняться разлюбезной своей... радиотехникой.

Каюта Горбачева с раннего утра превратилась в мастерскую: на длинном, коричневой полировки столе - картонки, коробки с проводками, сопротивлениями, всяческими колесиками и платами: лежат крохотные катушки, разобранные трансформаторы, блокноты. На стуле - паяльник. И почему-то в кабинете капитан-директора... одна, две, нет - три гитары!

Прокопыч улыбается.

- Моя только одна. Купил в Испании. Вот какая красавица!

Нежно проводит по изогнутой талии смуглянки-гитары, присаживается на краешек дивана, ласково перебирает струны.

- Так, - говорю я, когда кэп, отставляет в сторону испанскую красавицу, - продолжим следствие. А остальные две - чьи?

- Ребят из оркестра. Я им усилители делаю. Страсть к радио у него давнишняя, со школы. После десятилетки даже пытался поступать в радиотехнический институт. Но в конечном итоге очутился в Мурманске, в высшей мореходке. Только первую свою любовь не забыл: приемники и радиолокаторы, переговорные устройства и магнитофоны вызывают в нем нежные токи.

Замечаю под грудой каркасигов ровные куски сизой ленты - той, что движется в окошке поискового агрегата. Знакомые рисунки: силуэт дна, волнистая линия нижней подборы. Зачем эти эхограммы тут на столе?

- Да вот собрал все случаи зацепов за месяц - пришлось поломать голову...

Зацепы. Самое неприятное для добытчиков слово. Все равно ^что для шоферов - прокол в техталоне. Признаться, этих самых зацепов было предостаточно: один трал вообще разорвали, как говорят промысловики, "в дрободан". На грунте здесь нередки торчащие пики, а рыба, как назло, прижимается к низу, и, чтоб взять ее, приходится с пелагической снастью обращаться, словно с донной: опускать до предела - сие сравнимо разве что с забиванием гвоздей при помощи елочного шарика. Да, все время на грани риска: на какую-то десятую узла упадет скорость или лишних сто метров ваеров стравишь - все, считай, трал зацепился, порвался, ловитва застопорилась.

Так дальше продолжаться не могло. Горбачев понимал это. Иван Павлович Мельников молчит, но глаза смотрят на штурманов не то что с укоризной - обвиняют! Дескать, легко вам в теплой рубке: попробовали бы на ветру, под дождем - враз бы отпала охота экспериментировать. А штурманы, в свою очередь, все сваливают на главного тралмастера: упрямитесь, не хочет менять оснастку трала, а она непригодна для здешних грунтов.

Конфликт взбухал, как молоко в кастрюле болтливой хозяйки. Зацепы, с одной стороны, - сплошной аврал для тральцев, с другой - вынужденное безделье остальных.

Капитан долго изучал эхограммы с местами порывов, кое-что для себя уяснил, иное так и осталось догадкой (например, есть предположение, что при одном из тралений зацепили на дне "топляк..." - почти укрытый илом старинный затонувший корабль). Потом пошел к Ивану Павловичу в каюту.

Представляю, чего стоил этот разговор и тому и другому: гордыни и упрямства им обоим не занимать! Побороли себя. Дело есть дело. Прокопыч покаяться за штурманские небрежности, но и "академик" согласился "чего-нибудь помудрить"...

Горбачев, держа в руке паяльник, подходит к окну. С кормы как раз сползает за борт очередной трал.

- Заметили? Переделал. Теперь нижняя подбора сама чувствует препятствие - перед бугром или "кочкой" приподнимается!

Да, недурственно "помудрил" Иван Павлович!

На корме работает сейчас вахта Николая Субботина. Крепенько вымуштровал своих подчиненных тралмастер! Ни одного лишнего движения, стремительность, уверенность, четкость. Да и сам Николай стал меньше суетиться, командует с достоинством, мастито, как и следует заму "академика"!

Ушли за борт распорные доски, замедлили свой бег ваера. Субботин, мускулистый, литой, стоит в центре траловой палубы - руководит спуском. А Кухтыль, вымахавший в зурядную пегую собачару, знать не хочет, что мастер занят делом, - тащит того за голенище: айда погуляем!

Горбачев смеется:

- Потеха!.. Но меня боится. Полагаю, Володя-усатик нашушукал псу, что капитан не любит собак. Хотя... и вправду, я не большой любитель. И вдруг без видимой связи:

- Сюда бы Негруцу!

Но связь оказывается непосредственной:

- Николай Моисеевич - тот безумно любит собак, да и вообще всякую живность. У него в рейсе мохнатая белянка была, дворняга натуральная - так Негруца ее в своей ванне купал!

Не в первый раз и по самым разным поводам вспоминают на "Поливановой" своего бывшего капитана Николая Моисеевича Негруцу. Заходит в рубке разговор о спортивных состязаниях - тут же всплывает забавный рассказ, как Негруца на спор промчался снизу, из машинного отделения, до мостика за шесть секунд ("рекорд" до сих пор не побит!). Затеваются разговор о стоянке во Франции - находится очевидец того, как худошавого, смуглого полуукраинца-полумолдаванина принимали за француза. "Скисает" рыба, вся группа мечется в поисках скопления - кто-нибудь обязательно вздохнет: "Негруца нашел бы!". Девчата в заводе вспоминают, какой он был веселый и красивый, как находил время переброситься ласковым словечком с ними. Мужчины в минуты грустной опустошенности утешают друг друга: "И все-таки есть любовь, только нужно за нее до победного стоять - как Моисеич!"

А ведь уже четыре с лишним года Негруца не командует "Поливановой", принял другое судно - траулер "Золотой колос". Правда, легенд про его удачливость стало теперь еще больше.

Горбачев, может, чаще, чем кто-либо, вспоминает Негруцу. И не коробит, и не стоит ему поперек дороги слава предшественника. Впрочем, об этом он и не думает. А вот походить на своего учителя, который всего-то двумя годами старше, хочется очень.

(Я не теряю надежды встретиться с Негруцей в океане. "Золотой колос" работает далеко отсюда - ни южном промысле, но нам, судя по всему, предстоит переход в этот район.)

Горбачев пришел на "Марию Поливанову" старпомом. До этого поплавал и поработал на берегу вдосталь. Кем только не довелось трудиться: сетевязальщиком, докмейстером, матросом, дублером лоцмана, даже переводчиком с английского (Негруца, кстати, тоже помыкался, пока ступил на капитанский мостик). Знал Виктор многих командиров, но такую брызжущую энергию, такой всепобеждающий оптимизм, рискованность в сочетании с точнейшим расчетом, бухгалтерскую скрупулезность в ведении хозяйства и лихую смелость экономических решений встретил впервые у Негруцы. И не стеснялся, впитывал: шел по пятам за промысловой логикой наставника, перенимал приемы швартовки, умение вести многочисленные "гроссбухи", жадно брал уроки командования большим и необычным коллективом.

Телефонный звонок.

Проситесь зайти начпрод. Пора заказывать ближайшей базе свежие овощи, прочие продукты.

- Гриша, полагаю, на этот раз надо лучше пораскинуть мозгами, надо все учесть...

Собеседник начинает длинную оправдательную речь.

Нет, слушай, ты не то говоришь. Законы пишутся для умных людей... Ну хорошо, заходи, когда составишь заказ.

Собран очередной блочок. Прокопыч крепит его на заготовленной раме, начинает опробование. Радуетя по-ребячески, что новорожденное его детище работает. Не без бахвальства заявляет: "На моем счету около шестидесяти различных конструкций - реле, усилителей, прочих адских агрегатов!"

- Патенты берете?

- Так точно, она вот выдает, - кивает на цветную фотографию жены Тани.

- Когда рубчик выдаст, когда два - разные есть транзисторы и конденсаторы. Но иногда приходится хитростью - как сын на мороженое!

Со снимка глядит молодая белокурая женщина. Виктор рядом с ней кажется длинношеим петушком: остроносый, скуластый, с миндалевидными чуть на выкате глазами.

Они познакомились в Мурманске. Курсант Горбачев в промежутках между астролябиями и навигациями солировал в ансамбле народного танца Дома культуры. Как-то выпал на время из концертов - после операции аппендицита. Руководитель предложила, пока суд да дело, заняться новичками - показать азы: позиции, несложные па. Одна из новеньких была белокурой, круглолицей - той, что девчушкой перекочевала потом на эту цветную фотографию.

Звонок. Главный технолог напоминает, что пора бы "взыскать" с халинцев должок - крышки для банок. Скоро понадобятся.

Тара. Хватает ли в данный момент жестяной посуды для рыбы или нет, пресловутое тара вечно висит дамокловым мечом над головами океанских рыбаков-консервщиков.

Банкой корабль снабжает береговой консервный завод в бухте Камышовой - там специальный цех есть, тарный. "Поливанова" на двое суток вынуждена была задержать отход, только бы взять еще миллион баночек: завод не справлялся со своими обязательствами перед плавучим сородичем.

Горбачева вызвал начальник главка Иван Федорович Денисенко.

- Почему задерживаешься?! Какая нужна помощь? Почему не жалуешься мне лично?

Экономически выгоднее отобрать банку у берегового завода, только бы корабль не простаивал.

- Сейчас дам указание - заберешь у них, сколько сможешь погрузить.

И тут Горбачев огорошил начальство неожиданным отказом.

- Уже не нужен полный комплект. Если б вчера... И перед изумленным Иваном Федоровичем появилась сложенная вчетверо бумаженция. Развернул ее. График. На одной оси координат - сутки, на другой - финансовые потери, между ними изогнулась кривая. Два дня простоя ради получения тары окупятся на промысле, а вот, допустим, четыре - нецелесообразно: линия резко ползет вверх.

- Рассчитал! - довольно хмыкнул Денисенко. - Но чтоб завтра был в море!

И так случается. Парадоксы экономики.

Порой, глядя на горы журналов, расчетов сырья и топлива, промыслового времени и зарплаты, всевозможных накладных и перенакладных, отказываешься верить, что перед тобой мореход, капитан, страстный добытчик. "Лед и пламень" - послушайте, Пушкин написал это не про капитан-директора?

Шутки в сторону. Сегодня, как никогда, капитан океанского производственного корабля - да еще такого, как "Мария Поливанова", должен сочетать в себе множество качеств, заложенных природой и воспитуемых жизнью. Мужество не снято с повестки дня, хотя современный дизель-электроход - не утлый парусник с деревянной обшивкой. Выдержка, воля, крепкие нервы - без них не обойтись так же, как во времена Колумбов и Магелланов. Освященных веками знаний морской навигации уже маловато. А чтоб не чувствовать себя на хлебником у мудрых приборов рубки, должно быть радиоспециалистом, и специалистом по орудиям лова, и по технологии рыбных продуктов, и по хозяйственному расчету, и по силовым установкам, и по вопросам педагогики, и по снабжению, и бог знает еще по чему!

Впрочем, всему этому в отдельности можно научиться. Со временем, с годами. Пройдя путь от матроса до четвертого штурмана, третьего, второго, старшего помощника капитана. А дальше - так уж принято - "растущий товарищ" выдвигается в капитаны. Увы, порой становится им по рангу, по должности - не по существу. Можно научиться в отдельности всему, стать хорошим "вторым" или "чифом", но, сложившись в м е ст е, приобретенные навыки и достоинства не обязательно дадут нужный сплав. Потому что, на мой взгляд, в сегодняшней реальности капитан - совсем иная профессия, не следует путать ее с профессией штурмана. Не каждый главный инженер - будущий директор завода. К счастью, уже появились у нас специальные учебные заведения, готовящие директоров производства. На флоте инерция традиций сильнее, чем где-либо. Вот и появляются безликие, а то и вовсе бездарные капитаны, и все удивляются: был хорошим "вторым", был отличным старпомом - что же случилось?

Горбачев - сплав, вобравший в себя все эти качества.

Степенный командир "Поливановой", член парткома крупнейшего на Черноморье рыбопромышленного объединения "Атлантика".

И заядлый спортсмен: одним из первых на судне сдал нормы ГТО.

И просто неукротимый пацан! По рисунку в детском журнале склеил из прессшпана ромбическую кошку. Лежит эта "киса" на столе, с торчащими ушками, нарисованными глазками - так и хочется дотронуться. Коснулся - а она ка-ак вспрыгнет! В ней, оказывается, есть тайная резинка. Говорит, малышу своему сделал. Может быть.

Позвонили из рубки. Спрашивают, что делать: исчезли записи, но парочка заходов была отличной. Выбирать?

- Сами решайте! - злится Виктор. - А я погляжу.

Приучает к самостоятельности.

Незаметно светлое небо за кормой помутнело. Чайки утратили ослепительную белизну. Похоже, к дождю. Океан тускнел на глазах, как ослепительно цветастая рыба, поднятая на палубу с большой глубины. Шторм подкрался исподтишка. И вдруг свалился на нас посреди ночи, мокрой, но почти затишной. В двенадцать завыл ветер, в час разбойничьи посвисты раздались в надстройках и антеннах. К утру стальную громадину валяло, как ваньку-встаньку. Работы на палубе прекратились. Корабль лег носом на волну.

Но завод не должен простаивать ни при каких условиях. На несколько дней запасов мороженой рыбы хватит - нужно продолжать делать консервы, топить рыбий жир.

К шуму конвейера прибавился грохот волн по обшивке - словно ухали боксерские кулачищи. Ленты транспортеров и разделочные столы качались, будто брошенные посреди моря лодчонки, рыба ускользала из рук.

Прибавилось забот у наладчиков: то там, то здесь от резких толчков и крена заклинивает соединения, заедает в узлах. В задраенных иллюминаторах завода бурлит мутная пена, и кажется, будто плывешь не на поверхности, а под водой.

Поутихли звонкие голоса девчат на потоке. Порой даже оградительная спинка сиденья не удерживает - рыбообработчица валится на соседку. На лицах у новеньких застыл испуг, все падает из рук. После смены еле добираются до каюты, отдохнуть толком не удастся - по койке носит из угла в угол, переборки скрипят, грозя развалиться. И от всего этого бодрящие реплики старожиллов океана действуют раздражающе. Когда на берегу рассудительные подруги предупреждали новоявленную мореплавательницу, дескать, подумай, не ходи - штормы и прочее, она отмахивалась: другие ведь переносят, чем я хуже! И вот мучается теперь и терзается мрачными обвинениями: "Значит, не такая. Зачем пошла, никто ведь не тянул. Свет повидать? Ёот он свет - даже не свет, а целое светопреставление!"

На вторые сутки шторма в каюту старпома пришли две такие мореплавательницы. Потребовали ответа: можем мы утонуть?! "Чиф" в привычной своей полусерьезной манере ответил: "Можем, если не будем соблюдать правил техники безопасности".

Но, заметив смертельный ужас в глазах у парочки, понял, что юмор для их состояния противопоказан. Жестом приказал женщинам сесть к столу. По полированной крышке, как по льду, гуляла пепельница.

Васильич выгасил из шкафа толстую папку и сказал:

- Здесь все расчеты и доказательства непотопляемости нашего корабля. Их делали умнейшие, опытнейшие люди. Судно сотни раз опробовано на любой шторм, любые удары волн, любой ветер. Даже если нас по клотик накроет волна, все равно вынырнем, как поплавок. Конечно, если в вашей каюте иллюминаторы будут закрыты; конечно, если вы не будете шляться... пардон, шастать, где не положено. Наконец, если не будете распускать нюни, пардон, если будете помнить, что у начпроды лишней краски для ресниц не имеется. Это ясно?!

Гости сидели, опустив головы.

Летчик должен верить своей машине больше, чем себе. Моряк, сомневающийся в корабле, которому служит, не моряк. Пройдет первый в их жизни шторм. Закончится их первый рейс. Кто-то, испытав себя, уйдет в следующий. Таких будет много - большинство. Не вернутся на судно единицы. И не надо о них думать плохо - у каждого в жизни есть свое дело. А женское ли оно дело - море?..

Одна из гостей решительно встала, остановила рукой пепельницу.

- Положите мокрое полотенце - не будет скользить.

И направились к двери.

Васильич про себя улыбнулся. Вышел в коридор вслед за женщинами. Они двигались гуськом, держась за пластиковую переборку. Старпом повернул в кают-компанию: там что-то подозрительно вызывало - надо подсказать буфетчице, пусть укрепит. До вахты оставался час, нужно обойти весь пароход, заглянуть во все дыры, проверить, все ли принаитовлено по штормовому, завязано, прибито. А ю чего доброго смоеет волной.

Ровно в шестнадцать "чиф" поднялся на мостик, где его подопечный "четвертый" уже принимал дела у предыдущей вахты.

В углу, над картой района, сидел, растопырив для упора ноги, мрачный Прокопич.

- Ну, что будем делать?

- Работать! - увернулся старпом. Горбачев, не поднимая головы, пробормотал:

- Ты погляди на эхолот.

Какая досада! Выныривающий, как утка, корабль проходил над мощнейшим косяком, а трал поставить нет никакой возможности: при любом развороте заваливает так, что кажется, будто стотысячный женский хор вскрикивает "а-ах!".

В рубке появился Мельников. Вошел, не здороваясь, с пасмурной физиономией. Никакой рыбалки. Только начали подтягивать показатели по вылову, и на тебе - повторяется прошлый рейс.

Горбачев развернулся к Ивану Павловичу. С горькой ехидцей:

- Есть вдохновение поставить трал?

Кадры у кэпа под стать ему самому - за словом в карман не лезут:

- А вы сможете развернуться?

Резкий порыв ветра хохоча ударил в лобовые иллюминаторы, и по ним потекли бесчисленные струйки воды. Три дня промысла выпали.

На четвертый качка немного утихла. Можно попытаться поставить снасть. Но, как всегда бывает, шторм переворошил океан, перемешал теплые и холодные слои - "размыл гидрологию", как любит выражаться Горбачев (а рыба-то как раз и держится на стыке разных температур), - косяки, что еще недавно щедро писал эхолот, исчезли.

Поиск надо начинать сначала.

В штурманской, рядом с ходовой рубкой, вновь появилась на рундуке старая овчина. Горбачев перекочевал из комфортабельной капитан-директорской каюты в штурманскую, поближе к мостику, спит теперь на затрапезной шубе одетым, час-два в сутки. Рядом у лежанки - ведро с бутылками минеральной, банка растворимого кофе, стаканы. Это теперь надолго.

ОЧЕНЬ СТРАННЫЙ ТАКОЙ ПАРОХОД..

Вначале показалось, что сон продолжается и я вижу яркую- картину в круглой раме. Потом вскочил, пораженный: в иллюминаторе - мираж?! На золотисто-бирюзовом фоне поблескивал островок. Я высунул голову за борт: никакого оптического обмана - маленький островок, реальный, живой, покачивался на краю ультрамаринового блюда, а с двух сторон его охраняли два стража - острые, как надолбы, скалы.

И вдруг сообразил, почему видение это меня так удивило: на четвертом месяце плавания впервые вот так близко показалась земля! Там, если он только обитаем, этот островок, ходят не держась за стены, там можно развести костер и полежать в траве...

И тут я подумал, что перестал замечать океан - какой он горделивый и бескрайний, перестал заглядывать в его изумрудную прозрачность под бортом, всматриваться в тонкие переходы цвета у горизонта.

Умывшись, пошел в столовую глотнуть традиционный флотский завтрак: чай да хлеб с маслом, В помещении уже убирали - было безлюдно. Только у доски показателей работы колдовал наш судовой инженер-экономист. В соответствующих клеточках она стирала старые цифры и вписывала мелком новые: какая смена сколько выработала за сутки, что сделано за месяц, с начала промысла, с начала года, с начала пятилетки. Тонны, тысячи штук, проценты, рубли. В отдельной графе - заработок матроса первого класса за день минувший и в целом с начала рейса. К обеду у этой доски будет не меньше болельщиков, чем у таблицы шахматного турнира.

Я останавливаюсь за спиной у экономиста, изучаю шеренги чисел. Есть довольно весомые показатели. Но вот прибыль захромала, и сразу не сообразишь почему: может, оттого, что брали у других кораблей мороженую рыбу, а может, ассортимент подкачал - маловато продукции в масле - она дороже ценится. В общем, есть над чем подумать командирам.

- Комиссар партбюро созывает, - поворачивается ко мне инженер. - Намечается землетрясение.

В последнюю неделю положение на промысле вновь осложнилось. Некоторые суда, отчаявшись, стали сниматься на юг. (Я в душе обрадовался, хоть это и эгоистично: наконец-то попаду на корабль к Негруце!) Но идти одному, без "Халина", в другой район Горбачеву не хотелось, а у тех рейс подходит к концу, и срываться с места бессмысленно.

- Тут, люди хорошие, надо все отмерить - и даже не семь раз, - прежде чем отрезать.

Помполит сидит во главе кают-компании, лицо его как никогда серьезно, по случаю бюро надел форменную тужурку.

- Что нас гонит на юг? Нужна сардина - раз... Да, нужна сардина, даже точнее, "сардина южная", как значится в производственной программе. Но и не это главное. Похоже, здесь заканчивается сезон скумбрии. Можно, правда, взамен делать консервы из сельди. Но в больших количествах судну это невыгодно: каждая баночка на пару копеек дешевле, а выливается в пересчете на тысячи в приличную сумму. В общем, надо помозговать...

- Ладно, это, так сказать, стратегия промысла, - обрывает сам себя помполит.

- Об этом доложит Виктор Прокофьевич. А сейчас послушаем начальников служб.

Пока выступал технолог, успели так надымить, что женщины взбунтовались. Курцы пообещали умерить свой пыл.

Зам по производству продолжал:

- ...Что еще задерживало первые месяцы? Новички. Особенно на готовой продукции. Машинки для наклейки этикеток барахлят до сих пор. Понятно, опытные поли-вановцы помогали, на вторую смену оставались, обучали...

Помполит перебил:

- Вот-вот. Хорошие девчата, хороший пример другим, да?

- Да.

- А чего ж ты, товарищ начальник, раньше о них ни гу-гу?! Мы бы "молнию"... В радиогазете... Чтоб других "старичков" подзадорить!

- Да ну, зачем уж так сразу? Показуха. Кулинич не выдержал, вскочил.

- Показуха, говоришь?! Не понимаешь ты, не понимаешь...- он аж задохнулся, подыскивая резкие обвиняющие слова.

В конце концов выпалил привычное: - Н-не-е! Не хороший ты человек!

За столом полулегально заулыбались.

- Вы еще улыбаетесь! Показуха! А может, это и есть гласность соревнования?! По вашему, соревнование: "Давай, валяй больше первой смены!" А вот так: прийти и помочь соперницам... Н-не-е, я смотрю, вы там в заводе какую-то конкуренцию развели, а не соревнование!

Технолог, не ожидавший такого оборота событий, ошарашенно глядит на помполита.

- Да это ж... да что вы... Я ставил в пример... Вот пусть они подтвердят, - поворот в сторону начальников смен.

Те поспешно закивали.

Первый циклон прошел быстро, так же, как налетел.

Но помполит настроен нынче не ласково. Руганул за разбазаривание сырья, за бесконтрольность на сортировке, за прочие грехи. Попало и Никитенко, и Ивану Павловичу, и" общесудовой службе в лице старпома Васильича. "С людьми надо больше работать, с людьми! А не только с машинами!" - вновь и вновь твердит помполит. Самые горячие пытаются оправдываться, но члены бюро их быстро урезонируют.

Взял слово Горбачев.

- Верно тут говорил помполит. А то сплошные розовые доклады: ах, все хорошо, ах, все в порядке, прошу предоставить очередной отпуск и медаль за доблестный труд! А на поверку - вон сколько белых ниток вылезло! И правильно: главное - работа с людьми. Нам с этим составом уходить в следующий рейс, и пятилетку выполнять тоже с ними. Или не мы гору обещаний надавали?!

Подписи тех, кто сидит за столом кают-компании, значатся под торжественными и нелегкими обязательствами поливановцев.

- Теперь о дальнейшем...

Прокопч говорил, не глядя на присутствующих, жестко, замедленно. Губы его, как всегда в таких случаях, сжимаются калачом, в глазах появляется багряный отблеск. Финансовая деятельность корабля: вот вам цифры - оценивайте сами. Промысловая обстановка: все запутано, прогнозы смешались, плывем в неизвестность. Перспектива: если все-таки менять район, то нужно так подгадать время перехода, чтоб потери оказались минимальными.

- Час назад радисты сообщили: вышла из Севастополя "Ковшова". Судя по всему, Шестаков считает, что наш район на ближайшие месяцы отработал. Значит, возьмет курс на юг.

Сообщение о выходе на промысел "Ковшовой" произвело действие тока. Все за столом мгновенно развернулись в сторону капитана.

"Наталья Ковшова" - первенец рыбоконсервного флота севастопольцев. Наш траулер-завод был вторым, "Анатолий Халин" - третьим. "Поливановцев" связывает с "Ковшовой" столько, что каждая встреча двух кораблей на промысле превращается в событие.

Каждая встреча - это близкие, знакомые, друзья, пусть увиденные только в бинокль, но все-таки живые вестники родной земли! Нескольким счастливицам повезет пойти на шлюпке к прибывшим и час-другой, пока будет грузиться почта и снабжение, переговорить о новостях берега, рассказать о своих делах и заботах, услышать свежайший земной анекдот. Немало из тех, кто когда-то плавал на "Ковшовой", теперь работает на "Поливановой", и наоборот.

Каждая встреча - это новые поленья в давний костер соперничества между двумя экипажами. Это значит, вновь запестрит цифрами стенд соревнования между "сестрицами". Даже самых инертных подхлестнет, заразит всеобщий азарт: "Обойдем ковшовцев!".

Каждая встреча "Наталии Ковшовой" и "Марии Поливановой" - это как тогда, в далекий предгрозовый, предвоенный год...

Они впервые увидели друг друга на подготовительных курсах московского авиационного института - восемнадцатилетняя Маша Поливанова и двадцатилетняя Наталья Ковшова. Познакомились и стали неразлучными подругами. Вместе мечтали о небе, о крылатых машинах, которые будут конструировать. А когда неожиданно грянула война, вместе поступили на курсы снайперов. В октябре сорок первого были зачислены в Коминтерновский батальон московских рабочих. В этом батальоне, к слову, сражался и лейтенант Анатолий Халин - тот, кто на подступах к Новой Руссе грудью закрыл амбразуру. (Случилось это за год до того, как подобный подвиг совершил рядовой Александр Матросов.)

Снайпер Машенька Поливанова, маленькая хрупкая девочка, была четвертым ребенком в многодетной крестьянской семье, проживавшей под Тулой. Почти не сохранились ее фотографии военной поры. С той, с которой писан портрет для кают-компании, смотрит чистое открытое личико: тоненькие высокие бровки, чуть раскосые красивые глаза, высокий овальный лоб. Стриженная "под мальчишку", в гимнастерке с выглядывающим белоснежным подворотничком. В едва заметном наклоне головы угадывается девичья застенчивость, гибкость.

Она стреляла без промаха. Машеньку и Наташу посылали на самые ответственные задания, на дуэли с невидимками - фашистскими "кукушками". Они умели блестяще маскироваться, часами сидеть не шелохнувшись, прекрасно ориентировались на местности, безукоризненно знали оружие.

В страшные для Москвы ноябрьские дни гитлеровского наступления девушки были в числе тех, кто мужественно защищал любимую столицу. В январе Маша выполняет особое задание командования в качестве связной. В феврале, в сражении за Старое Гучево, проявляет исключительную находчивость, военную смекалку, самоотверженность, за что представляется к правительственной награде.

Ее комиссар Н. И. Жур вспоминает:

"Мужественной и храброй была Машенька Поливанова. Это было тем более удивительно, что внешне Машенька казалась тихой, робкой девушкой. Была она тоненькая, как стебелек, очень легко смущалась и краснела, казалась даже моложе своих девятнадцати лет".

14 августа 1942 года батальон получил приказ прорвать оборону противника в районе села Бяково. На один из участков, где фашисты особенно упорно сопротивлялись, была направлена снайперская группа. В состав ее вошли Маша Поливанова и Наташа Ковшова.

Завязался бой, в котором девушки уничтожили более сорока захватчиков. Но силы оказались неравными. Гитлеровцы ползли и ползли, открыли минометный огонь, стали обходить группу с флангов. Таяли ряды снайперов, кольцо врагов сжималось.

Их осталось трое в живых - две подруги и лежащий невдалеке тяжелораненый боец Коммунистической дивизии Новиков, впоследствии Герой Советского Союза, единственный уцелевший в том страшном бою. (Он-то и рассказал о последних минутах девушек.) Машенька, раненная, обливаясь кровью, продолжала отстреливаться. Она говорила Новикову: "Товарищ, я бы тебя вынесла, только видишь, нельзя. Надо биться до последнего патрона". Последний патрон приберегла Наташа, он свалил наземь фашистского офицера.

Кольцо сомкнулось. Гитлеровцы кричат: "Рус, сдавайся!"

Превозмогая боль, отвечает Ковшова: "Русские девушки в плен не сдаются!" Одна за другой летят во врага гранаты.

И наступила тишина. Фашисты поняли: у русских кончились боеприпасы, можно брать живыми!

У них не было уже сил принять смерть стоя. Столпившиеся вокруг фашисты с испугом и ненавистью смотрели на двух девушек, что лежали на земле, прижавшись друг к другу. Но когда подошедший ближе солдат пнул сапогом одну из них, раздался взрыв - сработали припасенные напоследок гранаты.

Была она худенькой девочкой - Машенька Поливанова. Стала Марией, огромным траулером-заводом. И снова на передней линии - на боевом рубеже пятилетки. Плывет в океане завод "Мария Поливанова". И вновь они неразлучны - две подруги.

У нас в стране немало могучих консервных заводов, бороздящих дальневосточные воды, Тихий океан, Атлантику. Обычно на эти большие рыбные базы работает целая армада добывающих судов. Севастопольская консервная флотилия уникальна: корабли типа "Наталии Ковшовой" являются одновременно и траулерами, то есть сами ловят, сами снабжают свой завод сырьем. Такой вариант, как показывает практика мирового рыболовства, наиболее экономичен и перспективен. Успешная работа нашей тройцы - лучшее тому доказательство.

Конечно, "младшей подруге" повезло, что родилась второй - в ее оборудовании, схеме завода учтен опыт головного судна - "Ковшовой". Рыбообрабатывающая техника на корабле сегодня - лучшее, что есть в рыбоконсервном производстве. Понятно, не бывает пределов совершенствованию. Но, как говорит "дед" Ивасюк, когда получает с берега очередную депешу с разрядкой по количеству "планируемых рацпредложений", - "мы ж тут за время с постройки столько новшеств понавнедрили, что осталось новый корабль изобрести!" На Эдуарда Петровича Никитенко падает огромная доля "вины" за мучения "деда": он на "Поливановой" с первых рейсов, каждый винтик завода прощупан его руками.

О людях, что всю жизнь отдали горному делу или, допустим, небу, нередко говорят, что они-де "родились горняками, летчиками". Никитенко родился консервщиком. Это и потомственное, и семейное. (Жена Таня заведует лабораторией на "Халине".) Если на чистоту, то прежде мне бы в голову не пришло числить профессию консервщика в поэтичных. Как сапожника или там бухгалтера. Эдик, не ведая того, свершил в моем порочном мировоззрении переворот, сравнимый разве что с открытием жизни на Марсе или первым хоккейным матчем против канадских профессионалов. Глядя на этого фанатика консервной банки, я окончательно понял: не существует непоэтичных специальностей - есть лишь непоэтичные люди.

Консервирование! Это же одно из древнейших занятий человечества. (Эдик уверен, что вообще древнее самого человечества.) Одно из наиболее изящных и гениальных по простоте открытий. (Цивилизация знает подобных раз-два и обчелся: создание колеса, догадка об атоме, рождение первой банки консервов.) А сколько возможностей для творчества, остроумия и фантазии! В овальную жестяную коробочку можно, например, закатать не только шпроты с добавлением колбасы, но и никелированную вилку, и даже салфетку! Потом преподнести этот шедевр кулинарии капитан-директору. Открыв банку, Прокопыч будет безмерно обрадован, обнаружив среди прочего и свою авторучку, недавно пропавшую со стола.

После окончания института пищевой промышленности Эдик работал в консервном цехе ростовского рыбокомбината, отлаживал поточные линии. Когда увидел новенький плавучий завод "Наталия Ковшова", сердце механика дрогнуло. Перебрался с семьей в Севастополь. 4 декабря 1966 года на "Марии Поливановой" ушел в первое, тогда еще экспериментальное плавание. Сначала сменным, потом главным механиком консервного производства. Из десяти промысловых рейсов корабля он участвовал в семи. В остальных его подменял Виктор Николаевич Плевако - незаурядный изобретатель, заядлый стихотворец и" композитор.

В первых плаваниях корабля родилась традиция: отмечать очередной рубеж производительности изготовлением сувенира. В каюте у Горбачева целый музей необычных скульптур: из плексигласа, жести, нержавеющей стали. Основная деталь в каждой композиции - консервная банка (одна или несколько - по числу выпущенных миллионов): в естественном своем виде, с обычной этикеткой, или выточенная на токарном станке из алюминия, малюсенькая, как шашечка, точная копия настоящей - вплоть до маркировочных цифр, выбитых на крышке. Банки на гребне пластмассовой волны; банки в виде ромашки; банки, напоминающие тракторные колеса; банки, выстроенные змейкой, как падающие домино.

В изготовлении и придумывании этих экспонатов неизменно участвует Никитенко, а когда он в отпуске - его коллега Виктор Николаевич Плевако. После завершения шестого рейса, второго в девятой пятилетке, в котором экипаж достиг рекордного по тому времени результата, Плевако вручил капитану сувенир в виде цветка, установленного на цилиндрическом основании. В полый цилиндр вложена запаянная капсула с письмом-обращением, прочитать которое завещано только по окончании десятого промыслового рейса - то есть нынешнего.

"Тайна Плевако" не дает покоя любопытным. Уже разгадана символика сувенира: автор изобразил цветок канны, а по-французски "кане" - банка! Чем ближе к назначенному сроку, тем острее интерес к загадке. Зарегистрированы попытки похитить "цветок" и распаять капсулу. Еще немного, и шкаф капитанской каюты, где хранится таинственная канна, придется охранять подобно сокровищам Тутанхамона.

Ветераны - живая энциклопедия судна. С гордостью расскажут они, сколько выросло на "Поливановой" капитанов, стармехов, старших тралмастеров, которыми теперь гордятся другие корабли. К стати, заметят, что Прокопыч начинал старпомом у Негруцы. Ну, а коль дело дошло до Негруцы, минутной информацией не обойдется - о Николае Моисеевиче старожилы готовы рассказывать часами. Ветераны знают все. Соотношение мужского и женского пола на корабле? Пожалуйста: в шестом рейсе было 1 : 3, в седьмом - 1 : 2,5, в восьмом... С высшим и средним образованием 103 человека (едва не половина!). Незамужних, холостяков...

Нынешний рейс не слишком выдающийся в смысле статистики. Хотя и сейчас найдется нечто примечательное. Возьмем возраст: тридцать один член экипажа моложе двадцати четырех лет - такого количества ни разу не было! Или еще: на судне поразительный набор великих фамилий, - например, есть Горький, Шиллер, Шевченко.

Сверимся с судовой ролью: Николай Владимирович Шиллер, матрос; Вадим Викторович Горький, матрос. Никто ничего не выдумал.

И вообще, дорогой читатель, в этой книге не выдуманно и не изменено ни одно имя, кроме... Наступила пора сознаться мне в единственном прегрешении против строгой документальности. Федя и Галочка-отличница выдуманы - вернее, не они, а их имена. И сделал я это, каюсь, по причине перестраховки. Вдруг найдется некий ответственный товарищ, который скажет: в "Уставе службы на судах флота рыбной промышленности СССР" упомянута хотя бы в одной из семнадцати глав "любовь" как таковая? Нет. Следовательно, действия гг. Ф. и Г. следует рассматривать как противоустановные.

По сему произойдет следующее. Вызов по инстанции: "Жениться собираетесь?" "Пока нет". Тогда происходящее - аморально, а значит... А что, если собираются жениться? Что ж, поздравляем. Но одному из вас придется остаться на берегу. Семейная пара на судне - это, гм...

Только Жизнь есть жизнь. Она берет свое - на Северном ли полюсе, в штормовой ли Атлантике. Люди влюбляются, страдают, мечтают о счастье так же, как и на земле. Если б вы только видели, как трепетно охраняют это опасливое счастье влюбленных женщины-рыбачки! Какие теплые взгляды бросают в их сторону, как незаметно и тактично стараются оставить их наедине, как на киносеансе, будто невзначай, не занимают два места! Перед этой великодушной заботой отступает и горькая зависть, и собственная неустроенность, и сплетня, и соперничество. И невольно думаешь: сколько же в этих женщинах доброты и нежности, которых мужчины не разглядели на берегу!

"Женщина на корабле приносит несчастье", - говаривали старые мореманы. И сочиняли страшные истории по этому "принципиальному вопросу": о разбитых клиперах и кровавых драках, о пожарах и смерчах, причиной коих были, несомненно, женщины.

Еще бродили по свету, подобно Летучему Голландцу, эти побасенки и предрассудки, когда взошла счастливая звезда дальневосточного капитана Анны Щетининой. А вскоре одним из самых везучих добытчиков прослыла командир китобойца "Алеут" Валентина Орликова. Многим известна механик холодильных установок севастопольского рефрижераторного флота Тамара Тимченко, отдавшая морю около двадцати лет.

Существует целая сфера народного хозяйства - океанское консервное производство. Совершенно очевидно, что только женщинам - в силу психологических, физиологических и прочих качеств - доступна работа на плавучих заводах. И пора воспринимать без излишней экзотичности хотя бы эту провинцию морского царства, как навсегда отвоеванную амазонками.

Грешен, я тоже отдал дань троглодитскому удивлению "женским феноменом" на корабле. Даже написал об этом стихи.

И куда меня нынче несет? В океан заманили наяды. Очень странный такой пароход: На губах у матросов - помада, из-под снежных косынок локоны пробиваются, словно ландыши...

Позднее узнал, что выглядывающие локоны - дерзкое нарушение инструкции. Не положено - так же, как работать на потоке в кольцах, в сережках и тому подобном.

А вот красивой быть положено! Несмотря на усталость, штормы на море и в душе. И потому, проходя по цеху, помполит придиричливо вглядывается в лица женщин. Возле одной останавливается.

- Ты что же это губы перестала красить? Забастовала? (Он заметил: морячка скисла после очередной почты - видно, дома нелады. Вызвать на откровенность пока не удалось.)

- ...А может, я отстал от моды, старый консерватор?

Все-таки выудил улыбку!

- Конечно, отстали, давно в ходу бесцветная помада!

- А!..

У помполита такая работа. Он командир хорошего настроения. Когда на четвертом, на пятом месяце плавания случайно оброненное резкое слово вызывает в каюте или столовой "психическую лавину", вот тогда он особенно нужен - комиссар.

На столе у капитана загорелся огонек селектора. Вызывает начальник второй смены. По графику - мойка завода. Это четыре часа, не меньше: мыльными порошками, щетками, потом дезинфекция раствором марганцовки. Здесь тебе не обычный морозильный траулер - требуется хирургическая стерильность.

Но ох как не хочется терять целых четыре часа, когда идет рыба!

Первое желание - позвонить начальнице лаборатории: может, сжалится, разрешит оттянуть мойку. Убедить. В конце концов - приказать!

Ну нет уж. Стоп.

Капитан кладет трубку на место.

Все верно. Чуть-чуть дашь послабление - и грязь проберется обработчицам на руки, попадет в рыбу.

Горбачев, улыбнувшись, говорит:

- Вот так и напишите в заметке: "Борьба за качество требует жертв!" А что - чем не афоризм?!

Я отвечаю в том же тоне:

- Спасибо, куплено!

Как раз сегодня утром отправил большой материал об этих повседневных и внешне мелочных боях за высший сорт, за консервы отличного качества. С лидеров спрос особый; а с "Поливановой" какраз-то и началось движение на флоте - "Всю продукцию - только отличного качества!".

В дверь постучали. Вошел начальник радиостанции, принес длинную депешу с берега. Итоги работы севастопольских судов, разбросанных по разным районам океана.

Горбачев внимательно рассматривает испещренную цифрами "простыню". Вылов... морожение... стоимость пищевой продукции... прибыль...

- Ничего не понимаю... ошибка, что ли? По пищевой у "Золотого колоса" - отставание, и приличное. Да нет, не ошибка... Что там стряслось у Николая Моисеевича?.. Видно, совсем район отказал. Не идет нужная рыба!

Взгляд невольно поворачивается к карте Атлантики: "Золотой колос" миль на тысячу южнее нас. Как на грех, там у них вдоволь рыбы, пригодной для консервов, а им нужна крупная - на разделку!

Горбачев расстроен. Так влюбленный в мастера ученик, может, горше учителя переживает его неудачу.

- А как другие?

Горбачев мраченно смотрит в длинную радиограмму.

- Такие же дела, даже похуже. Скис район...

- Тогда чему удивляться?

- Как - чему?! - Виктор просто опешил. - И причем тут другие? Это же - Негруца!

Да, сенсация...

ПОЧЕМ ФУНТ КОНСЕРВОВ

Длинный стол кают-компании устлан снежной скатертью. Помпезно выстроились в ряд расписные опаловые тарелки и блюда, сверкают стаканы и гибкие графины. И впору назвать предстоящее обедом в честь президента, ну, по меньшей мере, всей Атлантики! Только именуется сегодняшнее предприятие куда прозаичнее: "Заседание судового дегустационного совета". Стаканы, увы, для чая. Рядом с вилками - карандаши и листочки с перечнем консервов, которые сейчас предстанут перед судом.

Заведующая лабораторией, полная кокетливая женщина, говорит ласково и премило шепелявит.

- Анализ скумбрии показал...

Далее: жирность, соленость, содержание масла и влаги в консервах. Лунный грунт раскладывали на составные с меньшим пристрастием.

Круглые гагатовые глаза верховной жрицы качества смотрят прямо перед собой. И никакие шпаргалки ей не нужны: граммы, проценты, промилле - как строки любимых стихов. Но это, так сказать, объективные данные приборов. А вот личные впечатления:

- Меня пораживает рекорд по ассортименту. Пожалуй, такого не было никогда раньше...

Это - в адрес командиров судна. В самом деле: четырнадцать видов продукции за месяц! Но что поделаешь: Горбачеву и его заму по производству пришлось изрядно лавировать, чтоб избежать простоя. Впрочем, зав. лабораторией, кажется, не столько обвиняет, сколько хочет предостеречь:

- Мастерам нужно очень внимательно последить при выгрузке, чтоб с этими малыми партиями не вышло пересортицы.

И все тем же нежным голоском обрушивается на участок разделки, где ее помощницы нет-нет да и заметят небрежность, на закатчиков - несколько банок заподозрены в негерметичности, на контролеров готовой продукции.

Лаборатория - фактический ОТК плавучего завода, главный ревнитель качества. Хотя, как начертано на одном из плакатов в красном уголке, "Качество - забота общая". Только порой в околдовывающей гонке конвейера мелькнет мыслишка: "Ну что там грамм перевеса или недовеса, что там рваная кожа, которую на доньшке все равно никто не увидит - а переделать, значит потерять уйму времени!"

Конечно, главное, чтоб высокий технический уровень производства неизбежно приводил к высокому качеству. Но не менее важно, чтоб неизбежной потребностью каждого стала такая профессиональная щепетильность, когда ты сам себе - и ОТК, и помполит. Это несложней ультранового оборудования, и без этого оно - это оборудование - пустой звук.

Когда в семьдесят первом году, в начале девятой пятилетки, экипаж "Марии Поливановой" стал инициатором движения за выпуск только отличной продукции, на счету коллектива был лишь один вид консервов, удостоенный государственного Знака качества. Теперь их с полдюжины.

Молодой инженер лаборатории ставит на стол "Уху рыбацкую". Appetитные розовые кусочки выуживают на тарелку аккуратно, бережно: нужно посмотреть укладку, точность среза, заметить, нет ли прилипания к стенкам. И лишь потом начать смакование: не переварена ли рыба, достаточно ли специй и соли. Разумеется, в расчете на то, что где-нибудь, допустим, в горах, эту сгущенную уху туристы разбавят кипятком. Там, в горах, будут наслаждаться ароматами в закопченном котелке, и вдруг кто-нибудь скажет: "Братцы! А рыба ведь из Атлантики!" Что если этим "кто-нибудь" окажусь я сам? Тогда невольно припомнится...

Придирчивые дегустаторы вписали в "экзаменационные листки" первые оценки, а на столе уже появились очередные консервы - с ярко-голубой этикеткой, эффектным рисунком и надписью (за товарный вид явно "пятерка!"). Технолог, не дожидаясь представления заведующей лабораторией, выхватил банку и стал пристально рассматривать наклейку. Ох и дала она всем "прикурить" - эта голубая красавица!

Маленькие, игрушечные машинки, наклеивающие этикетки, никогда за все рейсы не подводили. Наслаждение наблюдать, как умный механизм подхватывает отяжелевшую банку, еще теплую после варки, лихо обводит околышек бумажной лентой, которая тут же прилипает к металлу и обрывается в нужном месте.

И вдруг автоматы забарахлили: начали клеить вкривь и вкось, обрезать этикетку не там, где надо, сминать ее. Легче всего было свалить на наладчика: новенький, раньше работал на другом участке, неточно отрегулировал. Приходили на помощь другие механики, а срывы от этого не становились реже. Бедняжка мастер, секретарь нашей комсомолки, изошлась вся от бесконечных авралов, когда приходилось после смены сдирать испорченные наклейки и новые прилаживать вручную.

Загвоздка была в валиках: поизносились, а запасы кончились. Попытались подобрать подходящий материал и выточить собственными силами - заменители не выдержали больше недели. Никитенко вконец извелся с этими машинами, забомбил отдел снабжения радиogramмами: "Ближайшим транспортом прошу немедленно выслать..." А берег спокойно отвечал: "Изыскиваем возможность".

А тут еще новая беда: лощеные наклейки, шикарно отпечатанные голубые красавицы никак не прилипали к банке-автоматы не рассчитывались на толстую ленту.

Однажды ночью, заглянув на участок готовой продукции, я увидел комсорга горько рыдающей над кучей испорченных этикеток. Измазанный в масле, посеревший, стоял рядом Никитенко и, растерянно хлопая ресницами, уговаривал.

- Все наладим... Нет же безвыходного... Даже вечный двигатель можно отремонтировать.

Похоже, уговаривал старший механик себя.

Появилась на скатерти "Ставрида натуральная с добавлением масла". К этому виду отношение особое: мясо ставриды по сравнению с сардиной или скумбрией считается жестковатым, и технологи бьются над тем, чтоб его "облагородить".

Священнодействует Прокопч: отковырнул кусок, смакует. Недавно он по секрету признался: в жизни не любил консервов, даже плавая на "Поливановой" старпомом, ни разу не пробовал! Когда назначили капитан-директором, пришлось волей-неволей вкушать: по статусу он председатель дегустационной комиссии. Откровенно говоря, поначалу был "почетным председателем". Но теперь в тонкостях аромата и вкуса стал так разбираться, что сквозь запечатанную банку может их почувствовать. Не верите?

Ставрида нелегко дается экипажу. У этой сильной, литой рыбы по бокам тянется цепочка особо твердых выпуклых чешуек. Ихтиологи называют их "колючими щитками", а на консервных траулерах роговые образования окрестили - не пойму, почему! - "жучками". И придумали приспособление, чтоб их срезать - "жучкорезку". Выходит, дополнительная операция, притом коиарная - зазеваться не даст. Словом, хлопот со ставридой много, а ее еще "облагораживать" требуется - особой варкой, особыми приправами и выдержкой!

Зато фарш из ставриды получается нежнейший: ни дать ни взять - куриный. В задание по ассортименту фарш стали вводить недавно. Местные умельцы быстро приспособили для его производства специальные дробилки-мельницы, чаны, весовые устройства. Часы эти, когда весь завод сходится на одну половину, - как долгожданная ярмарка: веселая разрядка после монотонной работы на потоке.

Кому-то за столом показалось, что обнаружил недочищенный кусочек - с остатком темноватой брюшной пленки.

- Дайте-ка сюда! - метнулась рука Никитенко. И голос прозвучал резко, ревниво, запальчиво. Еще бы: сколько бился над разделочными машинами, пока довел их до ума!

Придирчивый дегустатор ошибся. Но Эдик продолжал внимательно разворачивать остальные кусочки. Нет, все в порядке: нормальная зачистка, нормальный срез. Отлегло...

Продолжаются смотрины. Горбачев берет банку без наклейки, которую принес с собой из каюты, и лукаво спрашивает сидящих:

- Что это?

В ответ озорно выкрикивает несколько человек:

- "Тайна Плевако"! Кэп улыбается.

- Вы ошиблись, многоуважаемые ясновидицы и ясновидцы. Это "Сельдь в масле" производства рыбоконсервного траулера "Анатолий Халин".

Вот так сюрприз! Немедленно открыть и сравнить с нашей "Сельдью"!

Так и сделано. Баночка поплыла по столу. На свежих тарелках - по два кусочка: поливановский и халинский.

Первый голос:

- Со-ло-но-ва-та... Второй:

- По крайней мере, у нас не хуже. Третий:

- Н-нет, чего-то не хватает...

Горбачев, распираемый гордостью, делает грозную мину:

- Товарищи, товарищи! Полагаю, надо быть объективными...

Томительная пауза.

- ...надо быть объективными: наша лучше! Лавина срывается. Солидные члены солидного совета наперебой начинают доказывать друг другу, что они беспристрастны и что то же подтвердит берег.

Сияющая заведующая лабораторией сделала заключение: "Будем представлять на Знак качества!"

Когда спускаешься в завод, непременно заметишь два большущих агрегата, похожих на туннели, - бланширователи. В них поступает рыба перед заливкой масла. Бланшировка - в данном случае операция узловая. Рыба, уложенная в банки,

высушивается в туннеле, избавляется от лишней влаги (как поясняет "дед", "становится сухопарой"), а значит, лучше будет впитывать масло. Выбрать ненужную воду, но не пересушить, "подрумянить" шкурку, но не дать пригореть - бланшировка требует высокого умения машиниста и... безукоризненной работы машины.

А она, увы, временами капризничала...

Я гляжу на сидящего напротив молодежого, никогда не унывающего весельчака и заводилу Никитенко и думаю: у механиков завода больше забот, чем у старшего врача, здоровье моряков и морячек куда надежнее, чем у некоторых станков и транспортеров. Может, все дело в силе воли - без нее трудновато неодушевленным нашим помощникам. Да потом есть еще одно преимущество у людей: они умеют смеяться!

Как-то во время шторма заглянул в лабораторию, что упряталась в конце завода, а там - Варфоломеевская ночь: половина колб, трубок, пробирок превратилась в сверкающие и звенящие осколки. Остальная половина продолжала трястись, как в падучей. Инженер-химик стояла посреди этой чудовищной свистопляски и разводила руками:

- Тут или реветь или смеяться. И твердо решила:

- Смеяться!

Все убрала. Все заново укрепила. А к концу дежурства лаборатория готова была к проведению новых анализов.

Графики контрольных проб, отработанные схемы анализов, апробированные формулы. Кажется, что может случиться непредвиденного?

А вот в минувшем рейсе обнаружилось: целая партия консервов переварена. Режим стерилизации определен высокими инстанциями. Но негаданно попалась рыба с необычно мягким мясом. Сварили по официальной формуле - сортность заметно снизилась. Тогда на свой страх и риск изменили режим стерилизации - заработали выговоры за самочинство. А потом комиссия из Москвы неделю занималась расчетами да выкладками и внесла в инструкцию коррективы...

Члены дегустационного совета испили уже не по одной чашке чая, поставили почти все оценки. Солнце то впрыгивало в кают-компанию, то исчезало надолго. Пришлось задраить лобовые иллюминаторы: все громче посвист на баке, все резче скрипят принайтовленные стрелы. Вскрытые банки, несмотря на снежную холщовую скатерть, без спросу разгуливают по столу.

Нет, урагану не удастся нагнать нас: час назад "Мария Поливанова" снялась на юг, в иной район промысла, в иные широты бескрайней Атлантики

Часть вторая

СЕНСАЦИЯ

XI шел к югу на одесском траулере "Лиман". Пароход держал курс на Канарские острова, на экзотический город Лас-Пальма с его шумной разноплеменной гаванью, с пальмами, сторожащими вечную ласковость пляжа, со знаменитым "Каса де Колон" - Домом Колумба, где великий мореплаватель трижды останавливался перед броском через океан. Но мысли мои то и дело проскакивали мимо этой атлантической жемчужины: на Канарах я надеялся без промедления пересесть на ближайший корабль, идущий в район промысла "Золотого колоса". Боялся не застать Негруцу в океане - по сводкам получалось, что рейс траулера подходит к концу.

Единственным свободным местом на судне оказалась койка в лазарете, и меня поместили туда - благо больных среди одесситов давно не было.

Я возлежал на широченной госпитальной кровати и вспоминал свои последние месяцы: "Марию Поливанову", "Анатолия Халина", куда переходил на несколько дней, встречи на транспортных рефрижераторах, перебирал в памяти радиogramмы и материалы, что отсылал в газету, и вновь и вновь возвращался мыслями к "Золотому колосу". Все, с кем только не заводил разговор об этом судне, вдруг начинали отчаянно славословить: "Таких экипажей поискать!", "Там работать каждый за удачу почитает!", "Колос - это колосс!". Черт-те что! Говорят с таким единодушным восторгом и упоением, словно речь идет о Райкине или Пеле!

Когда-то на берегу - я тогда еще и не помышлял писать о "Золотом колосе" - возле отдела кадров (традиционного места сбора всех "бичей" - резервников, давненько "загорающих" на суше) - произошел у меня разговор с одним прожженным рыбачком-летуном, который до зарезу хотел попасть на "Колос".

- А все потому, что невезуха. Невезуха - хоть тресни! Бывает же, людям фартит с первого рейса, а я двенадцатый год в нашей конторе - и все в прогаре. На последнем, "Атлантике", решил уж, ладно, зацеплюсь. Два рейса подряд сходил - шиш с маслом, а не заработок. Смылся. А они без меня так отмолотили в третьем, что на пай вышло рубчиков о-го-го!..

- Там что - капитана сменили?

- Да не-е, тот же пошел. И в тот же район. Но рыба валила! Черт ее знает почему, но валила. Филе много сработали, шкерки... Может, надо было рискнуть еще раз? Знать бы, где найдешь миллион! Не-е, это все ненадежно. Я так прикидываю: ну, заработали они сейчас, а в следующий раз опять свой гарантированный шиш получают. Так я его и на берегу выколочу. Хватит! Теперь курс на стопроцентное попадание: на "Золотой колос" прорываюсь.

- Непонятно...

- Чего непонятно?

- Никто не гарантирован от неудач. Хоть семь пядей во лбу капитан, технолог, тралмастер. Рыба!

- Не-е, ты не здешний! Негруца там, понимаешь, Негруца?! Вот прикинь: работал я на "Атлантике", бортами терлись, в корму к "Колосу" пристраивались. У Негруцы два пая матросы загребли, а мы еле один потянули... Не-е!.. На другом вот было: хорошо шли, но - отказала рыба. Негруца на свои каньоны убежал - на скалки. Мы сгоряча тоже поперлись за ним. Но - один трал порвали, другой, третий и - сматывать удочки. А "Колос" на чертовых каньонах полтора месячных плана сделал.

- Слышал я про эти каньоны. И то слышал, что не один Негруца на них работает... Ты не обижайся, но, похоже, "бичи" - времени у вас в бесплатном резерве хоть отбавляй - сказочку выдумываете, сами себе душу травите.

- Черт его знает, оно, может, и так... Но, веришь не. веришь, есть морской закон: пароходу со стапеля прописана везуха или невезуха.

- Ну, друг, мистика.

- Ты погоди, эт именно так: хоть всю команду сменяй, хоть название на борту перемалуй!

- Сам себя высекаешь: выходит, Негруца тут ни при чем!

- Как тебе сказать... С одного боку - как бы ни при чем. С другого... На хорошего коня и всадник хороший найдется!

Не-е, я Негруцу в деле лично не видел, но все говорят - рыба он зверский. Оно, конечно, вкальвают у него матросы тоже будь здоров! А еще ходят слухи, что он с собой всех приближенных с корабля на корабль таскает: куда он - туда они. Теперь прикинь: разве пролезешь, когда там все свои!

- И что, капитан сам всех матросов отбирает, с каждым отдельно беседует? Зачем тогда отдел кадров?

- Та! У него свой отдел кадров - Помполит. Лысый такой - Смирнягин. Не знаешь? Улыбается, беседовать любит.

"Бичи" усекли: к нему на улице надо пришвартовываться, на скамеечке - там тебе и отдел кадров. В тетрадку запишет - считай, что в судовую роль.

- Всего-то так просто? Так чего же?

- Записал. Ну, а пошел к инспектору, в кадры, направление брать официальное - тот: "Ничего не знаю, еще не решено". Прикидываешь, как оттерли?

- Надо было напролом - к капитану!

- Пробовал и к Негруце. Он сказал: что ж ты, дружок, поздно - забито. Отфутболил к Смирнягину. Так что пока не прорезало. Но мы еще ухватимся за рею зубами!

...Я пересел на "Лиман", зная, что он окажется в Лас-Пальмасе быстрее "Марии Поливановой". Капитан одесского траулера в самом деле спешил: надеялся подправить производственные дела на южном промысле. Меня о эта гонка вот так устраивала - она приближала встречу с "Золотым колосом"! И вдруг...

Просыпаюсь ночью - стоим. Точнее, не стоим, а медленно ползем... похоже, с тралом. Спросонья ничего не понимаю: что за наваждение, при чем тут промысел - мы ж еще Канары не прошли! Оказалось, приборы неожиданно нащупали косяк рыбы на одной из банок -отмелей посреди океана.

Была удивительная и странная рыбалка: днем отлеживались в дрейфе, а ночью тралили короткими, как в жаркой атаке, бросками!

Я почти не уходил из рубки, наслаждаясь буйным зрелищем рыбацкой удачи. Смотрел, как ловко управляется с уловом палубная команда, как потом быстро отдает за борт опустевшие сети.

Но ночная рыбалка продолжалась недолго. Капитан принял решение сдвигаться на юг. Старший тралмастер заворчал:

- И чего мы туда, извините на выражении, премся! Прогорим мы в этом районе - время неудачное. Слышали, даже "Золотой колос" не вытягивает финансовый план!

И в этот уголок Атлантики дошла сенсационная новость: Негруца "горит"!

...В конце августа наши пути наконец скрестились. В радиорубке "Таганрога", который прихватил меня из Лас-Пальмаса на южный промысел, быстро настроились на волну далекого совета капитанов. И вот в приемнике - голос Негруцы:

- Квадраты прежние. Первое траление - ноль, потом две тонны, потом опять "колесо". Порыв. Перехожу на новый трал.

Капитан "Таганрога" перестал записывать в тетрадке, расстроено опустил ручку. Грустно, будто ему самому не ловилось, проговорил:

- Не везет в этом рейсе Николаю Моисеевичу... Всегда до последнего не хочется верить, что и легенда уязвима. И так стараешься найти какое-то благородное, не обидно оправдывающее объяснение:

- Негруца сейчас, как шахматист, в цейтнот попал. Вылов-то у него все равно лучше всех, а вот по ценности... Партия выигрышная, но - цейтнот! Нет времени поохотиться за дорогой рыбой - рейс заканчивается. Он бы и хотел сейчас сбегать севернее - проверить любимые свои карасевые местечки на каньонах, но уже и одним днем не может рисковать, даже часом...

Через сутки в приемнике раздалось то же, что вчера:

- "Золотой колос". Четыре попытки. Успеха не имели. Идем с тралом.

И, не меняя интонации, обращение к начальнику промысла:

- Прошу, как только уберется непогода, дать указание вспомогательному судну снять для меня тару с "Пятигорска", а заодно забрать пассажира на "Таганроге".

Щелчок. У микрофона следующий капитан.

Только через минуту соображаю, что "забрать пассажира" - это обо мне. Вчера вечером договорился с Николаем Моисеевичем о переходе. Суда теперь были совсем близко.

..."Вспомогательным" оказался маленький, дико окрашенный кораблик с грозной надписью во весь борт - "Флотинспекция". Надстройки и корпус юркого суденышка горели на синей воде ярким красно-оранжевым пламенем. Этакий светофор в океане.

А кораблик действительно играет на промысле роль своеобразного светофора. Как известно, ГАИ появилась, когда автолюбителям стало тесно на городских перекрестках. На иных перекрестках океана собирается нынче столько судов, что понадобилось создать специальную инспекцию со своими патрульными машинами - кораблями, окрашенными в ярко-оранжевый цвет.

Невпроворот забот у океанского патруля: контроль за выполнением правил безопасности мореплавания, за техническим состоянием судов, за тем, чтобы не хулиганили в радиозфере, а флагами сигнализации не пользовались вместо елочных украшений.

Среди этих забот - и оказание такой вот услуги добытчику, по горло занятому промыслом: перевезти тару, а заодно "забрать пассажира".

Старпом патрульного судна все приговаривал загадочно:

- Посмотрите, посмотрите этот "золотой кораблик" - там у них есть, что посмотреть. Мы недавно высаживались к ним с инспекцией...

- и...

- Все в ажуре. Порядок полный. Ни к чему не придерешься: документация, вахтенные журналы, вся штурманская бухгалтерия - все в ажуре. Даже удивительно: пацанва ведь в рубке командует, вчерашние школьники! Один Негруца постарше, да и тому с гулькин нос: что такое тридцать шесть для капитана этакого кораблица - мальчишеский возраст! Старпому было за пятьдесят.

- Говорят, что рискованный парень. Не заметил. А вот, что все больше головой берет, - это да... Я кое-что подглядел у него такое, чего на других судах не встречал. К примеру, термометр на трале...

- Термометр - на трале?!

- То-то и оно, что на трале! Как будто просто: всем известно, что от температуры воды в глубине зависит перемещение косяков. Никакого открытия тут нет - это в любом учебнике. Но кто за температурой толком следит? Никто. А на "Колосе" следят, и постоянно: в воду уходит термометр и плывет, прикрепленный к тралу. Короче, я так скажу: Негруца берет на вооружение все, что помогает ему думать.

- Ловить?

- Нет, именно - думать. Это в нашу бытность, во времена деда Калайды капитаны ловили: рыбы навалом было. А сейчас они думают, а ловит техника.

Седой старпом помолчал и вдруг со вздохом закончил:

- Жаль, не сложилась у него на этот раз рыбалка. Впервые такое на моей памяти...

В беспросветной ночи ошалело бросались вверх и проваливались в бездну огни кораблей, застигнутых штормом. Я слушал красивый бархатный голос старпома и думал:

"Вот ведь ни разу не встретился мне человек, который - пусть со скрытым, но злорадством - говорил бы об этой сенсации флота: "Золотой колос" в прогаре!"

И еще одна назойливая мысль, покружившись, вновь и вновь возвращалась:

"Как ни грустно, но на печальные времена пришлось мое знакомство с Негруцей и его экипажем. Люди, которые никогда не болели, от пустячной ангины могут оказаться при смерти. Ёак они там, на "Колосе": тоже, наверно, оглушены нежданной неудачей?... Главное в моем положении - даже намеком не выказать обидного сочувствия, соболезнования, что ли... Это, пожалуй, их больше всего может задеть..."

РЫБКА ПЛАВАЕТ В ВОДЕ...

- Добрый день, Михайлыч! С прибытием!

Широченная ладонь помполита Смирнягина протянута мне навстречу. А я еще болтаюсь посреди узенького трапа между кораблями, как на подкидной доске в цирке.

- Ты извини, в самый разгар попал... Ребята покажут тебе каюту, а я побегу. Располагайся и приходи.

Что ж, понимаю. Время сейчас у "комиссара" действительно трудное. Может быть, даже критическое.

По привычке взглянул на слип: трал за бортом. Корма пустует - значит, все в цехе, на обработке.

Знакомый матрос проводил меня в каюту к "деду" - там предстояло жить. Поставил чемодан, сбросил куртку, умылся. И направился вверх - представиться капитану.

Что такое?! Взрыв голосов, как на стадионе, грохот аплодисментов за переборкой. Быстро поднимаюсь по трапу, выскакиваю на ботдек и - застываю, разинув рот: по одну сторону шлюпочной палубы в окружении орущей толпы подпрыгивает на радостях белообрый парень с винтовкой в руке; по другую сторону, внизу, возле трубы виднеется круглая мишень - та самая, которую стрелок только что поразил в сладкое яблочко!

Смирнягин наводит порядок:

- Тихо, тихо, болельщики! - выдает счастливицу очередной заряд. - Давай, Витя, не урони марки!

Зрители затихают. Мелкокалиберка, задержав дыхание, подкрадывается к чемпионским лаврам.

"Комиссар" оборачивается и шепотом-скороговоркой сообщает мне:

- Спартакиаду сегодня заканчиваем. Финал! Вот тебе и "траур"!

Белобрысого явно подвели восторги поклонников: умудрился даже в круг не попасть! Гурьба моряков помчалась к мишени, убедилась в трагическом провале недавнего кумира и вновь отхлынула на "огневой рубеж".

Тарасович развернул таблицу, вписал в нее последний результат.

- Следующим стреляет...

И в это мгновение по трансляции раздалось негромкое:

- Приготовиться к подъему трала! Помполит развел руками:

- Так, хлопцы, по местам. Закончим после обеда. Заурчала лебедка, стронулись с места ваера и нехотя поползли на барабаны. Появились внизу тральцы. Все, как один, в ликих сапогах, подпоясанные широкими ремнями, чуть спереди - нож-клинок в самодельном чехле, на головах - розовые защитные каски. Ковбой Атлантики!

Пока гудели моторы, выгаскивая из океана сеть, по радио послышался голос Смирнягина:

- Вниманию болельщиков! Предварительные итоги стрелкового турнира. В личном зачете на первом месте среди женщин - Михалёва...

(Замечу, кстати, что на "Колосе" всего три женщины: врач, повариха, да вот эта Артемида-охотница, то бишь буфетчица Фаина Андреевна Михалева, которая - будем точны - представляет на спартакиаде слабый пол... в единственном числе.)

Трал выполз на палубу под громогласное "ура" всего наличного состава болельщиков.

Трал был пуст.

В рубке - переполох. Школьная переменка. Если к ее грохоту добавить еще ошалелый собачий лай. В тесном пространстве между компасом, рулем и рыбоискателем носятся лохматый пес Боб, цыганистого типа матрос-рулевой, гидроакустик, старший тралмастер и капитан. Кто кого ловит, непонятно. Похоже, дело обстоит так: стоящий на карачках Негруца науськивает веселого барбоса зацапать у рулевого швабру, а матрос не поддается. Когда Бобка в очередном круге пронесится мимо кэпа, тот успевает потрясти пса за холку - разозлить! - и напутственно выпалить "Куси его!"

Рубка качается от хохота, визга и криков. У кормового обзора - там, где управление траловой лебедкой, - гогочут зрители: помполит и степенный "дед" Курчиков. Нет, они не просто гогочут - они подзадоривают четвероногого разбойника, улюлюкают, размахивают руками.

Наконец швабра оказывается в зубах у Бобки. Рыча и подвывая от счастья, пес дергает серые капроновые космы метелки, мотает головой, извивается, отчего белая в палевых разводах шерсть ходит ходуном, как волны в непогоду.

Капитан с довольной физиономией поднимается на ноги и подсаживается к поисковому агрегату - солидной стальной полуконторке-полутумбе, перегородившей рубку. Негруца в спортивных шароварах, клетчатой безрукавке. Он плюхается на стул, обхватывает длинными худыми руками поджатые колени и так застывает, глядя в освещенный экран рыболокатора.

Судно идет с тралом курсом на север. Дно в этих местах ровное - бояться, что сети ненароком зацепятся, нечего. Да к тому же, судя по показаниям прибора, орудие лова как бы парит над грунтом метрах в десяти: по бумажной ленте эхолота ползут две горизонтальные прямые - эхо от грунта, а чуть повыше - путь трала. Увы, как ни печально, над двумя полосками - только сизое пустынное поле. В широко распахнутые сети не заглядывают рыбы стайки - не любопытствуют - хоть тресни!

Все обступили агрегат. Молчат. Под ногами у кэпа раздаются громкие сладостные собачьи рулады.

Бобка устал, Бобка отдыхает. Сейчас уже никто, включая капитана, не смеет нарушить псиный покой. Удивительное дело: несмотря на грозные инструкции санитарной службы, почти на каждом корабле водится живность: собаки, кошки, обезьяны, нередко - попугаи.

Что это за обостренная тяга ко всему живому у моряков, рыбаков, подолгу оторванных от земли? Потребность излить нерастрчиваемую нежность? Или подспудное утоление тоски по берегу, по великой Природе, частицей которой физически осознаешь себя в огромном океане? Парадокс, но люди, через руки которых проходят сотни и сотни тонн добычи, которым, казалось, должны приесться и опостылет все эти нептуновы чада, больше того, люди, которые только тем и занимаются, что превращают живые, трепещущие тельца в замороженные тушки, именуемые "рыбопродукцией", эти же люди заводят на судне аквариумы и, как дети, ласково и упоенно лелеют, выращивают малюсеньких полосатых скалярий да оранжевых петушков. На "Марии Поливановой", например, во многих каютах обосновались стеклянные кубы с пресной водой, эффектно подсвеченные, с джунглями водорослей, среди которых плавают фантастической расцветки и формы декоративные рыбки.

...Траление длится второй час. Вахта молоденького штурмана Володи Бондаренко. Он 'стоит возле капитана, вращает рукоятку эхолота-может, где-нибудь рядом, слева-справа проходит косяк. Тщетно.

Агрегат, который уже не агрегат, а живое существо - на него сердятся и обижаются, с ним советуются и спорят, от него ждут добра и помощи, - агрегат этот имеет, разумеется, официальное название, так сказать, имя по паспорту. Но каждый причастный к океанской рыбалке величает стальную конторку в центре мостика уважительно и просто - Прибор.

В нем соединено несколько аппаратов: горизонтального и вертикального поиска - их вибраторы, испускающие эховолны, выглядывают под днищем судна; далеко за кормой на верхней подборе трала привязан еще один вибратор - тот, что посылает сигналы на сизую ленту о рыбьей стайке, когда ей придет блажь заинтересоваться внутренним устройством сетей.

Штурман подле окошка поискового агрегата - словно врач-рентгенолог у своего всевидящего экрана.

Посидев минут пять в скрюченной позе. Негруца вскочил, отошел к кормовому обзору, посмотрел сквозь широченное, во всю рубку, наклонное стекло, что там делают тральцы. Потом, как о чем-то постороннем, сказал:

- Пусто. Полоскание сетей.

Произнес как-то легко. Неужели ни капли не нервничает?

Из другого конца рубки послышался голос помполита:

- Моисеич, наш доктор утверждает, что полоскания, - старший тралмастер успел вставить - "горла", - очень эффективны.

Неуклюжая попытка подбодрить капитана. (Значит, все-таки нуждается в этом!)

Николай внешне совершенно спокоен. Но - не отшутился. Пожалуй, только это его и выдало. Какой там не переживает! Продолжает небрежно-равнодушным тоном пояснять мне:

- Ситуация нормальная. Иного и нельзя было ожидать. Нет рыбы для тралового лова. Кошельками берут по потребности, а нам поверхностные косяки не по зубам.

- А как... зачем вся эта армада траулеров... почему?

- А потому, что и в прошлом, и в позапрошлом году обстановка в районе была отличной именно в эти месяцы. Кто мог предположить иное! Что случилось - ума не приложу. Все прогнозы, все предсказания института, перспективной разведки - все провалилось. Да что институты - я сам в прошлом году здесь греб...

Подходит помполит. Изрекает двестише из богатого рыбацкого фольклора:

Рыбка плавает в воде, Только вот вопросик: где?!

Глаза Смирнягина искрятся паюсной икрой. Он безошибочно определил, о чем речь, и когда я недоуменно пожал плечами - "Почему же кошельковисты?.." - "комиссар" воскликнул, словно "подсек" оппонента по дискуссии:

- Вот именно! Если б вообще оказалась сырьевая база подорванной в этом районе, то никто б не ловил - и кошельковисты в том числе. Значит, есть рыба! Но вдруг стала по-иному себя вести. Стговор там у них какой-то в нептуновом царстве!

Продолжил объяснение Негруца, говорил, озабоченно хмурясь, больше рассуждая с самим собою, нежели втолковывая мне суть обстоятельств:

- По времени давно пора образовываться плотным концентрациям - нет, идет мелочь, косяки разрежены и... у самой поверхности - работать можно только кошельковым неводом. Понимаешь, ловится, конечно, и тралом, но мне ведь сколько нужно брать в сутки... нет, для нас это не рыбалка!

И вдруг легкомысленный взмах руки:

- А! Что будет, то будет! Я не волнуюсь - загораю. Что-то должно поменяться.

(Ничего себе - "загораю"! Помполит утром шепнул: "Николай третьи сутки не вылезит из рубки. Может, уговоришь его поспать?")

- Поменяться-то, может, и поменяется, но время подойдет к концу...

И тут я вспоминаю, что рейс "Золотого колоса" продлен на месяц! Экипаж решил остаться на промысле. Событие необычное, надо будет подробнее расспросить о нем Смирнягина.

Капитан снова подсел к прибору. Володя Бондаренко вызывает по радиотелефону соседние корабли.

- "Соколиное", ответьте "Колосу"... "Алсу" - "Золотому колосу"...

Надо уточнить местоположение коллег, выяснить, что, как, где и когда ловится. У одного - тонна, у другого - две. Издалека отозвался "Комсомолец Севастополя": взял тонн пять - ставрида с примесью хека, но недостаточно крупного, можно только морозить - на разделку не годится.

- А у вас какие пироги?

Это влез в разговор вахтенный с "Союза-3".

- После утреннего совета - один подъем. Идем с тралом. Заходов нет.

- Когда будешь выбирать?

- Еще немного пополоскаем и - вира. "Пополоскаем" - это явно подхвачено у кэпа. Но ишь каким самостоятельным тоном говорится! Без оглядки на Негруца, который сидит рядом. Секретарь комсомольского бюро "Золотого колоса" Володя Бондаренко - самый молоденький на судне, ему едва стукнуло двадцать два.

...В рубке раздается телефонный звонок. Рулевой подскакивает к аппарату.

- Николай Моисеевич, вас. Буфетчица.

Кэп закапризничал, как ребенок.

- Андреевна, отстань, не до тебя.

И положил трубку. Подошел к прибору, где уже сидел "третий". Мягко нажал на плечи: "Не вскакивай, я постою".

На ленте рыболокатора появились слабые вертикальные риски. Дохленький косячок. А может, самописец просто рисует какие-нибудь помехи. Володя пытается перепроверить показания, прошупывая толщу воды угловым "певучим" лучом.

- Попробую подсесть, - говорит "третий" и оборачивается к нэпу.

- Давай, давай, пробуй, '- ласково, словно наслаждаясь решимостью своего подопечного, отвечает Негруца.

- Только... давай поразмыслим, - он склоняется над оконцем рыбоискателя, - что-то не похоже на косяк. Вот смотри...

Моисеевич негромко и как-то по-особому нежно поясняет (а выглядит это внешне, что советуется) "рыжику", почему он засомневался.

Звонок. Рулевой, еще не подняв трубку, говорит капитану:

Фаина.

Не ошибся. Снова буфетчица. Негруца подходит к телефону:

- Ну что ты так уговариваешь, Андреевна? Что там у тебя: цыплята табака или, может, окрошка по-индонезийски?..

Ладно-ладно, приду... Хорошо, приведу и его.

Моисеич подзывает Бондаренко.

- Выбирать будешь минут через десять. Мише передай по вахте, пусть пройдет чуть мористее - вот здесь.

Затем приглашает меня обедать:

- Пойдем, Михайлыч, Фаина не отвяжется.

КОЛЯ ТРЕТЬЯК И ДРУГИЕ

В каюте номер восемьдесят восемь живут два ветерана: оба на судне со дня постройки, только одному скоро стукнет полвека, другому - ровно в два раза меньше. Оба - Николаи, работают в одной вахте. Сейчас отдыха SOT: Николай Васильевич Леднев богатырски храпит в такт главному двигателю, Коля Третьяк мастерит макет траулера.

Я сижу рядом на диванчике и стараюсь разговаривать шепотом, чтоб не потревожить спящего. Но молодой ветеран то и дело убеждает меня:

- Вы не стесняйтесь, - говорите нормально: батя просыпается только от тишины, а так - хоть на дыбы пароход встань, будет храпеть!

У Коли в этом рейсе "личный творческий план": сотворить из кусочков фанеры, пластмассы и меди макет родного траулера "Золотой колос". Есть задумка: преподнести в подарок ко дню рождения своему отцу, старому рыбаку, который плавал еще на "Жуковском" - первенце океанического флота черноморцев.

На столе и на койке у Третьяка - скальпели, пилочки, кусочки орехового шпона, мотки проволоки, пузырьки с клеем - словом, плавучая макетная мастерская. Одного только не видно - чертежа модели. Но зачем он Николаю, когда не отыскать на палубе детали, узла или агрегата, которые своими руками не пощупал, не драил, не суричил, не красил!

Николай берет брусочки портала и начинает аккуратно прилаживать их. Неторопливо рассказывает:

- У нас на "Колосе" - блочная схема переделана. Вот этот ролик, - он показывает крохотное пластмассовое колесико, - обычно закреплен сбоку, а мы...

И, размеренно продолжая работать поясняет мне суть изменений на траловой палубе. Его лицо сосредоточенно, отчего кажется еще более продолговатым.

- Кто придумал? Ну, как кто... Оно, конечно, Лопай-ко - на то он и старший. А вообще-то все ребята участвовали. Например, корешок мой - Саня Кондратьев. Он в траловой - что Олег Блохин в киевском "Динамо": главный забойщик! Место его по правому борту - вот здесь...

Коля берет кисточку и нежным движением смахивает опилки с пятка над слипом, где, обжигаемый ветром, обливаемый колючей волной, поджариваемый солнцем, днем и ночью, утром и вечером стоит по промысловому расписанию друг его - Саша Кондратьев. Они, между прочим, очень похожи: оба сухопарые, основательные в беседе и неугомонные в деле. Может, только Саня чуть более взрывной, чем Третьяк.

Третьяк - старший матрос рыбацеха. Увы, его рабочее место не будет видно на макете: оно в глубине судна. Но зато уж каюта - вот она, вот этот иллюминатор, за ним мы сейчас беседуем.

- Ну и силен храпеть мой сосед! Утверждает, что истинный рыбак просто обязан издавать подобные вулканические звуки. А я ему другое доказываю: как раз рыбак-то и не должен - всю рыбу в океане распугает! Тогда Николай Васильевич бросает последний козырь: "Батя мой не пугал, дед -- не пугал, прадед - не пугал!" Тут уж я пас. Родословная у Леднева, ничего не скажешь, в порядке. Начнет выдавать - заслушаешься!

Колин сосед родом из Балаклавы, потомственный рыбак. "Листригоны" Куприна - это и про ледневскую родню. Отец Николая Васильевича знаком был с писателем и дружен. После революции Леднев-старший рыбколхоз организовывал - "Путь социализма". Восемьдесят лет прожил. Три сына было, все трое рыбачили. Первенец погиб в Отечественную войну, средний умер год назад, один Николай Васильевич, меньшей, остался.

В пятнадцать лет стал самостоятельно ловить. В сорок четвертом, как только выбили немца из Крыма, принялись чинить единственный на всю Балаклаву незатопленный баркас. Просмолили, поставили паруса. Все начинали сначала. Даже не верится, что матрос-аппаратчик, управляющий сложным морозильным агрегатом, Николай Васильевич Леднев когда-то лежал на носу деревянной посуды и бросал в воду камни - загонял черноморскую ставриду в сети! А потом, когда плоскодонка моторная у них появилась, - это же праздник был на всю рыбацкую коммуны!

- Сосед мой, между прочим, с кэпом и "комиссаром" еще на "Керчи" плавал - лет десять назад. На "Колосе" опять встретились. Но батя никаких поблажек по старой дружбе напрочь не принял - сам напросился в трюмные. Три рейса на морозце двухпудовые паки тягал. Здоровый черт, наш "потомок листригонов"! В порядке.

Я смотрю на собеседника, на то, как бережно подчищает он обводы иллюминаторов, и начинаю понимать, что каждый миллиметр макета для него не просто уменьшенный многократно оригинал, а живые каюты, отсеки, цеха, в которых пульсируют радости и печали, где спят и бодрствуют его друзья - матросы, мотористы, штурманы, механики, повара, связисты.

Вот крайний иллюминатор надстройки - каюта второго и третьего штурманов - Миши Лапицкого и Володи Бондаренко. Совсем молодых хлопцев: Михаилу двадцать три, соседу и того меньше. А что такое вахтенный штурман?

Когда юноша заступает в рубку на очередные четыре часа, он взваливает на себя ответственность не только за улов - он в ответе за жизнь всего экипажа.

Миша Лапицкий... Длинноволосый, бледнолицый, немногословный парень с большими, округло раскрытыми глазами. Трудно ему сейчас, тяжело на сердце. Сдавило все внутри после той страшной, как бездна, радиограммы.

Умер отец Лапицкого. Схоронили без сына: отсюда, из океана, не вырвешься, не примчишься самолетом взглянуть в последний раз, мать утешить... Заперся в каюте, целый день не появлялся. Кэп за него стоял вахту и приказал не соваться к парню с соболезнованиями. Эта боль - один на один.

Отец в Керчи плавал, шкипером на сейнере. Потом в Севастополь перебрались, в Камышовую бухту. Мать там же в порту работала. Ноги у Лапицкого-старшего побаливали с войны-под Ленинградом отморозил, в окопах. В прошлом году ампутировали одну, потом пришлось вторую отдать. И вот радиограмма: "Вчера скончался..." В три адреса она поступила, в три точки Атлантики: Мише на "Золотой колос", среднему брату - механику траулера "Керчь", старшему - матросу траловой команды на "Альмаке"...

Володя Бондаренко - резкая прогивоположность второму штурману. Улыбчивый, веснушчатый, общительный. На днях он собрал ребят, решив "подкачать" своих комсомольцев, "провести работу". Повестка дня - экономия и бережливость.

- Хлопцы, ни одна рыбешка не должна пропадать. Все, что затралили, - в дело. Видите, какая ситуация - ловится не густо.

И тут покраснелся девицей, так как последнее - вроде бы его, штурманский, огрех. (Кстати, вся судоводительская служба на "Колосе" - комсомольская: и старпом, и второй помощник капитана, и третий.) Но еще сильнее смутился секретарь, когда жилистый и резкий Саня Кондратьев рубанул без экивоков:

- А ты что нас агитируешь? Мы что - не бережем эти жалкие уловы?!
- Или хуже тебя ситуацию понимаем? - "подпер плечом" друга Коля Третьяк.
- Да я...да, хлопцы... просто хотел напомнить...
- Что напомнить?

Володя начисто скис. Стал говорить "по-писаному":

- Чтоб вся до единой рыба, проходящая по стандарту, шла на морозку.

Каюты, каюты, каюты... Сколько таится за каждым из этих аккуратно выточенных плексигласовых кружочков!

Третьяк не щедр на улыбку. Но сейчас, дойдя до иллюминатора в конце нижнего ряда, не смог отогнать смешинку:

- Мой подопечный здесь обитает.

И рассказал, как сделался "няней" для одного новичка. Вместо "нос" и "корма" тот говаривал поначалу: "Где тут у вас перед, а где зад?" Понятно, приводил этим в состояние трясушки весь экипаж. Как положено по неписаному морскому уставу, новичок прошел полный "салажачий курс". А именно: с биноклем в руке забирался на мачту, чтобы увидеть в океане столб с надписью "Экватор"; пилил чугунный рог запасного якоря; докладывал капитану о фазах луны; писал расписку, что, как сознательный комсомолец, не будет ухаживать ни за одной из трех женщин, суммарный возраст которых сто пятьдесят лет.

Самое главное испытание было впереди - когда грянул первый в его жизни шторм. Тут уж, конечно, все старались помочь парню, чем могли. Но от морской болезни не придумано спасения, здесь каждый сражается в одиночку. И тот, кто побеждает, становится мужчиной.

Мужчиной новичок стал. Оставалось превратиться в рыбака. Его направили на разделку. Шкерочный нож на первых порах держал так опасно, как держат кобру. Всякий раз, когда новичок неуклюже царапал (то бишь - вспарывал) рыбе брюхо, казалось, что давно опочившая в бозе хвостатая не выдержит и вскочит с разделочного стола.

Третьяк не выдержал этого зрелища - подошел к парню и отдал ему свой нож: в шкерке многое зависит от заточки и формы "орудия труда". Показал, как надо резать... Вот с тех пор новичок словно прилип к ветерану - хвостиком ходит за ним по всему пароходу, даже походку перенял. А что касается разделки, то теперь ни дать, ни взять - рыбный хирург!

Вообще-то разделка - операция увлекательная. Саня Кондратьев, дружок Третьяка, хоть по профессии тралец, а не обработчик, шкерит за минуту пятьдесят пять рыбин! То есть на одну штуку уходит чуть больше секунды. Мой собеседник с гордостью говорит об этом рекорде и неожиданно выстреливает в меня вопросом: "А кто, по-вашему, держит на судне второе место?" Я, естественно, пожимаю плечами. А Николай, тыча скальпелем в одну из верхних кают, торжественно оброняет:

- Комиссар!

И, довольный произведенным эффектом, умолкает.

Наконец "уводит" меня снова в рыбцех, где в полуночной подвахте работает помполит Смирнягин. На - Тарасовича посмотришь - обхохочешься: лицо круглое, нос картошкой, глаза искрятся, лысина завязана красной косынкой, а из-под нее пробиваются рыженькие и редкие волосики, - настоящий пират из оперетты! Помполит успевает и анекдот рассказать, и последнюю радионовость, и на любой вопрос ответить - что про спорт, что про политику или там про сердечные дела. И при этом - пятьдесят рыбин в минуту!

- Да, комиссар у нас по делу. Таких поискать на флоте!
- Справедливый, добрый?
- Добрый?! Как бы не так!

Коля оторвался от макета. Прищурил веки, убрал со лба темную челку.

- Он... чтоб понятней... он не всякому прохожему по нраву... Ну, в общем, он - комиссар.

От степенного моего собеседника, признаться, не ожидал таких крутых оценок.

И, как уже не раз бывало, с помполита разговор перебрался на капитана. Коля даже отставил инструменты, разогнулся на стуле.

- Слыхали, какое звание наш Моисеич отгрохал? Слыхал. Титул основательный: "Лучший капитан флота рыбной промышленности СССР".

И вдруг в голосе матроса зазвонила боль:

- Ему сейчас трудно, не позавидуешь. Проигрывать-то не привык...

И с обидой:

- Сам виноват: незачем было высовываться!

Я уже знаю всю эту историю. Команда была в отпуске, корабль стоял в ремонте на заводе, а тут - какое-то собрание высокое.

Выступает один капитан: "Беру повышенные обязательства"... Добавляет жару другой: "Принимаем вызов!"... Негруца сидел в президиуме, и его, считай, вытолкнули на трибуну: "Что же ты, лидер, чем ответишь?!" А чем отвечать? Весь будущий рейс десятки раз просчитан, разобран по косточкам всем экипажем. К тому, что записано в обязательствах "Колоса", как говорится, ни прибавить, ни убавить. И все-таки шлея под хвост попала! Вышел. Добавил еще одну цифирь в трехзначном солидном числе.

- И с каких таких пор Моисеич хвастуном стал! Или мы его так воспитали?

В печальных глазах матроса появились смешинки.

- А что - мысль! Не только капитан воспитывает экипаж, но и экипаж - капитана!.. Оно, конечно, в том, что случилось, и наша вина: позволили Моисеичу под святой нимб упрятаться - как под зонтик!

Обида тем более болезненная, что Негруца впервые не посоветовался с ребятами, не заручился их грубоватым и сердечным: "Добро!"

- Ну хорошо, Коля, если отбросить все это, то в прошлом рейсе вы почти столько же взяли...

- Тут напрочь другая ситуация! Время года другое, требования другие... И потом, есть же стратегия, а есть тактика. Мы ведь грозимся уложить на лопатки всех по пятилетке в целом. Но это не значит, что всю дистанцию напрочь нужно бежать впереди, высунув язык: где-то разумнее и поотстать!

Три года назад "Золотой колос" установил рекорд по вылову. За ним, само собой, потянулись. На стайерской дистанции по имени "пятилетка" все очень напоминает легкоатлетический забег. Лидеру всегда не легко: он лопатками чувствует, как его догоняют, как накапливают силы соперники, чтоб неожиданно обойти. А трибуны требуют победы и только победы - любой ценой!

- Что-то подобное случилось и с вами?

- Не совсем. Мы ведь никогда не работали на последнем издыхании, и специально никаких рекордов не ставили - получалось как-то, и все. Это на берегу "бичи" сказки сочиняют, что "Колос" всегда на рыбе сидит. Чуть все это. Оно, конечно, Моисеич читает океан, как пианист ноты. Но все это потом достается... А что правда, то правда: пока ни одного рейса не провалили!

С кормы послышался нарастающий гул траловой лебедки. Началась выборка сетей.

Третьяк взглянул на часы. Пора. Убрал все со стола. Подошел к Ледневу.

- Батя, вставай, пошли переодеваться.

НАД КЕМ ХОХОЧУТ АКУЛЫ

Слева в кают-компании во главе стола механической службы восседает "дед" Курчиков, сосредоточенно жует в гордом одиночестве. Мой гостеприимный хозяин. Как я ни отнекивался, он поместил меня в спальне, а сам перебрался в кабинет, на диван. Я, говорит, по-стариковски - по ночам не сплю, хожу к дизелям на свидание; так, чтоб вас не будить...

Справа, где места судоводителей, ковыряется в макаронах по-флотски второй штурман Миша Лапицкий. Буфетчица сидит рядом и наставляет его, как маленького (впрочем, для Фаины Андреевны, у которой дочь - невеста, он и есть ребенок!).

- Ну что это за еда? Мишенька, так ведь с голоду ножки протянете! (Эта "песенка" длится не первый рейс, и все привыкли к ней. Но в дни после страшной радиограммы о смерти отца только Андреевна со своей материнской мягкостью и могла заставить парня хоть изредка что-нибудь проглатывать.)

У Лапицкого выразительные карие глаза. Миша отрастил длинные прямые волосы - ни дать ни взять Алеша Карамазов. (Тут откровенное подражание кэпу: Не-груца за день до нашей встречи укоротил смоляные испанские кудри. Все сочувствуют мне: "Такое сногшибательное зрелище не застал!")

Моисеич перебрасывается со стармехом отдельными фразами: "Сделали калорифер?", "А что с цистерной?". Потом - в мою сторону:

- Ну как тебе с "дедушкой" живется? Чай на ночь гоняете?

'- А как же!

- Обязательная процедура! - добавляет мой гостеприимный хозяин.

Забот у него под конец рейса не счесть. И главная - это подготовить судно к ремонту.

Оздоровление кораблей - проблема проблем рыболовного флота. Потери времени тут огромны. И вот несколько лет назад был предложен эксперимент: не возвращать судно из Атлантики домой, а заходить в ближайший иностранный порт.

Основной экипаж улетает на Родину самолетом для короткого отдыха, а прибывшая на корабль подменная ремонтная команда делает "косметику" - профилактику механизмов.

Первым траулером, перешедшим на новую систему технического обслуживания, стал "Золотой колос". И не просто оправдал надежды - он проработал без заводского ремонта не два года, как думалось, а три. Теперь на новый цикл эксплуатации переведен весь флот севастопольцев.

Но для того, чтобы все оборудование такого сложного организма, как современный рыболовно-морозильный траулер, работало без традиционной, запланированной кораблестроителями постановки к заводскому причалу, - ох как должна была выложиться машинная команда во главе с "дедом" Курчиковым!

Постоянно крепкое здоровье, как известно, легко не дается. Это повседневный, неприметный труд людей, для которых дизель - не просто двигатель внутреннего сгорания, а живая личность со своим характером, причудами и достоинствами; воздушный компрессор - не тарыхтящая стальная коробка, а любимый капризный ребенок; морозильный агрегат - "послушная умница", а паровой котел - "наш талантливый самоучка".

Курчиков начинал плавать четверть века назад, на деревянных сейнеришках. Во времена первого океанского рейса большого траулера-морозильщика "Жуковский" ходил в мотористах. Окончил потом курсы механиков и уже в солидном возрасте заочно - среднюю мореходку. Немало подопечных Михаила Григорьевича давно вышли в стармехи.

Как-то во время обязательного вечернего чаепития ударился "дед" в воспоминания. А их на роман бы хватило! Когда на транспорте пришли первый раз в океан забирать рыбу у промысловиков, никто толком не знал, как эту перегрузку проводить. Решили собрать плотик - как площадку перевалочную. Но ни профессионального сварщика, ни металла не было. Григорыч тогда рискнул, вспомнил уроки молодости: взял резак, кое-где фальш-бортики подрубил, ну и сварил понтон - получилась легендарная "коломба". ... А когда "Евпатория" впервые в Индийский пошла, чудеса начались в машине! Охлаждающая вода прямо-таки закипает в дизелях, все параметры на пределе. Сражение, а не рейс!..

И все-таки есть одно воспоминание - самое трудное, которое захочешь - не забудешь. Скрутила старого моряка болячка, в три погубила согнула. Еле-еле доставили на берег. Четыре месяца лежал в больнице. Инвалидность назначили. Полтора года с палочкой ходил. Но - выдюжил. "И если что исцелило, - говорит он теперь (без пафоса, медлительно и негромко - в обычной своей манере), - так это боль по морю. Боль на боль! А что, не метод?! Тушат же огонь огнем!"

"Дед" - человек степенный, до всего своим умом доходил, последний винтик в машине ощущал собственноручно. Хоть и диплом нынче при нем, но по складу мышления остался практиком. Семь раз отмерит. Помполита, беспокойного и темпераментного, выводит из себя стармеховская медлительность и основательность. "Да ты ж консерватор! Ну что это такое: "Погодите, надо со всех сторон обсосать" или "С рацпредложением не будем горячку пороть - может, оно от лукавого?!". Недоволен порой Смирнягин, но в душе относится к Григорычу уважительно, по-доброму. "Он честен предельно - раз, предан морю по гроб жизни - два, а уж механик - врожденное никакими дипломами не заменишь".

Тем любопытнее мне наблюдать, с какой нежностью и чистосердечием относится "дед" к ребятам с высшим образованием - своим подчиненным, теоретически подкованным куда сильнее ветерана. Но с особой трепетностью рассказывает Михаил Григорьевич о Негруце: "Моисеич - капитан с мозгами ученого и с божьим даром, как у музыканта. Он - завтрашний день, а мы сегодняшний вечер..." Правда, тут же, не успев взгрустнуть, с гордостью сообщает, что орден Трудового Красного Знамени они с Негруцей по одному Указу заработали - за третий, решающий год пятилетки!..

Фаина убрала тарелку после Лапицкого - тот отправился на мостик сменить Володю Бондаренко. Поставила чистую посуду, положила на блюде стручок красного перца: "Это наш "третий" любит". А через мгновение "рыжик" заявился в кают-компанию.

- Ну что там?

- Выбираем.

- Связался с "Лениногорском"?

- Связался. Все. Уходят с банки. Отказала там рыба. Двое суток теряют.

Затяжной вздох. (И эта надежда на бросок к северной отмели лопнула.)

- Собираются пожить у кошельков. Те просят: пожалуйста, забирайте. У них с транспортом туго - заинтересованы сдать побыстрей.

Выжидательная пауза. Негруца молчит.

- Что там - очередь?

- Очередь - не очередь, но многие кинулись к "ко-шельковистам". Сторговались!

Неожиданно подает голос Фаина:

- Дела-а-а! Вот уж над кем смеются акулы! (Позор! Добытки покупают рыбу у маленьких СРТМов, словно какие-нибудь хитрецы-рыбачки в магазине. Никакой тебе гордости!)

Капитан явно уводит в сторону от назревающего разговора. Кивает на "рыжика":

- Ну как, Михайлыч, с комсомольским богом познакомился?

- А мы давно знакомы, - Володя отрывается от тарелки, - с семьдесят первого года.

- Так ты ж тогда еще соску жевал.

- Нет, проходил мореходную практику на "Руслане".

Вспомнил! Отряд учебных судов, начало мая. И не просто курсантская практика херсонского и ростовского училищ, а поход по местам революционной, боевой и трудовой славы. Севастополь - Феодосия - Керчь - Новороссийск - Батуми. Грандиозное факельное шествие на гору Митридат в День Победы, и этот "рыжик" в числе лучших курсантов возлагает венок к обелиску Славы. (Через несколько месяцев, на берегу, я отыскал блокнот с пометкой "71 г., май, поход учебных

Кораблей". На одной из страничек увидел короткую запись: "Первым определился по звездам Бондаренко. Одна "четверка" за все годы учебы".)

- Что ж, Володя, рад видеть тебя в такой "солидной" должности!

Он зарделся.

- Повезло.

- Ну-ну, не скромничай, - капитан встал из-за стола.

- Будет рыбаком. Главное: не ленив. Да к тому же он "херсонец"!

В устах Негруцы "херсонец" звучит как сиятельный титул. Николай, выпускник херсонского мореходного училища, глубоко убежден, что его родное учебное заведение - лучшая рыбацкая академия во всей видимой части Галактики.

Странное утро. Так необычно тихо на судне, что слышны какие-то голоса с моря. С моря? Точно. Почему - с моря? Ни о какой швартовке к базе не было речи...

Поднимаюсь в рубку. И здесь тихо и пустынно. Только на крыле мостика раздается голос старпома. Прохожу туда.

Штурман, неловко улыбаясь, будто оправдываясь, показывает руками: "Вот, пристроились к СРТМу".

В полукабельтове от нас, покачиваясь на сизой волне, стоит траулер-кошельковист. Он только что стянул, словно кисет, свою огромную снасть и готовится поделиться с нами добычей.

Стало не по себе. "Золотой колос" дошел до ручки:

покупает рыбу!

В рубке появились Негруца и комиссар. Моисеич, завидев меня, ни капельки не смутился, спешит рассказать о происшествии:

- Пока Шестаков на "Ковшовой" выбирал трал, чтоб идти к "кошельковисту", мы подскочили и вот - берем!

Моисеич продолжает нести всяческую малозначащую чепуху. Бодрится капитан-директор. Мол, ничего не случилось, обычные хозяйские дела. Только, пожалуй, слишком возбужденно рассказывает он о проделке с "Ковшовой", о керченском судне, которое тоже пристроилось к нашему "донору". Слишком возбужденно.

Между двумя большими траулерами неказистый "кошельковист" кажется маленьким гадким утенком. В ржавых потеках борт, облупленная краска надстроек, прокопченный обрубок трубы. И прыгает почему-то СРТМчик вверх-вниз, словно мячик на резинке, а вроде никакого волнения в океане нет, нас совсем не качает. Бородатые матросы выуживают из своей запруды живую, сверкающую на солнце рыбу и переваливают ее в большущий мешок-сетку на противоположном борту. Мешок спускают затем в воду, и на одном ваере "добыча" подтягивается к нам.

Так вот что означает загадочная фраза в эфире: "Работаю на один ваер"! То есть "перешел в нахлебники"! (Через час Негруца, явившись в радиорубку, впервые нарушит дисциплину - не выйдет в эфир на совет капитанов, не сможет, не повернется язык сказать, что "Золотой колос" с утра работал "на один ваер".)

А пока внешне спокойно, рассудительно он делится своими соображениями:

- Последние дни спускался к каждому тралу, резал брюшки - смотрел, чем питается рыба. Совершенно не нагульная, только сейчас начинает собираться в стадо. Только сейчас. Жду со дня на день - пойдет же она наконец!.. А у них крупная, не мелочь. Все-таки по финансам не так поостанем.

Увидев, что трос между "Колосом" и СРТМом подозрительно натянулся, Николай выскочил на крыло, оттуда крикнул старпому: "Пять вправо! Подработай немного!" Не возвращаясь в рубку, спустился на кормовую палубу, поглядеть "товар".

Там, внизу, с мрачным видом возился Саша Кондратьев. Невдалеке стоял Лопайко, старший мастер добычи, по движениям губ его чувствовалось, что рассерженно выговаривает матросам.

- Опять ворчит, - слышался за спиной голос Смирнягина. - Прочистили раз мозги,

- видно, мало.

Я удивился: кому - Лопайко?!

- Да-да. Тральцы собрались всей службой и вкатили своему начальнику! За грубость! А что?! Подрыв авторитета?!

По-моему, наоборот. Он, рассказывают, багровел, пыхтел, но под конец сдался: "Ладно, парни, перебрал малость. Заметано". Можешь представить, чего это ему стоило, - он ведь упряма, как сто чертей!

- А что, собственно, произошло?

- Зарываться стал. Кричит на ребят. Понятно - нервы, понятно - усталость под конец рейса. Но надо же держать себя в руках, тем более командиру службы.

Чудеса! Не Смирнягин ли характеризовал мне старшего тралмастера: "Работяга, каких свет не видел. Высокое чувство ответственности. Сутками может не уходить с палубы. Организация труда - первоклассная. Мы его к награде представили". Вот тебе на!

Тарасович, угадав, о чем я подумал, продолжал:

- Он, конечно, труженик, специалист что надо. Да и мужик, скажу прямо, неплохой. Не все ведь рождаются ангелами и дипломатами. Но меру знать нужно! А то - нос задрал: я - Лопайко, обо мне плакаты сочиняют, мне дозволено и гаркнуть! Сейчас не та молодежь пошла - сама гаркнуть может. А промывание мозгов никому не мешает. Я ему так и сказал.

Заметив, что улыбаюсь, поспешил уточнить:

- Пропесочивали без меня. Сами. Одни тральцы. Нет, я, понятно, ребятам подсказал. А то как же...

Тарасович! Многих помполитов мне довелось повидать. Иногда о ком-нибудь думалось: зачем он здесь на

судне - протоколы и отчеты составлять? Но встречаешься с человеком, подобным Смирнягину, и горькая та мысль кажется по меньшей мере кощунственной. Представить жизнь "Золотого колоса" без Виктора Тарасовича Смирнягина невозможно. Они с капитаном - двигатель и гребной винт: нет того или другого - корабль бессилён.

Впервые судьба свела их много лет назад на траулере "Керчь". Николай пришел на судно молоденьким юнцом - третьим штурманом, Смирнягин работал на корабле первым помощником капитана - помполитом.

Карьера Негруцы была столь стремительной, что даже бывалые моряки ахнули: рейс - "третьим", рейс - "вторым", полрейса - старшим помощником капитана.

А потом...

Шел третий месяц плавания, и был день его рождения. Вызвал к себе в каюту капитан. Николай решил, что тот хочет поздравить с торжеством. В каюте, кроме хозяина, находился еще заместитель начальника управления Василий Родионович Требушный. Вот он-то и говорит, обращаясь к Негруце: "Ситуация такая. Капитан ваш болен, через полчаса отправляем базой на Родину.

Замену мы, конечно, можем срочно вызвать с берега.

Но и я, и командир ваш считаем это нецелесообразным.

Подписывайте согласие вступить в должность капитана".

В тот день ему исполнилось двадцать семь. В тот день Виктор Тарасович Смирнягин из Колиного начальства превратился в Колиного подчиненного - первого помощника по политработе. Но все равно остался старшим другом и там, на "Керчи", и теперь - на "Золотом колосе".

Должность "первого" - особая. Он - помощник капитана по духу и бодрости. Есть у помполита официальные обязанности - они четко определены Уставом флота. Но если не официально, то чем только он не занимается! Записать последние радионовости из далекой Москвы; разрешить конфликт между "прачуном" (да, да, на судне прачка - мужчина!) и прижимистым боцманом; организовать встречу Нептуна на экваторе, решив проблему "сухого закона"; обменяться кинофильмами с плавбазой, сумев заполучить новейшие ленты, а всучить чего-нибудь подремотнее; неназойливо разжигать соревнование между вахтами и бригадами; зато рьяно тушить пожар страстей после самой интеллектуальной морской игры - перетягивания каната; провести "мужскую" беседу один на один с местным Отелло, которому жена на прошлой неделе почему-то не прислала запланированной радиogramмы с необычайно оригинальной концовкой "Люблю. Целую. Жду"; подготовить доклад на День рыбака, и прочее, прочее.

В Уставе есть такое суровое правило на случай гибели корабля: "При оставлении судна судовым экипажем первый помощник капитана покидает судно вместе с капитаном". Они уходят последними.

У Тарасовича, политработника с военной поры, никак не "комиссарская" внешность. Добродушное лицо, крупный лысоватый череп, маленький носик картошкой, глаза с вечнозеленой искринкой, выдающие характер непоседливый и взрывной.

Каждый день он приходит в столовую команды, садится за длинный стол и начинает докладывать обедающим морякам: какая вахта за сутки сколько заморозила, сколько разделала, по каким показателям отставание, по каким идем с опережением, как дела по сравнению с другими судами, какова в целом обстановка на промысле. Он называет по памяти сонмище цифр: в рублях, тоннах, процентах.

"Что мне в "комиссаре" нравится, - говорит Коля Третьяк,

- так это то, что напрочь не заигрывает с матросами, не ищет дешевой популярности: мол, смотрите, какой я демократ - любителей почесать языки не обрываю, сам могу подбросить что-нибудь этакое полуофициальное. Смирнягин, если что не так, бросается в бой по всей форме. Позиция у него по всем вопросам крепкая, как железобетонные укрепления".

...Очередной мешок с рыбой на одном ваере подплыл к нашему слипу. Тральцы быстро раскрыли его, по палубе растеклась тугая темноспинная рыбка.

- Хороша! Жаль, что не для тралов, - посетовал помполит, усаживаясь рядом со мной возле пульта траловой лебедки.

- Район благодатный - тепло, штормовых дней мало, с базами более-менее благополучно, и знает его капитан прекрасно. Кстати, это тоже одна из причин, по-

чему нам никак нельзя сдаваться в нынешней ситуации. Если не выполним задания именно здесь, не докажем, что правы, - в следующий раз в этот район не пустят - пошлют на север. Ведь мы сами отстояли...

Вот оказывается что! У каждого капитана есть свои любимые места промысла, в которых он чувствует себя уверенно, знает квадраты лова лучше собственных пяти пальцев. Наш район для Негруцы - открытая книга. К тому же здесь имеются заветные "уголки", куда не каждый добытчик отважится заглянуть, - участки океана, где дно изрезано глубокими расщелинами и хребтами - каньонами.

- В том-то и дело, что на каньоны бежать сейчас бессмысленно - не пришла туда рыба. Кому это объяснишь?..

- Как - кому? Сумели же!

Смирнягин кивает головой. Он понимает: я давно порываюсь расспросить о последнем общесудовом собрании.

- Да, собственно, и объяснять-то мало пришлось. И так все понятно.

Полгода промысла - штука нелегкая. День окончания рейса отмечен на календарях в каждой каюте чуть не с начала плавания. Знают о нем дома, на земле. Но иногда возникает ситуация: не хватает каких-нибудь двух-трех суток, чтоб выполнить план, вернуться в победителях, а не в отстающих, заработать, наконец, премию. Собирают собрание. Все, до единого, должны быть согласны задержаться - неволить, тут нельзя никого.

В столовой "Золотого колоса" не было места ни в проходах, ни на столах, ни у переборок. Шуточное ли дело: предложено остаться не на сутки-другие - на месяц! К тому времени положение на промысле улучшилось, и "Колос" сумел

погасить долг по прибылям, что появился; в провальные первые месяцы лета. Засветилась надежда сделать решительный рывок к тому самому вершинному обязательству, которое у всех на языке. Это - раз. Второе - подтянуть заработок, грозивший оказаться небывало маленьким для "Колоса".

Собрание молчало. Собрание думало. Собрание очень хотело домой.

Кто-то негромко сказал:

- А вдруг месяц - впустую? Смирнягин тоже ответил тихо:

- Солдат перед боем не думает, что его могуч убить, - иначе бой бессмыслен. Что можно обещать я есть надежда.

Есть необходимость. Решайте сами.

Ни одно заявление об уходе не легло на стол перед капитаном.

А потом случилось самое тягостное. Все надежды, что вспышка промысловой обстановки продлится месяц, лопнули. Район снова залихорадило.

...Принять двадцать тонн рыбы, как уговаривались, не смогли: у "кошельковиста" что-то случилось с сетью - от дальнейшей работы с нами отказался. Оформили документы, переслали на СРТМ. Моисеич мотался по рубке, командуя отходом.

Не успели выйти на глубину, как самописец эхолота начал рисовать приличный косяк. Капитан обернулся к вахтенному лебедчику и приказал быть на изголове. Придется лавировать тралом. Негруца показал на извилистую, слегка размазанную линию, что тянулась посреди сизой ленты прибора. Температурный показатель, тот самый, на который советовал обратить внимание старпом с "Флотинспекции".

- Ну и пляшет! Что-то происходит с водичкой, меняется гидрология, а значит...

Резкая команда:

- Десять метров вира!

Лебедчик потянул на себя рычаг, внизу под рубкой заурчали моторы, заскрипели барабаны, наматывая мокрые ваера.

На экране прибора отчетливо видно, что трал ползет кверху следом за температурной линией. И не напрасно: черный "заборчик" - стайка - тоже стал взбираться в гору.

Подошел к эхолоту Лопайко, коренастый, длинноволосый. Поглядел из-за плеча капитана на экран, довольно крякнул:

- Что-то будет.

И направился на корму.

Трал неожиданно оказался щедрым: полным отменной скумбрии - одна к одной, жирной и крупной.

- Странное дело, - говорит Николай, - откуда она появилась? Заблудшие туристы - не иначе.

Каждый в рубке надеется втайне, что это не так, что кэп ошибается.

Негруца убегает к тралу. Там командует Лопайко. Вернее, наблюдает, как слаженно и ловко его ребята выливают добычу в свободную ванну. Лишь изредка подсказывает вахтенному тралмастеру.

- Обидно! - горюет Смирнягин.

- Знали б, что нарвемся на такой косяк, разве стали бы брать из кошелька! А теперь вон две ванны забиты - надо срочно переработать.

- Подвахта?

- Уже спустились в рыбцех.

Я что-то не слышал объявления об аврале. Смирнягин не без гордости поясняет:

- А никаких объявлений не надо. Сами знают, когда требуется помощь.

Вижу, у слипа капитан отбирает скумбрию в сторонку. Показываю помполиту: что это Николай затеял?

- Кромсать будет. Ихтиолог! Стадию зрелости, наполнение желудочка, жирность и прочие премудрости выясняет.

Он к биологии и Мишу пристрастил, - комиссар поворачивается к Лапицкому, - есть такой грех?

Штурман согласно кивает.

Меня давно подмывает спросить у Тарасовича, почему на "Золотом колосе" такие молодые судоводители - ведь самая ответственная служба. До знакомства с кораблем казалось - наоборот: тут опытейшие и зрелые штурманы (такие рекорды по добыче ставят!), механики, технологи да и вообще все кадры - отборные.

Смирнягин ошарашенно моргает белесыми ресницами:

- Отборные? Ну и загнул! А по каким таким признакам? И кто нам их отбирает? Я вот что скажу: они сами по себе подбираются. Чужаки по духу просто не уживаются здесь - вот и все. Да и в отделе кадров тоже понимают, кого посылать на "Колос" бессмысленно: никто его не выгонит - сам уйдет, если не наш.

- Так что же - ката в мешке берете, когда новичок?

- В принципе - да. Хотя кое-что из предварительной беседы выясняется...

Я подбрасываю маленькую "шпильку":

- ...на скамейке возле кадров?

Помполит стрельнул зелеными глазами, заулыбался:

- Михайлыч, не верь слухам! А впрочем, чем не место собеседования - скамеечка?! Вот, к примеру, Володя Бондаренко - тоже "скамеечник". Встретились, поговорили, Лапицкий дал "рыжику" дельный совет: "Иди к Моисеичу прямо домой и просись на судно. Не забудь магическое: "Я - из Херсонской мореходки".

Возвратился в рубку Негруца.

Увы, все-таки я прав. Стадо не местное - пришельцы с юга, "леваки"... Но гидрология кое о чем говорит, ребята! Кажется, скоро и мы сделаем рывок!

Тонкое лицо Николая едва уловимо светилось предчувствием жаркой битвы.

ДАВАЙ СУМЕРНИЧАТЬ...

У нас на борту вторые сутки гость: полутораметровый коричневый морской лев. Он лежит, свернувшись клубком, в дальнем закутке траловой палубы, на подстилке из старых сетей.

Этих ластоногих увальней из породы тюленых рыбаки Атлантики прозвали "левами". Они частенько приплывают к промысловым судам, держатся группками - мама, папа и детишки, являя такие семейные идиллии, что моряки лопаются со смеху. Выжидают, когда с траулера перепадет им рыбешка: зачем самим охотиться, коли можно подкормиться на дармовщину! А еще любят поежиться в потоке воды из шланга, которой скатывают палубу: подплывет бурый ленивец к самой обшивке, голову подставит под струю и давай блаженно фыркать да усами подергивать.

В океане у них не много врагов - похоже, ни акул, ни осьминогов не боятся. Вот и теряют порой бдительность: в погоне за рыбьей стаей, увлекаясь, попадают в трал. Рыбаки стараются их побыстрее высвободить из сетей да выпустить на волю. Но некоторые "левы" проявляют нездоровое любопытство: им непременно хочется пройти по кораблю! Помню одного такого "экскурсанта": выбрался из горы ставриды, осмотрелся, грозно оскалил зубы и, встав на задние лапы, пошлепал... прямехонько в столовую команды. Как ни отгоняли его парни деревянными скребками и швабрами - только опасно шипел и катился дальше неудержимо, как танк. Затем круто повернул к выходу, прошел по корме, выглянул за борт - решил, что в этом месте прыгивать рискованно, неторопливо заковылял к слипу, сел на зад и съехал, как по детской горке, в океан!

Гостю, который сейчас лежит на подстилке из сетей, было не до "культпоходов". Когда вылили рыбу из трала, грузное бурое тело морского зверя безжизненно шлепнулось на палубу. Ребята решили поначалу, что "лева" задохнулся в мешке. Но тут увидели: дышит - тяжело, короткими затяжками. Осторожно перевернули: на брюхе ластоногого зияла большая рваная рана. Что за трагедия разыгралась там, под водой? В схватке с кем потерпел крушение добродушный и сильный обитатель глубин? Он умирал. И тогда один из матросов предложил: "Надо бы врачу позвать".

Щепетельный доктор сразу даже возмутилась: "Что я вам - ветеринар?!" Но, увидев бедное животное, расчувствовалась: "Ему срочно нужен укол... Только кто же сделает... Я? Нет, нет, это невозможно!" Однако шприц и лекарство приготовила.

Иньекцию с видом заправского врача произвел капитан. Происходило все это посреди кормы, и старший тралмастер Лопайко заметно нервничал: мол, что за дело - госпиталь устраивать на рабочем месте!

"Лёва" минут пять еще лежал неподвижно, потом, к всеобщей радости, приподнялся и медленно пополз в конец палубы. Все были уверены, что в воду, а он дотянулся до мягкого лежбища и завалился там, скрутясь в большой коричневый шар. Негруца заботливо сказал: - Ну что ж, койко-место нашлось. Будем считать - прибыл к нам на излечение!

Доктор, пообщавшись с умными книгами, назначила курс лечения. Пришлось тщательно обдумать вопрос о дозах лекарств, исходя из 1) солидного веса пациента; 2) отсутствия истории его болезни; 3) того, что пострадавший, вероятнее всего, не знаком с антибиотиками и медицинским спиртом, а следовательно, неизвестно, как будет реагировать на их употребление. Моисеич свершал все процедуры согласно предписанию врача. Пошли вторые сутки - больной явно оживал: приподнимался на подстилке, тряс головой (проверяя, не потерял ли в схватке эту часть своей фигуры), пробовал голос (какой же морской зверь без грозного рыка?).

Негруца только что сделал больному вечерний укол, проверил, как идут дела в рубке, и потянул меня в каюту - "похлевать кофейку".

Когда я гляжу на Николая - высокого, длиннорукого с красивым худощавым лицом, обрамленным черными кудрями, - невольно приходят на ум сравнения: то капитан напоминает знаменитого хоккеиста Якушева, то вдруг становится похожим на жгучего премьера из театра "Ромэн". Фамилия Негруцы пошла из Молдавии. Предки отца переселились на Херсонщину и, как говорит Николай, "обукраинились". Какой мальчишка из Цюрупинска - затишного городка в устье Днепра - не мечтал о дальних плаваниях! Там в каждом доме - моряк или рыбак. К тому же рядом Херсон с его славным мореходным училищем.

Курсантские годы - святыня в памяти Моисеича. Со многими преподавателями он переписывается и поныне, делится своими успехами и невзгодами.

- Знаешь, когда все это случилось на "Поливановой"... вся эта история, первый, кому написал, чтоб душу облегчить, был мой учитель Синицын Вадим Георгиевич. Старик все понял, все. Я ответ его десятки раз читал-перечитывал - как будто силой подзаряжался.

Их училищная группа урожайной выдалась: капитанами океанских траулеров стали Кривенко, Шестаков, Шиян, Никитин, Лерхе, Серенко. Негруца получил направление в Севастополь, где только-только зачинался рыболовецкий флот. Тогда приехала из Херсонской мореходки целая ватага безусых парней с дипломами штурманов в кармане и мечтой о капитанском мостике. А кораблей на всех оказалось... аж один: большой морозильный траулер "Жуковский". Незанятых вакансий судоводителей на нем не было. Начальник отдела кадров утешал: "Флот будет расти. Поработайте пока на свободных должностях". И добавлял: "К сведению: адмирал Нельсон начинал юнгой на побегушках".

Остались далеко не все.

Николай ушел в первый рейс на "Жуковском"... поваром самой низкой категории. Друг его Гена Кривенко - официантом. Вскоре они "дослужились" до матросов второго класса, затем первого. Их собрату по училищу - Геннадию Зайцеву (будущему капитан-директору ордена Трудового Красного Знамени траулера "Жуковский") повезло больше: он подменял рыбмастера.

И все-таки Негруце посчастливилось, как не многим: четвертым штурманом Николай ушел на "Балаклаве" - кораблем тогда командовал человек-легенда, талантливейший рыбак-самоучка Александр Харитонович Калайда - "дед Калайда". Судьба и дальше не обходила учителями. Они были разными по характеру, по интеллекту и образованности, но все по праву звались Моряками с большой буквы: Герой Социалистического Труда Евгений Алексеевич Алисов, кавалер ордена Ленина Юрий Бильевич Азимов, первопроходец Атлантики Сергей Павлович Ковтушенко...

Кофе в море всегда необыкновенно ароматен. Не знаю, чем объяснить, - может, какое-то взаимодействие со специфическим соленым воздухом? А в этот сиреневый, затихший вечер напиток казался вообще божественным.

На "Поливановой" научился особому способу заварки...

Меня давно подмывало вызвать Негруцу на разговор о его прежнем корабле, да и вообще - о "той истории". - Скучаешь?

- За чем - за кофейком по-поливановски? - притворился, что не понял вопроса Николай.

- Да нет - за парходом.

Он ответил без промедления, с подчеркнутой небрежностью:

- Ни капельки! Там слишком много побочных забот. На "Колосе" больше чувствуешь себя рыбаком. - Лицо капитана вдруг вспыхнуло иронической усмешкой: - Особенно в нынешней ситуации! Я поддакнул:

- Вот-вот!

Николай вмиг посерьезнел.

- Я знаю, о чем ты сейчас думаешь: зарвался Негруца, задрал нос, и - наказан. Скажи по-честному, Тарасович тоже так считает? А парни?

Видимо, это болит.

- У меня сейчас задача: выжать из здешней рыбалки максимум. А потом... Ты заметил, что мы потихоньку смещаемся к северу? Я все-таки надеюсь оказаться ближе всех... и потом рискнуть - сделать переход!

- Все-таки рискнуть?

Тяжкий вздох. Глоток кофе по-поливановски. Неприятно резко затрещал телефон. Негруца вскочил. В трубке говорили так громко, что даже мне было слышно.

- Николай Моисеевич, наш "лева" встал и уходит! "Пациент" кэпа очухался и решил досрочно покинуть лазарет.

Мы выскочили на воздух. Недавний больной грузно переваливался через оградительный бортик, направляясь к слипу. В вечерних сумерках коричневая туша его смотрелась ожившей горкой из мультфильма. Подошел, оценил обстановку и неспешно стал спускаться к воде, удерживаясь на стальном уклоне задними лапами. У самой кромки поскользнулся и плюхнулся в волну.

- Ушел... Даже не обернулся, не попрощался...

В голосе капитана сквозь шуточный тон пробивалась неподдельная обида.

Вечер опередил нас - успел забраться в каюту. Николай подошел к выключателю, но поднятая было рука опустилась, и он тихо сказал: "Давай сумерничать".

Я согласился.

Кофе остыл и уже не казался чудом...

- Вот у меня тут на диване книга. Роман. О чем? О счастье. Да, да, банальная и извечная тема... Конечно, он прав, писатель: горела бы только звезда впереди, любила бы одна единственная женщина и было бы дело - тоже одно на всю жизнь...

Фиолетовым дымом тлело небо над океаном. Полусонные чайки тихонько вскрикивали на лету.

- Слушай, Михайлыч, ведь все проходит - даже любовь! Что же остается в жизни? Твое дело - и только. Но это все ложь, ложь: вот, мол, ты люби свою работу и будешь счастлив! Мало его любить - дело, надо, чтоб оно любило тебя! И если случилась эта взаимность редчайшая, тогда ничего не страшно: ни огонь славы, ни черное горе...

В темноте надрывался телефон.

И все-таки наш "лева" вернулся! Прошло два дня. В яркий васильковый полдень к слипу подплыла лоснящаяся коричневая мордочка. Каким-то чудом гость вскарабкался по скользкому подъему. На деревянном настиле кормы он распрямился во весь рост, и тогда моряки увидели на брюхе животного длинную зажившую рану.

Он вернулся, чтоб поблагодарить нас и попрощаться уже, наверное, навсегда.

На "Колосе" остряки оттачивают свое мастерство на судовом враче. Уважаемая докторица, чудесный специалист, милая, заботливая, далеко не новичок в океане. Но вот же просто легенды ходят о ее очаровательном простодушии и непостижимой доверчивости! Заявляется в лазарет трюмный матрос. У него от соленой воды почему-то пупырышки на коже выступили. Докторица смотрит близоруку и удивленно: Откуда это у вас, юноша?

- Пчелы покусали, - на полном серьезе, не моргнув глазом.

- Как пчелы?! Где? Кто допустил! Разводить пчел на корабле - вопиющее нарушение санитарии! Немедленно признавайтесь, где они!

- В трюме.

- За мной!

Говорят, докторица, не молодых уже лет, дотоле ниразу не спускавшаяся в морозильный трюм (там минус двадцать), надела ватник, валенки и ушанку и полезла по отвесному трапу в ледяную преисподнюю искоренять зловредный пчелиный улей.

Или рассказывают о такой проделке местных шутников. Были по делам на консервном траулере "Наталья Ковшова". Привозят оттуда большой портфель - передача докторице от ее коллег на плавучем заводе. Она раскрывает портфель, и - о ужас! - оттуда выскакивает насмерть перепуганный лохматый Бобка. Слезы, угрозы в адрес безобразников, рапорт о немедленном изъятии проклятого пса - как антисанитарного элемента, запрещенного инструкцией карантинной службы, а также решениями, постановлениями... Через час милая докторица уже расчесывала шелковистые белые космы собачонки и кормила ее из ложечки. Бобка - это Бобка. Ему дозволено все. Всякий на судне почитает за честь, если этот прохвост переночует в его каюте. Каждое утро во время совета капитанов пес обязательно присутствует в радиорубке. Бывает, иногда не выдерживает и чье-то затянущееся выступление облаивает. Моряки, в который раз пораженные необычайным умом собачары, изрекают: "Правильно, Боб: товарищ болтает ахиною!"

Сегодня пес неожиданно облаял сообщение с траулера, который забрался далеко от группы в один из южных квадратов. Там была парочка удачных тралов, и капитан, распираемый гордостью, готов сорвать с места всю флотилию.

Моисеич понимающе смотрит на Бобку, решительно подсаживает его к себе на кожаный диванчик.

- Согласен, дружище, ты правильно заметил: этот товарищ морочит всем голову. Мы побежим в противоположную сторону. Пора! Заберемся в свой "огород".

Согласен?

Пес удовлетворенно трясет мохнатой гривой и заливается радостным лаем.

НА КАНЬОНАХ

Ночь. Мокрая корма ослеплена прожекторами. Посреди нее, подрагивая и вскрипывая, ползут стальные канаты, вытягивают из черной глубины тяжелую снасть.

- Стоп!

Это команда наверх - лебедчику, в застекленный выступ рубки"

Ваера остановились. С них, еще вибрирующих, как струны, стекает океан.

Четыре матроса метнулись в конец судна, - туда, где оно обрывается отвесно, а в воду круто спускается ущелье, именуемое "слипом". Ребята орудуют здесь полуметровыми гаечными ключами - отсоединяют от ваеров траловые доски.

Сброшены на слип два пучка стальных тросов. Вновь захрипела лебедка, прозвенели на подъеме цепи, дробно застучали железные шарики-кухтыли. Показались крылья широченной снасти.

Лопайко, расставив ноги в высоких резиновых сапогах, внимательно присматривается к первым сетям.

- Анатолий Митрофанович, ну что там? Лопайко подходит к переговорному устройству, отвечает штурману:

- Слегка крыльшки. Голос Лапицкого:

- Сколько нужно? На все - двадцать три минуты. Успеете?

В другое время даже самый сдержанный тралмастер взорвался бы: на все - выливку трала, ремонт порванной крыловой части, подготовку к очередному спуску - на все двадцать три минуты! В другое время, но не сейчас - на каньоне. Тут ломается привычный ритм рыбалки: за ночь не два, а шесть тралений, порывы почти после каждого, палуба не успевает просохнуть. Время спрессовано до предела.

В глубине кормы Лопайко с помощником растянули снасть. Анатолий Митрофанович одной рукой показывает что нужно сделать. Потом переходит к следующей части трала. Тут, спустившись на подмогу товарищам, работает лебедчик. Иглица в его руках сверкает молнией - тонкий алюминиевый челнок с намотанной нитью, кажущейся в свете прожектора паутинкой из инея. Лопайко снимает каску, молча, насупив брови и ничем не выражая своего одобрения действиям парня, наблюдает за его работой.

Лебедчик продолжает лихо обрезать обрывки нитей, вяжет узлы новых клеточек. Быстро, без слов, показывает старшему, что с чем намерен соединить. Анатолий Митрофанович покровительственно бурчит, в знак поощрения подсовывает матросу заготовленную, с ниткой-сеточником, иглицу.

Для меня это все равно остается загадкой: как в ворохе перепутанных нитей, не расправив всего орудия лова, парни умудряются найти единственно необходимую клеточку!

Остается пять минут.

Старший отправил лебедчика в рубку: дело близится к концу - пусть будет на месте.

Две.

Лопайко подходит к переговорной.

- Мы готовы. А вы?

("Ага! Вы-то еще не вышли на заветный косячок! Чего же понапрасну торопили?! Ох уж эти штурманы!") Миша Лапицкий спокойно отвечает:

- Спасибо, Анатолий Митрофанович. У нас все в порядке. По местам стоять!

("Вот черти - тоже успели!")

- Майна!

Мешок, приподнятый над слипом, плюхнулся в кормовой бурун и тут же отлетел по кипящей воде метров на десять. За ним, увлекаемые струей, потянулись вниз сети.

Подключены распорные доски. Выскочили на тяжеленные блоки черные ваера. В полный голос зарычала лебедка. Трал пошел в глубину.

А в это время в ходовой рубке у поискового прибора капитан и Миша Лапицкий внимательно ждали появления на экране первого "холмика". Тут никакие определения по звездам или по локатору не помогут. Выход в нужную точку только так: по подводным меткам. За время работы в районе каньонов эти ориентиры изучили с такой дотошностью, с какой и альпинисты не знают свои горы.

В томительной тишине завывает лебедка.

Есть, появилась первая "кочка".

Курс?

- Сто восемьдесят.

Так держать! - командует Лапицкий. На экране отчетливо видно, как возникает склон скалы. Трал медленно опускается вдоль него.

- Стоп травить!

Лебедчик резко берет на себя рукоятку. Гул обрывается.

Сейчас самое главное. Нужно "вписаться" в подводный утес. У его подножия протянулась изогнутая муаровая лента - это явно неподвижное скопление зубана.

- Поворачивай на сто пятьдесят! - бросает Негруца руевому. Тот, едва различимый в темноте рубки, начинает медленно вращать штурвал. Судно входит в поворот.

Моисеич сидит на стуле, изогнувшись, как демон у Врубеля. Миша застыл над ним. В неоновом свете Прибора двое кажутся шаманами, а перешептывание их - таинственным заклинанием.

- Ф-фу! Подбора жива.

- А что с ней станет. Впервые, что ли?

- Все равно екнуло сердце.

- Это у тебя, дружок, нервы. Рановато. Спал сегодня?

- А вы?

- Ты перестань грубить начальству.

- Просветки совсем не было.

- Была, Миша, была.

В тишине тонко жужжит гирокомпас да равномерно черкает по бумажной ленте самописец эхолота.

Линия грунта, сделав несколько острых зигзагов, стремительно пошла вниз. Сто пятьдесят метров. Двести. Двести пятьдесят.

- Травить ваера! - выпаливает капитан. - На полной!

"На полной" - значит на предельной, восьмой скорости. Взрычали моторы. Лебедчик весь подался вперед, словно помогая барабанам раскручивать могучие канаты.

Трал со всего размаху, очертя голову бросается вниз, на косяк, как бы захлопывая его.

- Стоп! - кричит капитан. Лебедка поперхнулась, застыла. И тут же команда рулевому:

- Самый полный!

Только бы удержать трал на нужном горизонте! Не упустить косяк и не зацепиться за скалу, в метре от которой "висит" рыба.

Капитан отбрасывается на спинку стула, говорит Лапицкому:

- Вызывай ребят.

"Ребята" - это траулер-керчанин, новичок на каньонах. "Ребята" попросили "Колос" стать их проводником в труднейшем квадрате лова.

Негруца подходит к спикеру, дает пояснения керчанам о каждом "порожке", который показывает прибор, до малейших подробностей сообщает, когда и на какой скорости пройти, до какой глубины травить ваера, где самые опасные места.

За неделю работы на каньонах здесь уже перебивало немало кораблей. Приходили, храбро бросались в омут, но... оставляли в корявых расщелинах один-два трала и уходили, пока остальные целы! Как всегда, удержались, кроме "Золотого колоса", "Комсомолец Севастополя", "Союз-3", да вот подошел еще один отчаянный из Керчи.

Негруца заканчивает объяснения.

- О А главное, ребята: не дрейфь! Конечно, будете рваться - не без того. Но овчинка стоит выделки.

Лапицкий спрашивает лебедчика, нет ли перекоса ваеров, - ему кажется, что корабль потихоньку сносит течением. Дал указание рулевому подвернуть круче. И тут же выкрикнул лебедчику:

- Вира!

Трал прошел в полуметре от острого пика. Зато успел "стесать" с макушки маленькое "облачко" - не подозревавшую ни о чем стайку.

Моисеич подошел к помощнику. Посмотрел на рисунки самописца. Устье трала сжалось почти в три раза. Про себя подумал: "Сорвиголова!" И сердце наполнилось нежностью, захотелось провести рукой по длинным прямым волосам парня.

- Михаил, я спущусь в цех, погляжу, как там у них дела.

Лапицкий оторвался от прибора, в больших глазах появилось просительное выражение:

- Николай Моисеич, ну, может, поспите. Ну нельзя же так...
- Ба! И этот тоже - "нельзя же так"! Ты у кого на службе - у доктора?

...После пустынного коридора жилых помещений цех оглушает сплошным, слитным гулом. Но, едва накрепко задраишь тяжелую стальную дверь, гул этот распадается на множество голосов. Дальних: завывание и повизгивание конвейера, грохот переворачиваемых блок-форм, хриплые плески воды. Ближних: глухое падение паков на трюмный транспортер, перестук направляющих роликов, скрип морозных брикетов, которые подтягивает крючком Коля Третьяк. Он подхватывает брикет одной рукой, другой отворачивает в картонном коробе прокладку, резко опускает рыбу на дно, закрывает бумагой. Следующий брикет. Еще один. Хлоп, хлоп - короб закрыт, перевернут, сжат обечайкой, обвязан, отброшен в сторону.

Матрос работает с непостижимой скоростью и ловкостью. Запакованные картонные ящики с рыбой, догоняя друг дружку, ушлепают по транспортеру в холодильный трюм.

Негруца замечает, что у парня кисть правой руки перевязана платком.

- Что с тобой?

Третьяк, не оглядываясь, отвечает:

- Ничего, я в порядке.

- С рукой что у тебя, я спрашиваю?

- Царапнул.

- Иди к врачу.

- Вот еще! Буду я ее ночью поднимать! - Николай!

- Моисеич, видите: аптечка на месте, я все сделал по форме.

- Тезка, не валяй дурака. Сбегай, пусть сделает все, что надо.

- Нет. Час остался. Мы сегодня вторую вахту должны обштопать!

- Иди, иди, я постою за тебя.

- Кто - вы?! Н-н-нет! Вы нам весь ритм собьете.

- Это я собью? Ах ты пижон! А ну - в сторону! Капитан шутливо отталкивает упаковщика, хватая подплывший брикет, с размаху швыряет его в короб, кричит "второй руке":

- Пошевеливай!

Один пак, другой, третий. Кэп оборачивается к Третьяку:

- Ну так что?!

-о для матроса второго класса - в порядке. Но первый... н-н-нет - не дотягиваете.

- Ладно, ладно, я тебе это припомню! - поворачивается к "второй руке": - Как только появится окошко, спровадь негодя к врачу.

Проходит вдоль туннеля в сторону расфасовщиков. Навстречу - рыбмастер:

- Николай Моисеевич! Ну что это за дела: инструкция инструкцией...

Ясно. Жалуется на технолога. Тот жмет на своих подчиненных: "Скорость - хорошо, а качество лучше". Негруца стойко выслушивает тираду мастера, потом отвечает с мягкой интонацией, но подчеркнuto четко:

- Вы меня не убедили. Технолог прав: инструкцию следует выполнять до последней точки. Не спорьте! - не выдерживает долго размеренного тона. - Вам же самим будет стыдно, если переведут во второй сорт. Ну зачем нам искать приключений, зачем?

Капитана заметили на разделке. Зовут к себе. Николай впрыгивает на переходной мостик, успевая приветливо махнуть налево - Ледневу, что в огромных рукавицах стоит возле морозильного аппарата. Старый матрос, улыбаясь, отвечает Негруце. На днях Николай Васильевич отпраздновал пятидесятилетие. Испекли фирменный торт "Золотой колос", вручили грамоту, подарки. "Потомок листригонов" аж прослезился!

За разделочными столами -ночная подвахта во главе с помполитом. Тарасович орудует шкерочным ножом так, что чешуя летит во все стороны, словно гравий из-под колес гонщика. В подвахте Смирнягина две женщины - повариха и буфетчица.

Фаина весело выкрикивает:

- Моисеич, мы сегодня всех мужиков обставили! Присоединяйтесь!

- Доверяете? Ну, спасибо, бабоньки! А тралцы что - испугались вас?

- Да нет, - вступается Смирнягин, - Лопайко забрал вечерний трал ремонтировать.

- Моисеич! - басит из дальнего угла бородатый матрос, старший на расфасовке. - Вы б нам информацию сделали: чем последняя неделя помогла?

- Информацию? Так здесь же "министр информации и экономики" - пусть докладывает!

"Комиссар" ухмыляется во всю ширь потной, раскрасневшейся физиономии.

- Нет уж, товарищ капитан, раз пришел - доложи! И так верещат на пароходе, что Моисеич зазнался- с народом не якшается.

- Вот те на! Ну, слушайте: час йазад подбил бабки, и получилось, что по добыче вышли вперед, так что годовое обязательство сработаем. Должны сработать!

- Так!! - чуть не хором выдохнул весь участок.

- Тут мы на коне. И в смысле пятилетки тоже. Теперь - по финансам...

Неделя в районе каньонов здорово подтянула все показатели. Недаром Негруца томительно выжидал этого "звездного часа", когда можно будет сделать решающий бросок в заповедный свой "огород".

- А как соседи?

- Хорошо работают. Очень хорошо. Молодцы. Не выдержал, вмешался помполит:

- Не договаривает, Моисеич. Мы-то в соревновании за декаду обошли их!

Повариха долго порывалась спросить, наконец решилась:

- Моисеич, а рыба тут долго продержится?

- Сбегаю узнаю у тральцев - они ведь с рыбой на ты!

Оленьим прыжком Николай подлетел на трап, выпрыгнул на корму. И неожиданно очутился в густой лавине дождя. Под лучами жарких прожекторов струи воды казались расплавленным золотом, они беспорядочно тарахтели по деревянному настилу, потускнев, стекали в стальные канавки - ватервейсы.

Негруца, в мгновенье промокший, направился к тральцам. Те, едва уместаясь под пологом шлюпочной палубы, чинили основательно искромсанную снасть. Парни сидели, стояли на сетях кто в капюшоне, кто в каске. Вода добралась и сюда, на нее никто уже не обращал внимания. Матрос Коля Бебех потеснился, выпуская под "крышу" капитана.

Опираясь одной ногой на деревянный сломанный ящик, вяжет сеть старший тралмастер. Широкоплечий, невысокого роста, с мясистым лицом, обрамленным мохнатыми бакенбардами и длинными волосами, Анатолий Митрофанович Лопайко - человек хозяйственный. Даже сам капитан не догадывается, что у старшего в загашике есть новехонький, полностью вооруженный трал. Тут расчет дальний. Что, если, прилетев на следующий рейс, выйдут они из инпорта, а директор (как неизменно величает тралмастер своего кэпа) надумает заглянуть на банки? До них сутки хода, орудие лова за это время подготовить невозможно, и тогда припасенная на "черный день" снасть окажется спасением!

Лопайко - прожженный морячина. Служил на военном флоте, остался на сверхсрочную, был боцманом в аварийно-спасательном Отряде. Почти с начала образования в Севастополе управления океанического рыболовства плавает на добывающих судах. Начинал матросом траловой команды, потом назначили мастером, старшим стал на "Колосе".

Траловое дело знает так, как многим не снилось. Если нужно, может не спать неделями. Если нужно, месяц будет биться над разгадкой какой-нибудь причуды в поведении трала, но распутает шараду. Поступил недавно учиться заочно на факультет промышленного рыболовства.

Хлещет дождь. Качаются прожектора.

Негруца выскакивает из-под навеса и в это время слышит отдаленную команду по трансляции:

- Приготовились!

Второй штурман собрался выбирать трал. "Ну-ну, посмотрим, что там Миша наловил!" - Моисеич пробегает в помещение, отряхивается, тщательно вытирает ноги. Поднимается в рубку. Одновременно с ним в противоположную дверь заскакивает лебедчик.

- Поехали!

Захрипел подъемник, затажно, словно раздумывая, набрал дыхание, заголосил погромче, перешел в другую тональность, потом, раскрутив полную скорость, мощчам в космическим баритоном перекрыл все остальные звуки на корабле.

Трал выскочил на палубу быстро, будто торопясь из соленой пучины под азартные золоченые струи небесной, пресной воды.

- Ух ты, норма.

Это появился в рубке гидроакустик. Его никто не будил посреди ночи. Но сработала реле-привычка: проснулся, пошел посмотреть, не шалят ли его "игрушки" - локаторы, эхолоты, рыборазведчики. Сейчас полюбопытствует, какая рыба в трале, и пойдет досыпать.

Поднялся на мостик Лопайко. Заулыбался.

- Аккуратный трал.

Высочайшая оценка штурманского мастерства! В трале - ни одной порванной ниточки.

- Мишенька, заработал дополнительную порцию манной каши! - Моисеич знает пристрастие своего юного помощника.

Из мешка хлынула добыча: большие длиннохвостые рыбины - серебристый хек. Будет что делать обработчикам: и на простую разделку сгодится, и на филе - сегодня такой товар!

Судно, описав дугу, заходило уже на следующее траление.

Лопайко взял в руки микрофон.

- Хлопцы, давайте побыстрее. Надо еще до утра черпануть.

Дождь совсем ошалел. Казалось, вся чернота неба решила обратиться в воду.

- Приготовились к спуску! Майна трал!

Вот уже месяц, как над головой непривычно жаркие и душные небеса, а вокруг густой соленый лазурит. В этом районе океана - целый плавучий город. По ночам в космической темени движутся мириады огней - здесь промышленляют суда со всего света: японцы, кубинцы, немцы, португальцы.

Месяц, как расстался с "Поливановой", но когда беру в руки сводку, глаза невольно отыскивают это имя, и я, странно волнуясь, изучаю суточные дела корабля: вылов, консервы. Каждое утро сижу в рубке, слушаю совет капитанов и, когда очередь доходит до Горбачева, подсаживаюсь поближе к приемнику. Радуюсь: молодцы, вышли на сардину! Огорчаюсь: как на грех, кончилась тара!

Они рядом, милях в пятидесяти от "Колоса". Вчера прошли совсем близко, но выскочил я на мостик поздновато - никакие бинокли уже не могли помочь.

А сегодня в полдень стоял на баке, глядя на цирковое представление, которое устроили вокруг форштевня дельфины. Поднимаю голову - слева по носу идет навстречу красивый двухтрубный корабль с могучей и необычной надстройкой. В первое мгновение и не подумал, что это моя "Поливанова". А то была она! Впервые в океане я увидел ее вот так - со стороны.

За спиной послышалось тихое и нежное:

- "Машенька" плывет... Говорил Негруца.

"Машенька" - о вот она какая! С бака уступами уходят вверх палубы, поднимаясь высоко к штурманской рубке. С кормы вся громада надстроек обрывается ледовым утесом. В конце судна расставила великанские ножищи белая портальная арка, оранжевые шлюпки рядом с ней кажутся чоботами, только что снятыми с ног Гулливера.

- Молодец Виктор! Вот это работа!

"Поливанова" шла, словно лемехом плуга выворачивая форштевнем пласты океана. И далеко за ней тянулись два черных троса, буксируя гигантскую снасть.

Судно проплыло почти рядом. Я схватил бинокль и направил его на рубку. Странно, но только сейчас, со стороны, обнаружил, что крылья мостика напоминают разведенные руки. Из рубки вышел маленький смуглый "чиф" Васильич, заглянул вниз, на палубу. Поманил к себе Ивана Павловича. Тот появился в широкополой шляпе, потягивая сигарету (наверняка, из "закоулочных" припасов!). Ниже, на трубной площадке, была натянута волейбольная сетка - там шла бескомпромиссная битва: с одной стороны верховодил помполит, с другой пожарный помощник капитана, "два метра с шапкой". Были и зрители: Шура Казарская, Герман Александрович, Володя-усатик с Кухтылем. О чем-то оживленно беседовали чернобровая Лида Шевченко и дородная Степановна. А чуть поодаль от них, за машинным капом, сидела знакомая парочка - те самые, что не Галочка и Федя, а...

ЖЕНА КАПИТАНА

- Ну как он там?

- Все нормально.

- Похудел?

- Что вы! - начинаю я бодрячески, но тут же осекаюсь. - Выглядит нормально. Передавал, чтоб не волновались. Жив-здоров.

Я опередил своих друзей-океанчан - прилетел на Родину раньше их. Срок моей командировки истек, надо было возвращаться в редакцию.

Женщина просвечивает меня огромными глазами. Они пытаются разглядеть что-то за словом, они растерянны и настойчивы одновременно. Изломанные тонкие брови. Худое лицо.

Эта женщина - жена Негруцы.

Женщина смотрит огромными глазами, полными теплой сини. Эти глаза - как из глубины колодца.

- Там сейчас заштормило. Я слежу по сводке. И туманы... Как он там? Рискованный он, шальной... Вы говорите, рыба пошла наконец?

- Надежда Ивановна, ваш Николай - самый степенный, самый рассудительный капитан на промысле.

- Правда?!

Я киваю. Я улыбаюсь. В голове, как вспышкой, осветилась последняя ночь на корабле.

...Вечером неожиданно сообщили, что подходит к нашему району "Сириус" - мне необходимо пересесть на него, чтоб добраться до Лас-Пальмаса. Это последняя оказия, с которой я еще мог успеть на зафрахтованный самолет. Ничего не предвещало осложнений. Негруца сказал: "Что ж, раз торопишься, пересадим. Лети домой, счастливчик! Будешь передавать приветы".

После полуночи океан подозрительно зашевелился, к трем часам волны озверело набросились на судно, вопя и выкрикивая угрозы. В четыре утра на расстоянии полумили заморщился силуэт "Сириуса". Спускать шлюпку в такой шторм - безумие: миг перевернет. Мою надежду вылететь на Родину с ласкового, затишного острова Гран-Канария с каждым ударом по стальному корпусу добивали угрюмые валы.

Николай попытался утешить: "Ничего страшного не случилось. Полетим вместе через месяц". Потом, не выдержав моего космического отчаяния, махнул рукой: "Ладно, переправим!"

Это было фантастическое зрелище, прямо-таки цирковой номер! Набрав полную скорость, корабль описал круг, в центре которого оказался "Сириус". Этим резким маневром Негруца сбил с толку свирепые волны - они поперхнулись, в кольце образовалось спокойное озеро, гладкая вода! В те считанные минуты, пока след от винта отсек атаку мрачных валов, шлюпка под командованием третьего помощника благополучно добралась по чудо-заводе до "Сириуса". И я перескочил на его палубу...

- Он пишет, что в нынешнем году район преподносит сюрприз за сюрпризом. Лучшие тралы-ночные... Наверно, почти не спит?

- А при чем же тут капитан? У него есть вахтенные помощники... (Глупец! Кого я пытаюсь обмануть: Надежда сделала не один рейс в океан!)

Но глаза, эти огромные, доверчивые глаза готовы поверить в заведомую ложь.

В эту женщину Николай влюбился нежданно-негаданно - вдруг. Она работала в лаборатории у него на "Марии Поливановой". Он каждый день встречался с ней в кают-компании, видел ее в заводе. Видел и месяцами не замечал. Однажды спустился в лабораторию. Она сидела за столиком у цветастых пробирок и колб - в белом халатике и белой шапочке, из-под которой выбился смоляной локон. Тонкая, длинноногая, с легкой грустинкой в лице. И тогда случилось вот это вдруг. Тогда он послал на берег ту непростительную, ту непозволительную радиogramму жене: чтоб не встречала, потому что жизнь его начинается заново.

Боже, какой случился переполох! Такие депеши открытым текстом на весь океан, на всю планету - это верх безрассудства! Да еще с борта самого образцового, самого благопристойного судна, передового по всем статьям! И кем - самим капитаном! Славой и гордостью корабля, капитаном, который согласно личному делу был "отличным семьянином" и вообще человеком почти ангельской чистоты. Это ужасно - амурная интрижка в рейсе!

А это была любовь.

Понять это трудно. Как сумасшествие. Капитана нужно было спасать! Срочно, без лишних рассуждений: ведь ломается все - карьера, жизнь. Партбюро полурастерянно решило осудить. Их нужно разобщить. Все утрясется, поутихнет, забудется.

Надя перешла на другое судно.

А это была любовь.

Многим понять это трудно. Он писал ей письма, и те же члены партбюро тайно передавали их Наде на другой плавучий завод.

Он не отрешился. Он стал дурным примером для подчиненных. Пусть одумается, охладит свой пыл на берегу. Так порешила следующая инстанция, повыше.

А он добился развода. Оставил давно опостылевший дом. Они начали все сначала, с нуля: с комнатухи у сердобольной знакомой, с первого собственного стула. Родился сын. Худой, почерневший, но безмерно счастливый Негруца-старший не спускал мальчишку с рук. Он всегда любил детей. Бывало, останавливался перед шествием детского сада и блаженно смотрел, как гуськом движутся чудные крохотные человечки. Теперь Николай носился по всей Камышовой бухте со своим первенцем, показывал малышу море, порт, огромную "Марию Поливанову", которая второй раз возвращалась с новым капитаном - с его учеником Виктором Горбачевым.

Потом появился еще один сын - такой же очаровательный бутуз с умными, огромными глазищами.

Океан был далеко. Приходили друзья и вновь уходили на промысел. Они ни разу не видели Николая грустным.

Его вызвали в объединение. Начальство сказало: "Николай Моисеевич, хватит нам дуться друг на друга. Ты победил. Принимай пароход "Золотой колос". Согласен?"

Надежда вдруг хмурится, тонкая нежная складочка появляется на переносице.

- Он пишет, какие-то уколы принимает.

- Да это - так! Вы же знаете, доктор за ним, как за маленьким, смотрит. Придумала глюкозу вливать-хочет из Моисеича румяного богатыря сделать. Не узнаете!

Надежда улыбается, на впалых щеках появляются забавные ямочки. У нее гладкая матовая кожа и очень выразительные губы.

А она - симпатичная.

- Прислал фотографии. Но ни на одной его нет. Везде - Бобка.

Смеется:

- Они там помешались на своем любимце. Ему, наверно, все дозволено?

- Это точно. Все. Но у него и куча обязанностей: массовика-затейника, охранника рубки, даже пожарника.

- Пожарника?

- Угу. Стоит кому-нибудь обронить на палубу окурков, как пес тут же бросается тушить - отчаянно бьет лапой.

Выдрессировали.

- Страсть к собакам. На всех кораблях были. И на родине у него - у бабушки...

Всю последнюю ночь Николай рассказывал мне об удивительной этой бабушке из Цюрупинска, которая ему вовсе и не бабушка, а просто родственница, Ефросинья Андреевна. Она заменила Николаю мать, умершую в сорок втором во время фашистской оккупации, заменила отца, погибшего на фронте, она стала олицетворением силы и доброты, весь ее облик он обратил в легенду, и каждому слову этой, им сочиненной легенды, верил беспредельно. Бабушка была связана с партизанами. Ей с помощью чешского врача удалось вырвать пятилетнего мальчонку из гитлеровской клиники, где звери в белых халатах издевались над ребенком (у Николая по сей день на теле жестокие отметины тех варварских экспериментов). Она увезла его на хутор, спрятала, выходила...

Спустя некоторое время по делам корреспондентским мне привелось оказаться в Херсоне. Оттуда час до Цюрупинска по затишной речонке Конке - одному из русел Днепра. Водный трамвайчик под проливным дождем доставил к скрипучей деревянной пристани. Я направился одноэтажной улицей по адресу, что вписал в блокнот еще в океане, - к домику детства капитана Негруцы.

И открыла калитку седая, с гордой осанкой старуха. Всплеснула руками, узнай, что привез я привет от сына. Потачила в глубь двора, где утопала в абрикосах и яблонях белая хатка с низко надвинутой на лоб выгоревшей шляпой.

Они живут теперь вдвоем - Ефросинья Андреевна и старшая дочь Ольга, которой перевалило за пятьдесят. Было еще шестеро родных детей - умерли в голодные годы. А приемных у бабушки, кроме Николая, еще Владимир - тоже моряк,

плавает механиком на Дальнем Востоке. И еще один мореход вышел из этого домика - Ольгин сын Виктор, штурман, трудится в бухте Преображения. Все трое окончили Херсонскую мореходку.

В комнатах - устоявшееся убранство крестьянской избы. Фотографии на стенах, пожелтевшие под стеклом. И вдруг - морской вымпел с ленточкой от бескозырки. А напротив доморощенной вышивки - чертеж на миллиметровке: "Импульсная система дальней навигации" (реликвия Колиной курсантской юности). А вот аккуратно приколот кнопками полуметровый плакат, где толстыми кирпичными буквами значится: "На ударной вахте", "Рассказ о передовом экипаже "Золотого колоса". Вверху листа - Коля в капитанской форме на мостике.

Ах эта форма! Сколько раз приезжал сын после рейса - и все в штатском. Наконец бабушка не выдержала: "Приехал бы хоть раз при мундире!" О, сколько было радости, когда прошлась она по улице со своим знаменитым сыном! Он приехал в черной форменке с золотыми нашивками, в фуражке с капитанским "крабом". Она шла, ведомая им по улицам городишка, и весь Цюрупинск был тогда у калиток!

- А вот в Севастополе, - горько вздыхает она,

- я с ними не ходила. ("С ними" - это значит с Николаем и его первой женой.) Она меня стеснялась: вишь, интеллигенция, а я простая бабка. Коля переживал больно. А мне и ехать к ним не хотелось...

Печальные нотки сменяются теплыми и ласковыми:

- Теперь совсем другое дело! Наденька - она, как дочка родная...

И все-то знает моряцкая мама: кто на каких судах плавает, кто орден или медаль получил. Колиного комиссара величает по имени и отчеству, говорит про него теплые слова:

- Он для Коленьки, как отец... И мне всегда приветы передает...

Я слушаю сейчас Надежду и ловлю себя на мысли: "Они с бабушкой одинаковыми словами рассказывают про Тарасовича".

- Он для меня с Николаем - как родной... Помогал с новосельем, мальчишек наших боготворит, словно это его внуки... Но что там у них произошло? Они поссорились? Я ведь чувствую по письму - что-то неладно. Поссорились? Из-за чего? Наверно, Коля не прав?

- Если Моисеич и пишет что, то это - под горячую руку. У них настоящая мужская дружба. Она от трудностей только крепчает. У комиссара незыблемое кредо: "Авторитет капитана - это девяносто процентов всей политмассовой работы".

- Ужасно, когда два человека, любящие друг друга, ссорятся...

Тонкий румянец проступил на ее щеках, а в глазах явилась тихая грусть, отчего они стали бархатистыми и волнующими. У Надежды правильный нос, высокий и светлый лоб.

Она рассказывает про свои дела: к приходу Николая обставила квартиру; мальчишки все еще отдыхают у бабушки в Цюрупинске, загорели, окрепли. Надя теперь работает в управлении - в службе эксплуатации флота, нередко через ее руки проходят бумаги по "Золотому колосу".

Недавно переволновалась! Ей сказали, что готовят какую-то справку по качеству и туда в число судов, у которых есть рекламации, попал "Золотой колос". "Понимаете, это же ошибка... кто дал такую информацию? У меня ведь все документы - ничего подобного..." Не успокоилась, пока не восстановилась справедливость.

- У них докования давно не было, корпус оброс - теплые воды! Но на каньонах большой скорости ведь и не нужно, да? А что это за трал-"скалолаз" у них появился? Николай сочиняет? Я так и подумала. Вот фантазер!.. Такого тяжелого рейса не было ни разу. Но все-таки мы всех обошли!..

Я вдруг понимаю: на эти огромные глаза ему никогда не насмотреться. Как на небо. Она прекрасна - жена моряка.

ЭПИЛОГ ОТМЕНЯЕТСЯ

Я привыкал к земле.

В октябре из океана пришла радиограмма:

МИХАЙЛЫЧ ЗПТ РАД СООБЩИТЬ ДВТЧ МАРИЯ ПОЛИВАНОВА ВЫПОЛНИЛА ПЯТИЛЕТКУ ДОСРОЧНО ЧЕТЫРЕ ГОДА ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ ТЧК ЗАМАХНУЛИСЬ СЛЕДУЮЩЮЮ ДЕСЯТУЮ ПЯТИЛЕТКУ ГОРБАЧЕВ

Потом была встреча на берегу, в Камышовой бухте. Причал превратился в цветник, гремел оркестр, ветер раздувал транспаранты.

Среди встречавших судно я увидел Виктора Николаевича Плевако и не удержался, чтоб хотя бы на несколько минут раньше других узнать тайну его сувенира. Что там за письмо запамяно в капсуле?

Механик улыбнулся:

- А все просто: участники шестого рейса завещали тем, кто будет работать в юбилейном десятом, побить наш рекорд. Товарищи оказались отзывчивыми - пожелание выполнили!

Сужалась полоска воды между берегом и кораблем. Изогнувшись, метнулся к пирсу швартов. И вскоре длинный изящный трап медленно опустился на землю...

Стоп! Похоже, что я пишу эпилог или нечто в этом роде? Нет, не будет эпилога, его просто не может быть! Я поздравлял друзей с успехом, а они говорили уже о другом - не о прошедшем:

- Мы тут прикинули - можем взять встречный план...

Горбачев принимал в каюте гостей, бледный, торжественный. Сжав руку, сказал:

- А Николай Моисеевич все-таки вырвался вперед! Я уже знал, что "Золотой колос" снова шел первым на флоте по всем абсолютным показателям пятилетнего плана.

- Они направляются на ремонт в импорт. Так что скоро прилетят на отдых.

А Горбачеву предстояло двадцать суток земли. Целых двадцать суток!..

А потом они снова ушли в океан, буднично, привычно - продолжать дело, которое, как хочешь, читатель, назови романтикой, героикой или попросту - рыбалкой.

Так что эпилог отменяется.